(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 4.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры прежнихъ годовъ Русскаго Архива.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго.**—Записка **графа Нессельрода** о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира. — Мининъ и Пожарскій. Статьи **И. Е. Забѣлина.**—Воспоминанія **А. Н. Аѳанасьева.**—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. — Письма **графа С. Р. Воронцова** къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма **М. А. Волковой** къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева.**—Записки **графа П. Х. Граббе.**—Записки **Н. И. Греча.**—Записка **графа І. И. Ростовцева.**—Записки **И. П. Сахарова.**—Записки **И. А. Шестакова.** Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ.—Бумаги **П. А. Демидова.**—Е. И. Нелидова.—Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова.**—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова.**—Записки **Фотія.**—Записки **А. Я. Стороженки.**—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева.**—Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ

Осьмнадцать писемъ **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына.**—Записки **Хршонщевскаго.**—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.**—Записки **Николая Ивановича Лорера** (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Планъ **князя Потемкина** о наборѣ народныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками **Екатерины второй.**—Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и **тайный наказъ** о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Записки **Н. И. Лорера.**—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго.** — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья **И. С. Аксакова.** Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

Филологическія занятія Екатерины II-й.

Въ Русской исторической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ обстоятельнаго разсказа о томъ замѣчательномъ эпизодѣ жизни Екатерины II, результатомъ котораго было изданіе *Сравнительнаго Словаря*. Въ изданной на Нѣмецкомъ языкѣ книгѣ Фридриха Аделунга «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde» (Заслуги Екатерины Великой по сравнительному языкознанію, 1815 г., въ Петербургѣ) собрано много данныхъ по этому предмету; но они въ ней разбросаны посреди разъясненій, интересныхъ для филолога, но прямо къ дѣлу не относящихся, и притомъ нынче они могутъ быть дополнены подробностями, почерпнутыми изъ источниковъ, которые не были въ рукахъ Аделунга [1].

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ началъ развиваться въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была Великой Княгиней, конечно благодаря особенно изученію Русскаго языка. Ея наблюдательный умъ не могъ не приводить ее къ частымъ сравненіямъ новыхъ для нея словъ и формъ съ извѣстными ей въ языкахъ Нѣмецкомъ и Французскомъ. Уже тогда Великая Княгиня приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ Британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, и этотъ ученый черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно издалъ опытъ начала подобнаго труда подъ заглавіемъ: «Comparative Vocabulary of the Eastern Languages» (Сравнительный словарь восточныхъ языковъ). Опытъ этотъ былъ напечатанъ въ одномъ томѣ въ 4-ку, вѣроятно въ маломъ числѣ экземпляровъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ его въ библіотекахъ не осталось; но за достовѣрность извѣстія объ изданіи этой книги Аделунгу ручались заслуживающія довѣрія лица, которыя сами ее видѣли.

Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенною живостью возобновилась въ умѣ Императрицы въ такую эпоху, когда глубокая печаль заставляла ее искать развлеченія въ какомъ-нибудь новомъ и постоянномъ занятіи. Это было лѣтомъ 1784 года, послѣ смерти А. Д. Ланскаго. Она рѣшилась сама приступить къ собиранію матеріаловъ для подобнаго глоссарія. Вотъ собственный ея разсказъ о зарожденіи этого предпріятія, изъ письма ея къ доктору Циммерману отъ 9 Мая 1785 года: «Ваше письмо извлекло меня изъ уединенія, въ которомъ я провела девять мѣсяцевъ почти взаперти

---

[1]) Извлеченіе изъ этой книги было напечатано въ *Соревнователь* 1818 г., ч. I.

и изъ котораго мнѣ трудно было выйти. Вы никакъ не догадаетесь, чѣмъ я въ это время занималась; для курьеза разскажу вамъ о томъ. Я составила списокъ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ Русскихъ словъ и дала ихъ перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла отыскать и число которыхъ теперь переходитъ уже за вторую сотню. Каждый день я брала одно изъ этихъ словъ и записывала его на всѣхъ тѣхъ языкахъ, какіе могла набрать. Изъ этого я узнала, что слово, которое на одномъ языкѣ значитъ *небо*, на другомъ означаетъ *облако, туманъ, сводъ;* что слово *богъ* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе: *всевышній* или *добрый*, въ другихъ *солнце* или *огонь*. Это увлеченіе мнѣ надоѣло, когда я прочла вашу книгу объ уединеніи [2]. Но такъ какъ между тѣмъ мнѣ было бы жаль бросить въ огонь такую массу бумаги; къ тому же зала въ десять туазъ длины (туаза, Французская сажень, имѣющая 6 футовъ), которая мнѣ служила кабинетомъ въ моемъ Эрмитажѣ, была довольно тепла: то я пригласила къ себѣ профессора Палласа, и послѣ точной исповѣди о моей долѣ въ этомъ грѣхѣ, мы согласились напечатать эти переводы для пользы тѣхъ, которые пожелаютъ воспользоваться чужою скукою. Для этой цѣли ожидаются еще только нѣкоторыя нарѣчія восточной Сибири. Кому угодно, тотъ извлечетъ или не извлечетъ отсюда свѣтлые выводы разнаго рода; это будетъ зависѣть отъ расположенія духа тѣхъ, которые займутся дѣломъ, и вовсе до меня не касается» [3].

Въ этомъ важномъ для насъ свидѣтельствѣ самой Императрицы не упомянуто однакожъ о томъ обстоятельствѣ, которое направило ея мысли именно къ этой работѣ. На это обстоятельство указываетъ намъ одинъ изъ сотрудниковъ Палласа по словарю, Арндтъ [4], лицо мало у насъ извѣстное, но, какъ увидимъ ниже, заслуживающее полнаго вниманія. Екатеринѣ II поднесено было знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 же году Куръ-де-Жебелена (Court-de-Gébelin). Мы не знаемъ, когда именно и разомъ или постепенно оно было прислано; но извѣстно, что оно выходило отъ 1773 до 1781 года и составило 8 томовъ.

Перелистывая въ часы досуга эту книгу, Екатерина такъ увлеклась ею, что стала дѣлать изъ нея выписки. До насъ дошли слѣдующія двѣ филологическія замѣтки, написанныя по французски рукой Императрицы. Вотъ одна изъ нихъ: «О первыхъ дѣтскихъ звукахъ надо замѣтить, что они выражаютъ: 1) гласныя; 2) затѣмъ слѣдуетъ движеніе губъ, какъ то: *папа*, *мама*; 3) съ зубами являются зубныя,

---

[2]) Все письмо, какъ всегда, писано по французски, но эта фраза вставлена на Нѣмецкомъ языкѣ: «Dieses Steckenpferdes (собственно конекъ) wurde ich überdrüssig, nachdem das Buch von der Einsamkeit durchgelesen war».

[3]) Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II, von H. M. Marcard. Bremen 1803, стр. 309.

[4]) Christ. Gottl. von Arndt. Ueber den Ursprung der europäischen Sprachen. Стр. IX.

какъ то: *тятя*, *дядя* и проч. Потомъ, по мѣрѣ развитія органовъ— 4) гортанныя и свистящія буквы» [5]).

Другая замѣтка, озаглавленная *Три разряда словъ*:

1. «Слова первичныя, выражающія общія понятія, понятія взятыя въ самомъ обширномъ смыслѣ, за которымъ прекращается всякій анализъ; таковы слова: *великій*, *крѣпкій*, *красивый*, *море*, *земля*, *духъ*».

2. «Слова производныя, выражающія оттѣнки этихъ понятій, каковы: *величіе*, *крѣпость*, *красота*, *морской*, *земной*, *воздухъ*».

3. «Слова, составленныя изъ другихъ, каковы: (grand-père), *укрѣпленіе*, *украшать*, *заморскій*, *подземный*, *воздушный* [6]). И такъ въ каждомъ языкѣ стараются узнавать, какія слова были первичныя, какія производныя, какія сложныя и, собирая ихъ такимъ образомъ, составляли изъ нихъ многочисленныя группы» [7]).

Особенно заинтересовала Екатерину смѣлая мысль Куръ-де-Жебелена, что всѣ языки могутъ быть выводимы изъ одного кореннаго. Ей показались Славянскими многія слова, которыя авторъ выдавалъ за Кельтскія, и она предполагала во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ Русской имперіи и отчасти только въ ней; а здѣсь, думалось Императрицѣ, можно отыскать значительное число всѣхъ языковъ, употребительныхъ на земномъ шарѣ, и притомъ немало такихъ языковъ, которые еще неизвѣстны ученымъ. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что нибудь такое, чтò далеко превышало бы средства частнаго человѣка [8]).

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій она отмѣтила нѣсколько словъ, которыя хотѣла узнать въ переводѣ на всѣ языки и нарѣчія, чтобы со временемъ не только повѣрить блестящую догадку Куръ-де-Же-

---

[5]) Sur les premiers accens ou sons des enfants il est à observer qu'ils expriment: 1) les voyelles, 2) puis vient le mouvement des lèvres comme papa, maman, 3) avec les dents arrivent les dentales, comme тятя, дядя; ensuite, à mesure du développement de leurs organes, 4) les gutturales et les lettres sifflantes.

[6]) Trois classes de mots:

1. Les mots primitifs qui exprimaient les idées générales, les idées prises dans leur sens le plus vaste, le plus étendu, audelà duquel il n'y a plus d'analyse; tels sont les mots: grand, fort, beau, mer, terre, air.

2. Les mots dérivés qui expriment les nuances de ces idées, tels que: grandeur, forteresse, beauté, maritime, terrestre, aéré &c.

3. Les mots composés de plusieurs autres, tels que: grand-père, renfort, embellir, outre-mer, basse-terre, bel-air.

On cherche donc à reconnaître dans chaque langue quels étaient ces mots primitifs, quels les dérivés, quels les composés, et en les rassemblant ainsi, on en formait des familles nombreuses.

[7]) Въ третьемъ разрядѣ невозможно въ точности сохранить тѣже примѣры, какіе приведены во Французскомъ текстѣ. Понятно, почему и въ первыхъ двухъ разрядахъ мы не могли сохранить безъ измѣненія послѣдняго примѣра: Русское слово *воздухъ*, какъ сложное, подъ первый разрядъ не подходитъ.

[8]) Arndt, стр. X.

белена, но и доставить матеріалы для разныхъ научныхъ выводовъ. Такимъ образомъ подъ перомъ ея стали составляться два основные списка будущихъ работъ: въ одинъ она заносила самыя обыкновенныя слова, выражавшія простѣйшія понятія, какъ то: *богъ*, *отецъ*, *мать*, *дитя*, *я*, *да*, *имя* и проч.; въ другомъ отмѣчала имена народовъ, на языки которыхъ желала имѣть переводъ этихъ словъ. За такіе списки она принималась нѣсколько разъ, и конечно ихъ образовалось нѣсколько экземпляровъ. Иногда она къ Русскимъ словамъ приписывала и переводъ, добытый тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ въ рукахъ Аделунга былъ ея автографъ съ 289-ю Русскими словами, изъ которыхъ 12 были имена числительныя, и къ 153-мъ изъ этихъ словъ былъ ею же самою приписанъ переводъ на Караибскій языкъ; другой автографъ, переданный Аделунгу (какъ и первый) Палласомъ, содержалъ названія 159-ти языковъ, на которые переведены были записанныя слова. Въ библіотекѣ покойнаго Соболевскаго [9]), при названной выше книгѣ Аделунга, былъ другой, также ея рукою сдѣланный списокъ живущихъ въ Россіи народовъ, на языки которыхъ Государыня желала получить переводы отмѣченныхъ словъ. Онъ начинался такъ:

«Пустозерскіе Самоѣды—Вологодской и Архангельской.
Обдорскіе Самоѣды.
Юряки—Тобольской.
Мангазейскіе Самоѣды—Тобольской»....

Но главное собраніе черновыхъ работъ Государыни по словарю хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ (куда онѣ поступили изъ Эрмитажной): это 54 листа, исписанные рукою Екатерины II; на каждомъ листѣ одно Русское слово переведено на всѣ имѣвшіеся въ виду языки, расположенные въ одномъ и томъ же порядкѣ, при чемъ каждый списокъ состоитъ изъ двухъ столбцовъ: съ лѣвой стороны идутъ языки, съ правой переводъ слова, написанный, какъ и все прочее, Русскими буквами.

Уже вскорѣ послѣ первыхъ набросковъ этого рода Императрица почувствовала потребность въ посторонней помощи и обратилась за нею къ иностранному ученому, именно къ Берлинскому книгопродавцу и писателю Николаи [10]), котораго и прежде уже она удостоивала своихъ порученій. Теперь она просила его составить для нея обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій. Усердно принявшись вмѣстѣ съ сыномъ своимъ за это дѣло, Николаи еще въ 1785 г. прислалъ составленный ими толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ «Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans

---

[9]) *Русскій Архивъ* 1863, изд. 1-е, стр. 940.

[10]) Христофоръ Фридрихъ Николаи (Nicolai), полигисторъ, род. 1733, ум. 1811. Его не должно смѣшивать съ Лудвигомъ Гейнрихомъ Николаемъ (Nicolay, род. 1737, ум. 1820), который участвовалъ въ воспитаніи великаго князя Павла Петровича и навсегда остался въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ есть его потомки, бароны Николаи; имъ принадлежитъ извѣстное имѣніе Monrepos близь Выборга.

toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. I. l'Impératrice de toutes les Russies». (Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра съ предварительнымъ каталогомъ главныхъ словарей на всѣхъ языкахъ и важнѣйшихъ книгъ, разсматривающихъ происхожденіе всѣхъ языковъ, ихъ этимологію и сродство. Составлено по повелѣнію Ея И. В. Всероссійской Императрицы).

Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сперва сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ, а потомъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что она успѣла написать по словарю, переданъ былъ академику Палласу. Но почему Екатерина, для продолженія своего предпріятія, избрала именно этого ученаго, а не такого, который по своимъ спеціальнымъ занятіямъ стоялъ бы ближе къ этому дѣлу? Выборъ этотъ можетъ быть объясненъ многими причинами: спеціалистовъ по филологіи тогда у насъ еще не было; Академія Наукъ состояла только изъ естествоиспытателей и математиковъ; въ Россійской Академіи можно было, пожалуй, остановиться на Лепехинѣ, Румовскомъ или Болтинѣ; но они въ то самое время были заняты составленіемъ Русскаго словаря; къ тому же Екатеринѣ нуженъ былъ человѣкъ съ громкимъ Европейскимъ именемъ. Палласа она лично знала, и знала его какъ ученаго, хорошо владѣвшаго иностранными языками, не лишеннаго охоты къ лингвистическимъ поискамъ и занятіямъ. Это она могла замѣтить изъ бесѣдъ съ Палласомъ; это онъ доказалъ и учеными трудами своими. Всѣ путешествовавшіе по Россіи съ научными цѣлями, начиная съ Витсена и Штраленберга, обращали вниманіе на языки встрѣчавшихся имъ въ пути инородцевъ и представляли въ своихъ запискахъ образчики этихъ языковъ и нарѣчій. Этнографія и лингвистика составляютъ одну изъ сторонъ наблюденій и у позднѣйшихъ путешественниковъ: Фишера, Миллера, Гмелина, Фалька, Лепехина, Георги. Палласъ не только не уступаетъ имъ, но занимаетъ еще болѣе видное мѣсто въ этомъ отношеніи. Кромѣ лингвистическихъ данныхъ, собранныхъ имъ въ описаніяхъ его путешествій, онъ, во время первой своей экспедиціи, составлялъ значительныя коллекціи матеріаловъ этого рода по особенному поводу. Это было предпріятіе извѣстнаго Петербургскаго библіографа Лудвига Бакмейстера (издателя «Russische Bibliothek»), однородное съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериною. Именно въ 1773 г. (замѣтимъ, это годъ, когда явилось начало Monde primitif Куръ-де-Жебелена) Бакмейстеръ составилъ планъ собиранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земнаго шара, и съ этою цѣлью придумалъ рядъ такихъ фразъ, которыя передавали бы доступныя всѣмъ, даже младенческимъ, народамъ понятія и вмѣстѣ расположеніемъ словъ служили бы къ объясненію грамматическихъ формъ языка. Чтобы привлечь къ этому дѣлу ученыхъ всѣхъ странъ, Бакмейстеръ въ томъ же году издалъ брошюру «Idea et desideria de colligendis speciminibus» (программу собиранія образчиковъ) на Латинскомъ, Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, и разослалъ ее въ разные концы Европы. Тогда же онъ сообщилъ путешествовавшимъ

по Россіи академикамъ, въ томъ числѣ и Палласу, еще особую обстоятельную инструкцію, по которой просилъ ихъ составлять для него образчики языковъ и замѣтки о малоизвѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ слѣдствіе того Бакмейстеръ, въ теченіе многихъ лѣтъ, получалъ богатые по этому предмету матеріалы, изъ которыхъ многіе были доставлены и Палласомъ. Всѣми этими матеріалами однакожъ самъ Бакмейстеръ не воспользовался, такъ какъ трудности дѣла и другія занятія мало по малу охладили его усердіе къ осуществленію первоначальной мысли; но эти сообщенія послужили потомъ важнымъ пособіемъ для Палласа, когда ему пришлось быть исполнителемъ плана Екатерины II.

Конечно порученіе это, вовсе не вязавшееся съ главнымъ предметомъ изслѣдованій Палласа, не могло быть для него особенно привлекательно; но какъ было отказаться? Оно представлялось и важнымъ для науки, и въ высшей степени почетнымъ, тѣмъ болѣе, что трудъ былъ начатъ самою Императрицей. Вотъ что Палласъ самъ писалъ къ Аделунгу въ послѣдній годъ своей жизни [11]: «Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой Государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобы не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи» [12].

Прежде нежели будемъ говорить о мѣрахъ, принятыхъ для собиранія матеріаловъ, укажемъ на нѣкоторые признаки того живаго интереса, съ какимъ Императрица около этого времени увлекалась своими филологическими занятіями. Осенью 1784 г. она писала къ Гримму: «Я прочитала съ полдюжины Русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif. Знаете ли вы эту книгу? И я вытребовала себѣ всѣ словари, какіе могла отыскать, между прочимъ Финскій, Черемисскій, Вотяцкій, и этимъ завалены всѣ мои столы. Кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ и могу въ скоромъ времени доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ». Тоже самое въ разныхъ формахъ повторяется и въ другихъ ея письмахъ къ Гримму. Такъ однажды она жалуется, что Герцбергъ отвергаетъ историческія истины; что онъ утверждаетъ, будто Славяне никогда не жили въ Пруссіи. «О, если я разложу передъ вами свои открытія, пишетъ Екатерина: вы будете слушать меня, разиня ротъ; но такъ какъ это могло бы превратиться въ зѣвоту, то я не хочу погружать васъ въ тѣ бездны премудрости, которыя въ Фридрихсгамѣ разстраивали нервы Густава съ переломанной рукой» [13]. Въ другой разъ она выписываетъ цѣлую тираду

---

[11]) Палласъ † въ 1811 г. въ Берлинѣ, своей родинѣ. См. его біографію въ Beiträge zur Anthropologie u. allg. Naturgeschichte von Rudolphi. Berlin, 1812.

[12]) Adelung. Catherinens der Grossen Verdienste etc, стр. 47.

[13]) Т. е. во время свиданія съ Шведскимъ королемъ Густавомъ III, въ 1783 году, въ городѣ Фридрихсгамѣ. При проѣздѣ по Финляндіи, на смотру, король

изъ Куръ-де-Жебелена, или сообщаетъ длинный списокъ иностранныхъ словъ и собственныхъ именъ, которыя, по однимъ случайнымъ созвучіямъ, выводитъ изъ Русскаго языка. Мы видимъ въ этомъ одинъ изъ весьма обыкновенныхъ и любимыхъ пріемовъ тогдашней филологіи. Тоже дѣлали Татищевъ, Тредьяковскій, отчасти Ломоносовъ и даже Шлецеръ; наконецъ, еще и въ нашемъ столѣтіи особенную извѣстность такими сближеніями пріобрѣлъ Шишковъ. Въ XV-мъ томѣ *Сборника Историческаго Общества* напечатано нѣсколько замѣтокъ Императрицы въ этомъ родѣ, вѣроятно относящихся къ той же эпохѣ: «Слово *баронъ*, записала она напр., не что иное, какъ *бояре*, и теперь у Англичанъ всѣ судіи называются баронъ такого-то суда, и сіе для того, что Саксонцы судились боярами».—«Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены Славянскими названіями».—«Названіе *Перигоръ*, во Франціи, не что иное, какъ имя, составленное изъ двухъ или даже трехъ слоговъ чисто-Славянскаго происхожденія («Périgord en France, qui n'est autre chose qu' un nom composé de deux syllabes ou même de trois, tout à fait d'extraction slavonne»). Рядомъ замѣчаніе весьма справедливое, но написанное, кажется, подъ вліяніемъ такихъ-же соображеній: «Кто бы сколько ни былъ ученъ, если не прилежитъ знанію Славянскаго языка, не только будетъ имѣть великій недостатокъ въ начальномъ знаніи, но сверхъ того на каждомъ шагу подвергнетъ себя ежечаснымъ ошибкамъ, предубѣжденіямъ и вѣтренности, наипаче-же въ познаніи языка, исторіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и начальныхъ основаній народныхъ, въ чемъ безъ сомнѣнія всякій опытомъ удостовѣриться можетъ».

Отовсюду Государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гримму, что маркизъ Лафайэтъ уже прислалъ ей часть своего вклада, и выражала желаніе получить какой-то словарь отъ аббата Галіани. Какъ разнообразны были источники, къ которымъ обращалась неутомимая собирательница, доказываетъ слѣдующая своеручная записка ея, вѣроятно адресованная къ Безбородкѣ и хранившаяся у покойнаго Соболевскаго вмѣстѣ со спискомъ инородцевъ, о которомъ выше упомянуто: «Реестръ словъ отвезите къ гр. Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и попросите его именемъ моимъ, чтобъ онъ послалъ въ свои Копорскія деревни кого поисправнѣе и приказалъ-бы у тѣхъ мужиковъ, кои себя Варягами называютъ, тѣ слова на ихъ языкъ переписать, а еще лучше, буде бы сюда человѣка-другого посмышленѣе для того привезти велѣлъ» [14].

Около того же времени, въ концѣ 1784 года, графъ Безбородко, по приказанію Императрицы, отправилъ къ нашему посланнику въ Константинополѣ, Я. И. Булгакову, составленный ею списокъ 286 Русскихъ словъ, съ тѣмъ чтобъ онъ чрезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ «на Абиссинскій и Эѳіоп-

сломалъ себѣ руку. См. объ этомъ мою статью: «Екатерина II и Густавъ III» въ *Древней и Новой Россіи*, 1876 г. Февраль.

[14]) *Русскій Архивъ*, 1863, изд. 1-е, стр. 942.

скій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только характерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и Русскими или Латинскими буквами, для показанія, какъ которое слово читать или произносить должно. Чѣмъ скорѣе (такъ заключалъ Безбородко) сіе высочайшее повелѣніе исполнено будетъ, тѣмъ вящше послужитъ оное къ удовольствію Ея Величества» [13])

Все это писалось и дѣлалось прежде нежели Императрица обратилась къ Палласу. Передачу всего дѣла другому она объясняла въ письмѣ къ Циммерману тѣмъ, что ей надоѣло слишкомъ большое увлеченіе однимъ и тѣмъ же занятіемъ; Гримму же она писала нѣсколько ранѣе—въ началѣ Марта, что на самой себѣ замѣчаетъ отъ того перемѣну: «Первобытный міръ (Le monde primitif), первобытные языки, словари двухсотъ языковъ превратили меня въ несносное существо; я хотѣла потопить свою скуку въ этомъ хламѣ (fatras), а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и наводящею скуку (triste et ennuyeuse)». Письмо къ Циммерману помѣчено 9-мъ Мая; слѣдовательно порученіе Палласу дано было вѣроятно въ Апрѣлѣ. Еще до истеченія Мая мѣсяца академикъ поспѣшилъ издать на Французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ, напечатанное отдѣльно на большомъ листѣ въ 4-ку и тѣмъ болѣе любопытное, что оно конечно выражаетъ мысли самой Государыни, развитыя и изложенныя многостороннимъ ученымъ. Поэтому объявленіе Палласа заслуживаетъ быть переданнымъ здѣсь почти вполнѣ. Вотъ оно съ небольшими сокращеніями:

«Остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ нашего вѣка о сродствѣ и происхожденіи языковъ, принадлежащихъ весьма отдаленнымъ другъ отъ друга народамъ, и свѣдѣнія о древней исторіи человѣка, извлеченныя многими достойными историками изъ этихъ изслѣдованій, придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукѣ, которая умамъ поверхностнымъ казалась до сихъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною и пустою. Просматривая сочиненіе Куръ-де-Жебелена, изумляешься блестящимъ выводамъ, которые авторъ умѣлъ извлечь изъ этого матеріала, и нельзя не пожалѣть, что такой трудолюбивый человѣкъ не могъ примѣнить той же методы ко всѣмъ языкамъ міра. По анализу и счастливому сличенію тѣхъ, которые онъ имѣлъ возможность разсмотрѣть, никто не станетъ сомнѣваться, что знакомство съ языками внутренней Азіи повело бы его къ открытіямъ еще болѣе интересныхъ».

«Русская Имперія, занимающая въ этой части Азіи обширные предѣлы, почти неизвѣстные ученымъ до временъ Петра Великаго, конечно заключаетъ въ себѣ болѣе народовъ и народцевъ, болѣе языковъ и нарѣчій, нежели какое либо другое государство на земномъ шарѣ. Тѣсное пространство Кавказа, населенное малочисленными, смежными одинъ съ другимъ народцами, обнимаетъ болѣе 22-хъ нарѣчій восьми или девяти разныхъ языковъ. Обширнѣйшая Сибирь

[13]) *Русск. Архивъ*, 1864, изд. I, стр. 293. Письмо помѣчено 16 Декабря 1784.

представляетъ еще большее количество ихъ, и одинъ полуостровъ Камчатка, который, при открытіи его Русскими, казалось, только начиналъ населяться, имѣлъ девять нарѣчій трехъ разнородныхъ языковъ»....

«Но большинство языковъ оставалось до сихъ поръ недоступнымъ для ученыхъ сокровищемъ: никто не пробовалъ даже сравнивать, по одному избранному плану, порядочнаго числа словъ, принадлежащихъ языкамъ уже извѣстнымъ. Попытки нѣкоторыхъ передавать на разныхъ языкахъ Молитву Господню или другой родъ фразъ, были очень неудовлетворительны, недостаточны и представляли образцы только какой нибудь сотни языковъ и нарѣчій, т. е. приблизительно одной лишь трети всѣхъ существующихъ. Многіе литераторы и исторіографы сравнивали небольшое число древнихъ или новыхъ языковъ одного и того же корня. Кромѣ пособій, доставляемыхъ лексиконами, можно также найти у новѣйшихъ путешественниковъ кое-какіе отрывочные и разбросанные глоссаріи, часто очень необширные и рѣдко соотвѣтствующіе другъ другу. Но никто до сего времени не обнималъ совокупности языковъ... Это обширное предпріятіе, которое наконецъ можетъ привести *къ рѣшенію вопроса о существованіи одного первобытнаго языка*, было предоставлено нашему вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы досуга этой еще неразработанной отрасли литературы. Чтобы подготовить начало *всеобщаго сравнительнаго глоссарія* всѣхъ языковъ, Ея Императорское Величество сама составила списокъ словъ наиболѣе необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ малообразованныхъ народовъ. Одно ея государство могло доставить для этого глоссарія почти цѣлую треть всѣхъ употребляемыхъ на землѣ языковъ, и особенно значительное число тѣхъ изъ нихъ, которые еще неизвѣстны ученымъ».

«При выборѣ словъ дано предпочтеніе наиболѣе нужнымъ существительнымъ и прилагательнымъ, встрѣчаемымъ даже въ самыхъ младенческихъ языкахъ и дающимъ понятіе объ успѣхахъ земледѣлія, о первоначальныхъ искусствахъ и познаніяхъ, переходящихъ отъ одного народа къ другому. Чтобы пополнить глоссарій и сдѣлать его болѣе поучительнымъ, въ немъ отчасти допущены также мѣстоименія, нарѣчія, нѣкоторые глаголы и имена числительныя, которыхъ польза для сравненія языковъ признается многими».

«По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчія обширнаго Русскаго царства; потомъ еще бо́льшее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, хотя продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что̀ было испробовано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матеріалами всякаго рода».

«Ея Императорскому Величеству угодно, чтобы этотъ сборникъ былъ напечатанъ для пользы публики. Онъ будетъ такъ расположенъ, что рядомъ съ каждымъ словомъ помѣстятся переводы его на всѣ языки, какіе удалось добыть. Этимъ способомъ и при классификаціи переводовъ по ихъ соотношеніямъ, сродство языковъ сдѣлается яснѣе и сличеніе ихъ легче. Настоящее произношеніе словъ

будетъ означаемо съ величайшею точностью посредствомъ единообразнаго и опредѣленнаго правописанія. Общая таблица языковъ, какъ по ихъ соотношеніямъ, такъ и по предѣламъ ихъ распространенія [16]), будетъ служить вступленіемъ къ этому великому и нелегкому труду, который конечно будетъ по достоинству оцѣненъ учеными, особенно имѣющими въ немъ надобность».

«Такъ какъ Ея Императорское Величество соизволила возложить на меня надзоръ за печатаніемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, то я поспѣшилъ извѣстить о томъ публику, которой нетерпѣніе будетъ конечно равняться моему усердію къ исполненію драгоцѣнной воли Монархини. 22 Мая 1785 года».

П. С. Палласъ.

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собиранія словъ съ переводами ихъ (Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues) — четыре листка въ 4-ку, на которыхъ напечатаны выбранныя Императрицею Русскія слова, переведенныя по латыни, по нѣмецки и по французски. Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности Русской Имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ съ просьбою доставить, какъ можно скорѣе, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Вслѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частью офиціальными переводчиками и были присылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. При этомъ въ особыхъ донесеніяхъ излагались иногда и способы, употребленные для исполненія монаршей воли; нѣкоторые присоединяли къ тому цѣнныя извѣстія о народахъ и языкахъ ихъ или даже цѣлые словари. Съ своей стороны и посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились; изъ Лондона, Гаги и Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію; въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученые всѣхъ странъ также были приглашены къ участію въ собираніи словъ. Лицамъ, которыя путешествовали по Россіи на счетъ правительства, давно уже было вмѣнено въ обязанность собирать образцы языковъ. При отправленіи Биллингса въ сѣверовосточную Сибирь (1785—1794), спутнику его, естествоиспытателю Мерку дана была Палласомъ инструкція, въ которой прямо сказано, что «Ея Имп. Величеству пріятно будетъ по приложенному образцу получить списки словъ не только по главнымъ языкамъ, но и по нарѣчіямъ ихъ, при чемъ слѣдуетъ какъ можно точнѣе означать произношеніе Русскими и Нѣмецкими буквами». Въ тоже время Императорская библіотека, руководствуясь особенно полученными отъ Николаи указаніями, не переставала увеличивать

[16]) Такой таблицы къ изданному впослѣдствіи словарю не было приложено.

свое и безъ того уже богатое собраніе словарей и путевыхъ записокъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ тѣ, которыя составлены были путешествовавшими по Россіи учеными, давно представляли значительные матеріалы для словаря. Всѣ образовавшіяся такимъ образомъ обильныя пособія переданы были Императрицею Палласу для редакціи, на первый случай, сборника по *Азіятскимъ и Европейскимъ* языкамъ; что̀ касается языковъ *Африки и Америки*, то предполагалось заняться ими послѣ, когда и для нихъ наберется болѣе матеріаловъ.

Отдѣлъ Азіятскихъ и Европейскихъ языковъ долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ Императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 Января 1787 года [17]); онъ тогда-же вышелъ подъ заглавіемъ: «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собравные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ Европейскіе и Азіятскіе языки. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи у Шнора 1787 года». Это же заглавіе повторено въ книгѣ на Латинскомъ языкѣ; равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ объяснена цѣль изданія и не умолчано о личномъ участіи Императрицы въ самомъ трудѣ, напечатано по русски и по латыни. Оно начинается указаніемъ на обширность Россіи и на обиліе имѣющихся въ ней матеріаловъ — шестьдесятъ употребительныхъ въ предѣлахъ ея языковъ—для приведенія въ дѣйствіе такого предпріятія; въ концѣ сдѣланъ обзоръ языковъ, вошедшихъ въ составъ словаря. Предисловіе это было въ рукописи представлено на предварительный просмотръ Императрицѣ, и при возвращеніи его, она написала Палласу: «Возвращаю вамъ ваше предисловіе и, за исключеніемъ похвалъ, вами мнѣ воздаваемыхъ, которыя кажутся мнѣ слишкомъ лестными, ничего не могу замѣтить противъ него» [18]). Согласно съ положительно выраженною волей Императрицы всѣ переводныя слова переданы Русскими буквами. Точно также напечатанъ и второй томъ, вышедшій въ 1789 году.

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 Русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ первомъ томѣ и 155 во второмъ. Каждое Русское слово поставлено въ видѣ заглавія, подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ и при каждомъ переводѣ всякій разъ повторяется названіе языка; такъ что каждый языкъ поименованъ въ первой части 130 разъ, а во второй 155 разъ. Чтобы уяснить это, приведемъ два-три слова съ нѣсколькими переводами, напримѣръ:

1. Богъ.

1. По славянски . . . . Богъ.
2. По славяно-венгерски . . . Бугъ.
3. По иллирійски . . . . . Боогъ.
4. По богемски . . . . Бу. и т. д.

---

[17]) По этому поводу, конечно, Екатерина и говорила въ этотъ день о пользѣ сравнительнаго словаря, какъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ Храповицкій.

[18]) «Je vous envoie, monsieur Pallas, votre préface, et aux louanges près que vous me donnez et qui me paraissent trop flatteuses, je n' ai rien à y redire».

Послѣ Славянскихъ языковъ и нарѣчій, въ ряду которыхъ встрѣчаются между прочимъ Малороссійское (Бигъ) и Суздальское (Стодъ) [19]) слѣдуютъ переводы:

13. По кельтски . . . . Діу, Ю.
14. По бретански . . . . Дуэ, Доэ.
15. По басконски . . . . Дувъ, Юнъ и проч. и проч.

Языки слѣдуютъ одинъ за другимъ въ произвольно принятой, часто ни на чемъ не основанной системѣ. Нигдѣ не представлено обзора языковъ и нарѣчій, послужившихъ къ сравненію, а только помѣщенъ, послѣ предисловія, списокъ книгъ, откуда почерпнуты слова Кельтскія, Готскія и Англо-саксонскія, и затѣмъ еще приложено объясненіе Русской азбуки.

Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи; только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ Государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было разослано въ даръ, по ея повелѣнію, иностраннымъ дворамъ и ученымъ. Ограничивъ такимъ образомъ распространеніе своего славаря, Императрица, какъ кажется, руководствовалась мыслью, что это только первый опытъ, который со временемъ долженъ быть усовершенствованъ и изданъ въ болѣе полномъ видѣ: на этотъ взглядъ указываютъ и пробѣлы, оставленные при многихъ словахъ для вставки впослѣдствіи недостававшихъ переводовъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь конечно не выдерживаетъ критики. Самая цѣль его—служить средствомъ для отысканія первобытнаго языка, была недостижима. Далѣе, мысль перевести двѣ-три сотни словъ, хотя и умно выбранныхъ, на столько-же языковъ, безъ строгаго опредѣленія родства этихъ послѣднихъ (что̀ тогда было чистою невозможностью), не могла имѣть важнаго по своимъ результатамъ значенія для науки. Наконецъ, и способъ исполненія этой мысли былъ во многихъ отношеніяхъ неудобенъ и нецѣлесообразенъ, напр. Русскія слова расположены въ словарѣ безъ всякаго опредѣленнаго порядка, слѣдовательно для отысканія котораго-нибудь изъ нихъ нужно каждый разъ просмотрѣть весь списокъ ихъ (не азбучный), помѣщенный въ концѣ 2-го тома; точно такое-же замѣчаніе относится и къ трудности отысканія того или другаго языка, на которомъ кто либо захотѣлъ бы найти данное реченіе. Словомъ, безъ оскорбленія памяти великой виновницы этого дѣла и знаменитаго своею ученостью сотрудника ея, мы можемъ сказать, что они, при всей своей даровитости, не имѣли нужной для такого предпріятія подготовки, и потому исполненіе его не могло не носить на себѣ нѣкоторой печати дилеттантизма. При всемъ томъ Петербургскій словарь, какъ первый въ своемъ родѣ и притомъ отмѣченный

---

[19]) Суздальское нарѣчіе разумѣется тутъ не въ томъ смыслѣ, какой въ наше время можетъ быть приданъ этому названію, а въ какомъ-то смѣшанномъ значеніи языка офеней и мѣстныхъ инородцевъ. Ближайшее поясненіе относится къ филологической сторонѣ дѣла, которой мы здѣсь не касаемся.

громкимъ именемъ Екатерины II, не могъ не возбудить вниманія въ Европѣ.

Екатерина, и безъ того зорко слѣдя за иностранной журналистикой, должна была нетерпѣливо ожидать отзывовъ о своемъ трудѣ. Они не замедлили явиться. Не смотря на слабое развитіе тогдашней филологіи, нѣкоторые недостатки словаря и въ то время не ускользнули отъ критики. Нѣтъ, кажется, надобности въ оговоркѣ, что всѣ отзывы о немъ были высказаны на иностранныхъ языкахъ, и притомъ, за исключеніемъ краткаго извѣстія Бакмейстера, за границею, а не въ Россіи. Съ наибольшимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ отозвался о словарѣ Кенигсбергскій профессоръ исторіи и политической экономіи Краусъ († 1806 г.) въ подробной рецензіи, напечатанной въ Allgemeine Literatur-Zeitung (Всеобщей литературной газетѣ [20]). Между прочимъ онъ высказываетъ подозрѣніе въ вѣрности начертанія предлагаемыхъ словъ, особенно взятыхъ у малообразованныхъ, неграмотныхъ инородцевъ, а также и въ точной передачѣ ихъ значенія. Потомъ онъ указываетъ на неправильное разграниченіе и сближеніе многихъ языковъ и выставляетъ такія стороны языкознанія, которыя должны быть принимаемы въ соображеніе при сравненіи отдѣльныхъ языковъ, но въ Петербургскомъ сравнительномъ словарѣ совершенно упущены изъ виду. Императрица прочла эту статью, оцѣнила глубокую ученость автора и въ знакъ своего уваженія послала ему брильянтовый перстень. Нѣсколько другихъ Нѣмецкихъ критиковъ ограничились въ своихъ отзывахъ частными замѣчаніями. Во Франціи извѣстный Вольней (впрочемъ не прежде какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія) представилъ «Кельтской Академіи» докладъ о Екатерининскомъ словарѣ, заслуживающій вниманія [21]). Напомнивъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ ученые позволяли себѣ самыя произвольныя заключенія о первоначальныхъ языкахъ, онъ усматриваетъ неизмѣримый успѣхъ въ великой мысли Екатерины дойти до справедливаго о томъ вывода путемъ изслѣдованія и сравненія языковъ, на необходимость котораго впервые указалъ Лейбницъ. Методъ расположенія словъ, равно какъ и весь сложный трудъ собиранія переводовъ на столько языковъ, вызываетъ со стороны Французскаго ученаго не только похвалу, но даже удивленіе, и онъ признаетъ этотъ трудъ «великолѣпнымъ литературнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ самой блестящей способности человѣка—*слову*». Между недостатками словаря Вольней справедливо выставляетъ особенно тотъ, что Русскими буквами невозможно передавать удачно произношенія всѣхъ языковъ, въ чемъ онъ прежде всего удостовѣрился, наблюдая Французскія слова въ Русскихъ начертаніяхъ; поэтому всѣ языки, имѣющіе такіе звуки, для которыхъ въ Русской азбукѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ знаковъ, подверглись въ словарѣ столь важнымъ искаженіямъ, что нерѣдко трудно и узнать находимое въ немъ слово. Кромѣ того Вольней показалъ, что нѣкоторые глоссаріи, какъ напр. Арабскій и Персидскій, получены отъ

---

[20]) 1787 года, № 235—237. [21]) См. Mémoires de l'Académie Celtique, годъ XIV, и Moniteur того же года, № 31, 32.

лицъ, вовсе не подготовленныхъ для порученнаго имъ дѣла. Главныя причины несовершенства этого словаря онъ видитъ въ излишней поспѣшности его составленія и въ недостаточномъ числѣ свѣдущихъ сотрудниковъ; по его мнѣнію, для такого предпріятія была-бы нужна цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ.

Частныя поправки въ словарѣ были предложены Добровскимъ, для нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчій, и другими учеными.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, относительное достоинство и польза Екатерининскаго словаря были признаны даже самыми строгими его критиками, и лучшимъ доказательствомъ этого признанія служитъ то, что одинъ изъ нихъ (Рюдигеръ) намѣревался издать словарь въ Нѣмецкой переработкѣ, другой (Вольней) собирался передѣлать его по французски, третій хотѣлъ перепечатать его Латинскими буквами. Когда кто-то объ этомъ послѣднемъ намѣреніи разсказалъ Императрицѣ, то она съ улыбкой замѣтила: «Я полагаю, иностраннымъ гг. ученымъ не трудно было бы выучиться читать и Русскія буквы». Общее впечатлѣніе заграничныхъ отзывовъ о словарѣ на Императрицу было однакожъ таково, что охладило ея усердіе къ довершенію труда.

Несправедливо было-бы, еслибъ наше время, гордясь колоссальными успѣхами сравнительной филологіи, презрительно отрицало въ словарѣ Екатерины II всякое достоинство. Оставаясь однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремленій XVIII вѣка, онъ въ свое время принесъ и свою долю пользы наукѣ. Это было не разъ сознаваемо нѣкоторыми изъ самыхъ крупныхъ авторитетовъ новѣйшаго языкознанія. Такъ Яковъ Гриммъ находилъ, что Екатерининскій словарь, хотя и составленный на весьма неудовлетворительныхъ основаніяхъ, замѣтно содѣйствовалъ къ оживленію и успѣхамъ сравнительнаго языкоученія [22]). Такое-же сужденіе было еще недавно произнесено по случаю окончанія большаго Санскритскаго словаря гг. Бетлинга и Рота, изданнаго на средства нашей Академіи Наукъ. Вотъ какъ второй изъ названныхъ ученыхъ началъ свою рѣчь [23]) объ исторіи этого предпріятія: «Прежде того *Петербургскаго словаря*, о которомъ мнѣ сегодня позволено высказаться передъ вами, былъ нѣкогда другой, имя котораго какъ будто унаслѣдовано нашимъ,—тотъ своеобразный трудъ конца прошлаго столѣтія, который Императрица Екатерина, мечтавшая о всемірномъ глоссаріи, повелѣла выработать, въ которомъ собраны образчики 279

---

[22]) «Ohne Zweifel wurde durch das von der Kaiserin Catharina in den Jahren 1787—90 veranstaltete Petersburger Wörterbuch, wenn es auch auf noch sehr ungenügenden Grundlagen aufgerichtet war, Sprachvergleichung wirksam angeregt und gefördert.» (Über den Ursprung der Sprache, стр. 9).

[23]) Произнесенную въ собраніи оріенталистовъ въ Инсбрукѣ, 29 Сентября 1874 г. Она напечатана въ нашемъ академическомъ Bulletin, т. XXI, № 4.

языковъ [24]), странная книга, съ нашей точки зрѣнія составленная безъ методы и критики, но не оставшаяся однакожъ безъ вліянія на тогдашнюю науку слова. Тотъ *Петербургскій словарь* также носитъ печать своего времени, какъ я ожидаю того и отъ нынѣшняго словаря. Тогда—желаніе обнять однимъ взглядомъ неизмѣримую область человѣческаго слова, теперь—стремленіе поставить вездѣ на незыблемомъ основаніи строй языкознанія, пріобрѣтшаго для насъ твердыя очертанія. Книга Императрицы была естественнымъ произведеніемъ многоязычной Россіи, гдѣ все призываетъ къ собирательному труду. Наша книга есть поздній плодъ пробужденныхъ тогда, мало по малу очистившихся стремленій въ области языкознанія, которыя сохранили свою жизненность въ первенствующей ученой корпораціи Русскаго государства и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо нашли себѣ поддержку».

Этимъ мы могли бы и кончить; но для полноты разсказа прибавимъ еще нѣсколько словъ о двухъ трудахъ, тѣсно связанныхъ съ Екатерининскимъ словаремъ.

Одинъ изъ нихъ можно назвать вторымъ изданіемъ словаря. Такъ какъ послѣ напечатанія перваго изданія доставленіе матеріаловъ, по прежнимъ требованіямъ, продолжалось: то, въ заботѣ объ усовершенствованіи своего труда, Императрица пожелала, чтобы онъ расположенъ былъ въ алфавитномъ порядкѣ и пополненъ недостававшими языками Африки и Америки. Дѣло это опять поручено было иностранцу, извѣстному Янковичу де-Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ. Съ большою энергіей принялся онъ за работу, и уже въ 1790 году появилась первая часть новаго труда подъ заглавіемъ: *Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Часть первая. А—Д.»* Въ слѣдующемъ году изданы были и остальныя три части. Число сравниваемыхъ языковъ доходитъ здѣсь до 279; но такъ какъ изъ прежнихъ 200 устранено 7 (на какомъ основаніи, не объяснено), то значитъ, что въ обоихъ словаряхъ принято къ сравненію всего 272 языка. Странно, что Янковичъ, показавъ только, какъ нѣкоторые иностранные звуки передаются Русскими буквами, не приложилъ къ своему изданію никакихъ поясненій—ни о поводѣ къ новому труду, ни о значеніи Русскихъ начертаній, такъ что это изданіе было еще менѣе перваго пригодно для иностранцевъ. Но оно и для хорошо знакомаго съ Русскимъ языкомъ представляло мало удобства къ употребленію: въ азбучномъ порядкѣ расположены въ немъ не Русскія слова, а тѣ 60,000 слишкомъ иноязычныхъ словъ, которыя вошли въ словарь, такъ что справляться съ нимъ чрезвычайно трудно. Поэтому неудивительно, что это изданіе было принято Императрицею холодно; она повидимому осталась имъ не совсѣмъ довольна: за исключеніемъ немногихъ розданныхъ экземпляровъ, вся напечатанная тысяча долго пролежала въ Кабинетѣ. Тѣмъ не менѣе однакожъ есть указаніе

[24]) Эта цифра, означающая число языковъ, заставляетъ думать, что въ рукахъ г. Рота было не 1-е изданіе сравнительнаго словаря, а 2-ое, переработанное въ алфавитномъ порядкѣ, о которомъ нами будетъ сообщено свѣдѣніе ниже.

на то, что Государыня пользовалась новымъ изданіемъ словаря. Въ Октябрѣ 1790 года Храповицкій записалъ: «Изъ лексикона Янковича читали слова, начинающіяся съ Вар и Гвар, выводя, что Варяги не отъ слова *воръ* происходятъ» и пр. Впослѣдствіи, чуть ли уже не по смерти Янковича († 1813), словарь его поступилъ въ продажу, по низкой цѣнѣ 10 рублей асс. за всѣ четыре тома.

Другой трудъ, который происхожденіемъ своимъ также обязанъ сравнительному словарю Екатерины II, есть напечатанное уже въ нынѣшнемъ столѣтіи сочиненіе Арндта: «Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen» (о происхожденіи и различномъ сродствѣ Европейскихъ языковъ). Книга эта издана была въ Германіи не прежде 1818 года; но что она въ рукописи была уже извѣстна Екатеринѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ, на Французскомъ языкѣ [25]), явствуетъ изъ свидѣтельства самого Арндта и подтверждается слѣдующею запискою Государыни къ Храповицкому: «Пожалуйте возвратите Арндту. Онъ въ трехъ мѣстахъ найдетъ мои записки, не для внесенія въ его сочиненіе, но comme des réflexions qui me sont venues en lisant. Dites-lui de ma part que j'ai trouvé son ouvrage très-intéressant, et la lecture m'en a amusée. Vous pouvez lui montrer ce billet» [26]). (..... но какъ мысли, которыя пришли мнѣ въ голову при чтеніи. Скажите ему отъ меня, что я нашла его сочиненіе очень интереснымъ и чтеніе его доставило мнѣ удовольствіе. Можете показать ему эту записку).

Имя Арндта, служившаго переводчикомъ въ Кабинетѣ Императрицы, нѣсколько разъ упоминается въ Дневникѣ Храповицкаго, подъ 1786 и 88 гг.: ему поручаемо было переводить на Нѣмецкій языкъ комедіи Екатерины II: *Обманщикъ*, *Обольщенный*, *Шаманъ*, *Разстроенная Семья*, и обыкновенно онъ получалъ за этотъ трудъ по 300 рублей съ пьесы [27]).

Но изъ чего же видно, что названное филологическое сочиненіе Арндта было плодомъ занятій его по сравнительному словарю? Онъ самъ въ этомъ сознается. Сначала Палласъ пригласилъ въ помощники себѣ И. Д. Бакмейстера, младшаго библіотекаря Академіи Наукъ (родственника прежде названному Христофору Б.); но вскорѣ по отпечатаніи 1-й части Бакмейстеръ умеръ, и тогда Арндту повелѣно было, не оставляя прочихъ своихъ занятій, присоединиться къ Палласу для приведенія къ концу изданія словаря. Арндтъ, давно бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ академикомъ, принялся за это дѣло съ величайшею добросовѣстностью, выпросилъ себѣ изъ библіотеки Императрицы самое сочиненіе Куръ-де-Жебе-

---

[25]) Подъ заглавіемъ «Idées sur l'origine et l'affinité des langues». Обстоятельство это засвидѣтельствовано и въ самой книгѣ Арндта.

[26]) Эта записка, такъ же какъ и помѣщенныя выше Французскія выписки Екатерины II изъ Куръ-де-Жебелена и ея строки къ Палласу при возвращеніи ему его предисловія, хранятся въ Академической библіотекѣ. Онѣ были присланы въ Росс. Академію въ 1821 г. Гурьяновымъ по порученію гр. Каподистріи, получившаго ихъ отъ Клюбера въ бытность на Ахенскомъ конгрессѣ.

[27]) См. Дневникъ Храповицкаго, стр. 6 и д. по указателю.

лена, сталъ изучать всѣ доставленные для словаря матеріалы, бесѣдовалъ о нихъ съ Палласомъ, и такимъ образомъ, рядомъ съ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, собралъ множество данныхъ для книги, которую впослѣдствіи и приготовилъ къ изданію. Она напечатана во Франкфуртѣ на Майнѣ, другомъ автора, Клюберомъ, какъ выше замѣчено, въ 1818 г. Въ ней есть и нѣсколько свѣдѣній о словарѣ Екатерины II, которыми мы воспользовались.

Странно, что имя этого Арндта до сихъ поръ ускользало отъ всѣхъ историковъ нашего книжнаго дѣла: о немъ нѣтъ ни слова у митрополита Евгенія, а затѣмъ не упоминали о немъ и другіе наши спеціальные и энциклопедическіе словари [28]); а между тѣмъ Арндтъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и замѣчательныхъ иностранцевъ, писавшихъ въ Россіи и о Россіи. Главнымъ трудомъ его былъ *С.-Петербургскій Журналъ* (St. Petersburgisches Journal), который онъ издавалъ на Нѣмецкомъ языкѣ съ 1776 по 1780 годъ [29]). Этотъ журналъ былъ посвященъ главнымъ образомъ Русской исторіи и сообщалъ также всѣ вновь выходившія постановленія (онъ составилъ 10 томовъ, въ 15—16 листовъ каждый). Статьи историческія почти всѣ написаны самимъ издателемъ. Онъ велъ это дѣло съ большимъ умѣніемъ и не забывалъ, что пишетъ не для Берлина или Лейпцига, а для тѣхъ тысячъ Нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи, изъ которыхъ (какъ самъ онъ говорилъ) «большая часть не знаютъ иного отечества и, если исключить языкъ и религію, оказываются Русскими тѣломъ и душой» [30]). Поэтому журналъ Арндта былъ счастливѣе, чѣмъ большинство другихъ до него выходившихъ въ Россіи иностранныхъ журналовъ: продержался съ успѣхомъ много лѣтъ и имѣлъ довольно обширный кругъ читателей. Арндтъ участвовалъ также въ изданіи Русскаго *С.-Петербургскаго Вѣстника* [31]), который, кажется, и задуманъ былъ по образцу названнаго Нѣмецкаго журнала и находился въ завѣдываніи нѣсколькихъ литераторовъ. Кромѣ того онъ былъ трудолюбивымъ

---

[28]) У Сопикова означены однакожъ нѣкоторыя изъ книгъ, изданныхъ Арндтомъ.

[29]) Послѣ того Арндтъ года три издавалъ еще Neues Petersburgisches Journal.

[30]) «Wenn man aber bedenkt, dass das Russische Reich, seit sehr langen Zeiten viele Tausend deutsche Einwohner zählt, von welchen die mehresten kein ander Vaterland kennen, und Sprache u. Religion ausgenommen, mit Leib und Seelen Russen sind: so lässt sich daraus leicht folgen, dass diesen vieles nützlich, merkwürdig oder unterhaltend seyn und scheinen könne, was in Deutschland wenige oder niemand interessirt, und umgekehrt». (St. Petersb. Journal. 8 Band. An die geneigten Leser, стр. 460).

[31]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ онъ; тоже подтверждаютъ Бакмейстеръ въ Russische Bibliothek и Бернулли, который говоритъ объ Арндтѣ въ своемъ путешествіи. *С.-Петербургскій Вѣстникъ* издавался, какъ сказано было въ объявленіи о немъ, «обществомъ любителей наукъ»; отъ того-то происходитъ разнорѣчіе въ показаніяхъ о его издателяхъ. По самому достовѣрному извѣстію, главнымъ издателемъ былъ Брайко; Арндтъ, вѣроятно, завѣдывалъ журналомъ только временно, или былъ однимъ изъ участниковъ въ изданіи,— можетъ быть, редакторомъ отдѣла постановленій, которыя печатались и въ *Вѣстникѣ*. Свѣдѣнія объ Арндтѣ разсѣяны въ слѣдующихъ изданіяхъ:

переводчикомъ, и напечаталъ на Нѣмецкомъ языкѣ, между прочимъ, *Журналъ Петра Великаго* (вмѣстѣ съ Бакмейстеромъ), *Учрежденіе о губерніяхъ*, *Городовое Положеніе*, также сочиненія Сумарокова: *Стрѣлецкій бунтъ и Малый Московскій лѣтописецъ*.

Относительно обстоятельствъ жизни Арндта извѣстно слѣдующее. Іоаннъ Готлибъ Арндтъ (порусски Богданъ Ѳедоровичъ), сынъ лютеранскаго пастора, родился 1743 г. въ Восточной Пруссіи (въ деревнѣ Гросъ-Швансфельдѣ), изучалъ въ Кенигсбергѣ сперва богословіе, потомъ права. Курляндскій посланникъ, случайно познакомившійся съ нимъ въ гостинницѣ за шахматами, предложилъ ему въ 1764 г. взять его съ собою въ Варшаву на избраніе короля, и молодой человѣкъ съ радостью воспользовался случаемъ попутешествовать. Изъ Варшавы онъ ѣздилъ въ Ригу и въ Митаву, а оттуда въ 1768 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь надолго поселился. Въ 1772 онъ поступилъ на службу почтовымъ экспедиторомъ; потомъ былъ переводчикомъ при трехъ главныхъ коллегіяхъ, а въ 1780 году, въ чинѣ коллежскаго асессора, получилъ мѣсто при Кабинетѣ Императрицы, которая вскорѣ обратила на него вниманіе, какъ на умнаго и свѣдущаго иностранца. Обладая особенными способностями къ изученію языковъ, Арндтъ, по переселеніи въ Петербургъ, скоро выучился порусски и сталъ переводить преимущественно книги по законодательной части и по Русской исторіи. Прослуживъ въ Россіи 25 лѣтъ, онъ возвратился на покой въ Германію, лѣтъ десять путешествовалъ, а съ 1802 года поселился въ Гейдельбергѣ и тамъ провелъ остальную часть жизни; онъ умеръ въ 1829 г. Во время Вѣнскаго Конгресса Императоръ Александръ увеличилъ ему пенсію, которую онъ получалъ за Русскую службу. Арндтъ отличался правдивымъ и честнымъ характеромъ; у него было горячее, привязчивое сердце; онъ искренно полюбилъ Россію и до конца жизни отзывался о ней съ благодарностью. Во время пребыванія въ Гейдельбергѣ онъ издалъ книгу: «Gedanken über wichtige Angelegenheiten des Menschen und Bürgers». (Мысли о важныхъ задачахъ человѣка и гражданина). Что касается сочиненія о происхожденіи и сродствѣ языковъ, то рукопись его въ 1810 г. выпросилъ Палласъ, по смерти котораго, въ слѣдующемъ году, она и осталась въ Берлинѣ. Не безъ труда была она отыскана тамъ впослѣдствіи Клюберомъ, который рѣшился напечатать ее вопреки желанію автора. Дѣйствительно, онъ не былъ ученымъ филологомъ, и трудъ его, послѣ явившихся позднѣе трудовъ Гримма, Боппа и др., не можетъ имѣть большаго достоинства въ смыслѣ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе эта книга не лишена значенія, какъ сборникъ матеріаловъ, и для своего времени составляетъ явленіе замѣчательное.

Я. Гротъ.

Goldbeck. Litter. Nachrichten von Preussen. Leipzig 1783.—Joh. Bernoulli's Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland u. Pohlen Leipzig 1780 —J. G. Meusel, Das gelehrte Teutschland. B. I., Lemgo 1796. — Neuer Nekrolog der Deutschen, VII Jahrgang 1829. 1 Theil. Ilmenau 1831. Наконецъ Bacmeister, Russische Bibliothek, по указателю въ XI-мъ томѣ.

Книжныя заграничныя вѣсти [1]).

ИСТОРІЯ, МЕМУАРЫ И БІОГРАФІЯ.

Въ Германіи издана обширная біографія извѣстнаго въ Россіи педагога пастора Муральта, написанная *Дальтономъ* (Iohannes von Muralt. Eine Pädagogen und Pastoren-Gestalt der Schweiz und Russlands, v. Dalton. Wiesbaden 1876). Муральтъ выѣхалъ изъ Швейцаріи въ Россію въ 1810 г., былъ въ Петербургѣ пасторомъ реформатской церкви и извѣстенъ былъ своимъ воспитательнымъ заведеніемъ, основаннымъ на началахъ Песталоцци, пользовавшимся и общественнымъ сочувствіемъ, и покровительствомъ Русскаго правительства. Бывшіе ученики Муральта свято хранятъ его память и почитаютъ его имя.

*

Второй томъ исторіи иностранныхъ литературъ, соч. Бужо (Bougeault, Histoire des litteratures étrangères. Paris 1876) содержитъ въ себѣ между прочимъ очеркъ литературы Славянскихъ племенъ, Русской, Польской, Чешской и Сербской.

*

Съ недавняго времени предпринято въ Италіи періодическое изданіе директора Піемонтскихъ архивовъ Никомеди Біанки, подъ названіемъ: Примѣчательныя извѣстія и изслѣдованія по Субальпинской исторіи (Curiosità e Ricerche di Storia Subalpina). Въ шестой книжкѣ этого изданія помѣщена любопытная біографическая статья о неустрашимомъ Піемонтскомъ путешественникѣ и авантюристѣ патерѣ Джіамбаттистѣ Боэтти. Этотъ человѣкъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, явился въ роли завоевателя въ Азіятской Турціи, въ Арменіи, въ Курдистанѣ, въ Грузіи, подъ именемъ Огано-Ооло-Шейхъ-Мансура, выдавалъ себя за пророка, посланнаго преобразовать ученіе Ислама, собралъ себѣ армію въ 37.000 человѣкъ и возбудилъ въ Портѣ такія опасенія, что она признала за лучшее привлечь его на свою сторону и употребить орудіемъ въ войнѣ съ Россіей. Въ 1786 году онъ встрѣтился съ Русскими войсками, потерпѣлъ пораженіе, взятъ въ плѣнъ въ 1791 году и посланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ и окончилъ дни свои. На сколько достовѣрны разсказанныя въ сей статьѣ приключенія этого Мансура, въ чемъ онѣ относятся до Русской исторіи, о томъ пусть судятъ знатоки дѣла; но источникомъ разсказа служила, по словамъ автора, открытая въ Піемонтскихъ архивахъ записка о Мансурѣ, составленная въ Константинополѣ, и собственныя его Записки о своей жизни. Онъ родился въ Монферратѣ въ 1743 году, прошелъ курсъ права и медици-

---

[1]) См. выше, стр. 420.

ны въ Туринѣ, служилъ въ арміи, имѣлъ множество приключеній въ Прагѣ, въ Страсбургѣ и въ Римѣ, въ 1763 году вступилъ въ Доминиканскій орденъ и получилъ священство, отправленъ миссіонеромъ въ Моссулъ, принялъ магометанскую вѣру на Востокѣ и объявилъ себя вскорѣ послѣ того пророкомъ.

*

Въ 1875 году появилась въ Лондонѣ біографія извѣстнаго, умершаго въ 1869 году, геолога сэра Родерика Мурчисона (Life of Sir Roderick Murchison, by A. Geikie, 2 vls. London 1875). Эта книга содержитъ въ себѣ любопытныя подробности о путешествіи Мурчисона по Россіи для геологическихъ изслѣдованій и о представленіи его Государю Николаю Павловичу, къ которому этотъ ученый питалъ глубокое уваженіе. Мурчисонъ путешествовалъ въ сопровожденіи Французскаго палеонтолога де-Вернейме. Они пріѣхали въ Россію лѣтомъ 1840 года, черезъ Петербургъ, отсюда ѣздили въ Архангельскъ, потомъ въ Москву и Нижній-Новгородъ. Въ слѣдующемъ году, вернувшись опять въ Россію, представлялись Государю, потомъ отправились черезъ Казань и Пермь на Уралъ и изслѣдовали Уральскую формацію въ подробности. Въ теченіе семи мѣсяцевъ объѣздили они около 20.000 верстъ. Императоръ Николай пожаловалъ Мурчисону орденъ Св. Анны и подарилъ ему великолѣпную Сибирскую вазу, замѣчательную по величинѣ; другой подобный же экземпляръ подаренъ былъ Гумбольдту.

*

Отъ времени до времени продолжаютъ появляться вновь открываемыя письма извѣстной въ исторіи мистицизма княгини Голицыной (см. Книжныя Вѣсти 1876 года). Въ 1876 году появилась еще книжка: Briefwechsel und Tagebücher von Fürstin A. v. Galitzin. Neue Folge. Münster 1876. Она содержитъ въ себѣ письма къ философу Францу Гемстергюйсу и дневникъ княгини Голицыной, веденный съ 1783 по 1800 годъ.

*

Докторъ Томсенъ, профессоръ сравнительной филологіи въ Копенгагенѣ, пріѣзжалъ лѣтомъ (1876) въ Оксфордъ по приглашенію общества поощренія къ изученію Славянскихъ нарѣчій, литературы и исторіи, и читалъ въ Тейлоровомъ институтѣ три лекціи «о сношеніяхъ древней Руси со Скандинавіей и о происхожденіи Руси». Пишутъ, что на этихъ лекціяхъ было ничтожное число слушателей.

*

Сюда же относятся слѣдующія сочиненія:

Переписка Блюхера (Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813—1815. Herausgegeben v. Colomb. Stuttgart 1876).

Лекція профессора Каро объ императрицѣ Екатеринѣ II (Caro. Catharina II von Russland. Ein Vortrag. Breslau 1876, 31 стр.).

Орденъ Меченосцевъ въ Лифляндіи. Его учрежденіе, управленіе и уничтоженіе, соч. Бунге (Bunge. Der Orden der Schwertbrüder. Dessen Stiftung, Verfassung und Auflösung. Leipzig 1875, 100 стр.).

Vesin. Combat du brick russe «Le Mercure» contre deux vaisseaux de haut-bord turcs, 14 Mai 1829. Notice. Paris 1876. 15 стр.

L'église catholique en Pologne sous le gouvernement russe depuis le premier partage jusqu'à nos jours (1772—1875) par le p. Lescoeur, prêtre de l'oratoire. Paris 1876. 2 volumes.

Etudes sur la question réligieuse de Russie. Le pape de Rome et les papes de l'église orthodoxe d'Orient, d'après les documents originaux russes et grecs, avec un appendice sur les moyens de coopérer efficacement à la réunion des églises, par le p. Cesaire Tondini, barnabite. Paris 1876.

Письмо Русской императрицы Маріи Θеодоровны къ аббату Сикару, относительно обученія глухонѣмыхъ, изданное г. Ландесомъ (Une lettre de l'Impératrice etc. à l'abbé Sicard et autres documents. Sarlat 1876, 17 стр.).

Путешествія и описанія.

Мое путешествіе по Кавказу въ 1871 и 1872 годахъ, соч. Гейерсбурга (Geyersburg. Meine Reise in den Kaucasus. Mannheim 1875, 124 стр.). Разсказы, легко и пріятно написанные, подъ первымъ и неглубокимъ впечатлѣніемъ туриста. Онъ проѣхалъ изъ Галаца черезъ Одессу и Крымъ на Кавказъ; описываетъ на Кавказѣ преимущественно Боржомъ, Тифлисъ и Шемаху—конечный пунктъ своей поѣздки.

*

Въ 1875 году издано на Французскомъ языкѣ описаніе вольной Сванетіи (La Suanétie libre), составленное умнымъ и наблюдательнымъ Французомъ Берновилемъ, ѣздившимъ по тамошнему краю съ генераломъ Левашовымъ, который былъ посланъ въ 1869 году для военнаго и топографическаго изслѣдованія вольной Сванетіи. Въ этой книгѣ, особливо въ первой главѣ ея «Современная Россія и ея будущность», выражается явственное и осмысленное сочувствіе къ Россіи, къ колонизаторскому ея призванію на Кавказѣ и къ особливому значенію Русскаго элемента въ общей Европейской культурѣ. По поводу этой книги появилась статья въ книжкѣ журнала Preussische Jahrbücher, г. Шнейдера, подъ заглавіемъ: Das freie Svanetien. Эта статья въ томъ же духѣ написана, и въ ней сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ этой малоизвѣстной части Кавказа, извлеченныя изъ сочиненія принца Прусскаго Альбрехта о путешествіи его по Кавказу, сочиненія недоступнаго для публики *).

*

Берега Аральскаго озера, соч. маіора Вуда (The Shores of Lake Aral. By Major Herbert Wood. London 1876. Smitt Elder). Авторъ этой книги, съ дозволенія президента Русскаго Географическаго Общества, сопровождалъ въ 1874 году Русскую ученую экспедицію для изслѣдованія нижняго теченія Аму-Дарьи (Оксуса). Главный занимавшій его вопросъ былъ вопросъ о возможности обратить теченіе Аму-Дарьи отъ Аральскаго моря въ Каспійское, въ томъ направленіи, въ которомъ, по предположенію ученыхъ, она текла въ древности.

Сочиненіе посвящено вообще описанію бассейна Аральскаго моря и обсужденію вопросовъ о колебаніи уровня воды въ этомъ озерѣ

---

*) Было принесено въ даръ Чертковской библіотекѣ генераломъ Швейницемъ, нынѣ Германскимъ посланникомъ въ Россіи. П. Б.

и въ сосѣдственныхъ съ нимъ областяхъ. Авторъ, ученый и опытный инженеръ, лично изслѣдовалъ географію и топографію этой мѣстности и собралъ въ своей книгѣ показанія путешественниковъ, изъ самой глубокой древности до настоящаго времени, о перемѣнѣ теченія рѣкъ Волги, Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи. Общіе взгляды его на предметъ изслѣдованія и сдѣланные выводы изложены въ обстоятельномъ предисловіи въ этой книгѣ. Онъ подробно описываетъ воды и систему искусственнаго орошенія въ Хивинскомъ ханствѣ. О Россіи и Русскихъ, особливо о солдатахъ, отзывается сочувственно.

*

Поѣздка по Персіи съ караваномъ, соч. Арнольда (Arnold. Through Persia by Caravan, Lond. 1876. Tinsley). Путешествіе автора предпринято было черезъ Варшаву, Петербургъ, потомъ по Волгѣ черезъ Нижній до Астрахани, и значительная часть книги занята описаніемъ Россіи, гдѣ впрочемъ бывалъ онъ и прежде.

*

Извѣстный кораблестроитель Ридъ, членъ Парламента, помѣщавшій въ газетѣ Times свои письма изъ Россіи, вообще въ благопріятномъ для Россіи тонѣ, издалъ свои корреспонденціи отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: «Letters from Russia. London 1876.

*

Крымъ и Закавказье, соч. Тельфера (The Crimea and Transcaucasea, by Buchan Telfer. Lond. 1876. King and comp.). Капитанъ Тельферъ провелъ три года на югѣ Россіи и два раза путешествовалъ по Крыму и Закавказью, при благопріятныхъ условіяхъ, при внимательномъ содѣйствіи Русскаго правительства, въ обществѣ ученаго Русскаго археолога, и съ женою, дамою Русскаго происхожденія, извѣстною и въ Англ. литературѣ переводомъ повѣстей Пушкина. Обѣ свои поѣздки соединяетъ онъ въ одномъ разсказѣ, начиная отъ Одессы и Севастополя. Далѣе онъ ведетъ читателя на южный берегъ, въ Ѳеодосію, Керчь, Тамань, въ Грузію, Тифлисъ, въ Эривань и на Араратъ, наконецъ въ вольную Сванетію, которая занимала его особенно. Онъ описываетъ подробно бытъ Сванетовъ и Осетинъ, у которыхъ тоже былъ. Авторъ особенно интересовался археологическими объясненіями мѣстностей, которыя проѣзжалъ. О Русскомъ правительствѣ отзывается сочувственно, хотя разсказываетъ съ негодованіемъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, особливо на Кавказѣ. Книга написана съ талантомъ и читается съ удовольствіемъ.

*

Россія въ новѣйшее время, статистическіе и топографическіе этюды, соч. Линдгейма (Lindheim. Rusland in der neuesten Zeit. Wien 1876). Эта брошюра, содержащая въ себѣ краткій очеркъ экономическихъ, умственныхъ и военныхъ силъ Россіи, въ связи съ ея новѣйшею исторіей, имѣетъ цѣлью показать, что всѣ газетные крики объ упадкѣ России суть выдумка, на невѣдѣніи основанная, что на одной Россіи не отразился всеобщій экономическій кризисъ послѣдняго времени, что Россія растетъ быстро и очевидно и что ее ожидаетъ впереди блестящая будущность.

Европейская Россія, военные очерки страны и жителей, соч. Гофмейстера (Hofmeister. Das europäische Russland. Militairische Landes und Volksstudien. Berlin 1876). Авторъ этой небольшой книжки — молодой Прусскій офицеръ, проживавшій въ Россіи (по большей части въ деревнѣ) съ цѣлію изученія. Кромѣ военныхъ замѣчаній, онъ говоритъ о простомъ народѣ Русскомъ, о его характерѣ, религіи, бытѣ и хозяйственномъ положеніи, преимущественно на основаніи личныхъ своихъ наблюденій, возбудившихъ въ немъ такое сочувствіе къ Русскому простому человѣку, какого не удавалось еще намъ встрѣтить у Нѣмецкихъ писателей. Это сочувствіе помогло автору понять и указать добрыя черты въ характерѣ Русскаго человѣка и отзываться безъ желчнаго презрѣнія объ его недостаткахъ.

*

Юлій Эккардтъ, извѣстный выходецъ изъ Балтійскихъ губерній, постоянно описывающій Россію для Германіи, выпустилъ въ 1876 году второе изданіе своей, появившейся въ 1869 году, книги: Baltische und russische Culturstudien, подъ новымъ заглавіемъ: «Russische und baltische Characterbilder» (Leipzig 1876. 544 стр.), и въ совершенно новомъ видѣ. Прежнія статьи передѣланы, и прибавлено довольно новыхъ, которыя были напечатаны въ Нѣмецкихъ журналахъ, преимущественно въ Deutsche Rundschau. Новыя статьи: Филиппъ Вигель, національно-Русскій Германецъ; статья о П. М. Леонтьевѣ и о Русской періодической прессѣ, преимущественно о Московскихъ Вѣдомостяхъ, и біографія извѣстнаго суперъ-интендента Вальтера, какъ поборника протестантскихъ интересовъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Эккардтъ пишетъ талантливо и занимательно, но всегда пристрастно въ отношеніи къ Россіи.

*

Изъ Полу-Азіи. Картины быта и нравовъ въ Галиціи, Буковинѣ, Южной Россіи и Румыніи, соч. Францоза (Aus Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrussland und Rumänien. Von K. E. Franzos Leipzig 1876). Авторъ этой книжки, Еврей-Нѣмецъ, примыкающій къ направленію извѣстной Вѣнской газеты Neue Freie Presse, въ которой первоначально печатались эти разсказы, собранные потомъ въ книгу. Онъ проникнутъ гордою вѣрою въ безусловное господственное значеніе Нѣмецкой культуры и съ высоты ея гордо смотритъ на Славянскія племена восточной Европы, признавая за ними лишь половинную долю низменной цивилизаціи, почему и называетъ эти страны Полу-Азіей. Разсказы его, съ талантомъ и живо написанные, рисуютъ бытъ преимущественно Польскаго и Русскаго племени, отчасти Еврейскаго и Румынскаго. Въ числѣ ихъ три разсказа относятся къ Южной Россіи. Самые удачные разсказы: *Мятежъ въ Воловцахъ* и *Сельскій судья въ Бялѣ*, рисуютъ народные характеры Русскаго племени въ Галиціи. Замѣчательно, что авторъ въ сужденіяхъ своихъ благосклоннѣе къ Полякамъ, нежели къ Русскимъ; но всѣ Польскіе характеры, которые онъ выводитъ, очень некрасивы и непривлекательны, а напротивъ того Русскіе характеры изображены сочувственными чертами. Послѣдняя статья въ книгѣ имѣетъ предметомъ покой-

наго Николая Филипповича Павлова, его характеръ и литературную дѣятельность.

*

Сюда же относятся книги:

Meignan. De Paris à Pekin par terre. Sibérie. Mongolie. Paris. Plon. 1875.

Lankenau und Oelsnitz. Das russische Reich in Asien. Leipz. 1877. 402 стр.

Kohn und Andrée, Sibirien und Amurgebiet. Leipzig 1876.

Defert. Etudes sur les peuples slaves et l'Europe orientale. VII. Tchèques. Paris. 1876. 181 стр.

Cassany de Mazet. Etudes sur les peuples slaves et l'Europe orientale. XIII. La Pologne Paris. 1876. (99 стр.).

Villeneuve. Mtzkheth et Ibérie. Notices sur la Géorgie. Paris. 1875, 222 стр.

СОЧИНЕНІЯ ПО СРЕДНЕ-АЗІЯТСКОМУ И ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ.

Азія, будущія ея желѣзныя дороги и запасы угля, соч. Гохштеттера (Ferd. von Hochstetter. Asien, seine Zukunftsbahnen und seine Kohlenschätze. Eine geographische Studie. Wien 1876. 188 стр.). Авторъ разсматриваетъ предметъ не столько съ практической или технической, сколько съ научной стороны, но приходитъ къ выводамъ и заключеніямъ весьма интереснымъ и важнымъ для практики. Онъ изслѣдуетъ въ особенности вопросъ о наиболѣе выгодномъ пути для соединенія Европы съ южною и восточною Азіей, и входитъ для сего въ необходимыя соображенія о географическомъ и топографическомъ положеніи края, между прочимъ частей находящихся въ составѣ Русскихъ владѣній. Послѣдняя часть книги посвящена вопросу о направленіи пути черезъ Россію и Каспійское прибрежье въ Индію и о сообщеніи Россіи съ Китаемъ; авторъ предлагаетъ свой проэктъ такъ назыв. окружной Русской дороги отъ Омска черезъ Семипалатинскъ на Ташкентъ и Бухару въ Персію и оттуда на Кавказъ. Авторъ вводитъ въ свою книгу и политическія соображенія объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи и къ Китаю.—Къ тому же предмету относится Франц. сочиненіе Котара (Le chemin de fer Central-Asiatique par M. Cotard. Paris 1875). По поводу этихъ книгъ обширная статья Т. Радо: Les routes de l'avenir a travers l' Asie, въ Revue de deux Mondes, 15 Іюля.

*

Тѣни грядущихъ событій, соч. полковника Корри (Corry. Shadows of coming events. London 1876. King and c°). Этотъ памфлетъ, въ 9 главахъ, развиваетъ давно извѣстную тему объ опасностяхъ для Англо-Индійской имперіи отъ распространенія Русскихъ завоеваній въ Средней Азіи. Сочиненіе это писано прежде, чѣмъ разгорѣлись нынѣшнія событія на Востокѣ; но и безъ того пылкое воображеніе автора рисуетъ страшныя картины будущихъ, предполагаемыхъ имъ, опасностей. Для отвращенія ихъ онъ совѣтуетъ своему правительству занять какъ можно скорѣе Афганистанъ и усилить какъ можно больше Англійскую военную силу въ Остъ-Индіи.

*

Опыты о внѣшней политикѣ Индіи, соч. Уилли (Essays on the External Policy of India, by the late Wyllie. London 1876. Smith Elder). Авторъ, самъ родившійся въ Индіи, сынъ Англійскаго генерала Остъ-Индской службы и самъ одинъ изъ способнѣйшихъ чиновниковъ Остъ-Индскаго управленія, занимался въ особенности дѣлами внѣшней политики и считался знатокомъ Средне-Азіатскихъ отношеній. Онъ переселился, по болѣзни, въ Англію, гдѣ незадолго до смерти избранъ былъ въ члены Парламента, не смотря на молодые его годы. Въ этой книгѣ собраны его сочиненія относящіяся до Индіи; въ томъ числѣ главное мѣсто занимаетъ статья о Средне-Азіятскихъ политическихъ отношеніяхъ и о значеніи Русскаго движенія въ Средне-Азіятскія степи. Къ этому жгучему вопросу авторъ относится хладнокровно и разумно, говоритъ о Россіи какъ о благодѣтельной цивилизующей силѣ, съ которою Англіи слѣдуетъ дѣйствовать за одно, и совѣтуетъ своему отечеству держаться политики невмѣшательства.

*

Поѣздка въ Хиву, похожденія и приключенія въ Средней Азіи, соч. Бернаби (A ride to Khiva. Travels and Adventures in Central Asia. By Fred. Burnaby, London 1876. Cassel). Авторъ этой книги, неустрашимый путешественникъ и искатель приключеній, отправился въ Среднюю Азію, вооруженный знаніемъ Русскаго и Арабскаго языковъ и тѣмъ настойчивѣе пожелалъ проникнуть въ Хиву, чѣмъ болѣе представлялось ему затрудненій и опасностей въ этой поѣздкѣ. Онъ пробрался туда черезъ Русскія владѣнія, гдѣ, по словамъ его, всячески, прямо и косвенно, старались помѣшать ему или отговорить его, въ чемъ (по Англійскому складу мысли) онъ усматриваетъ желаніе мѣстной Русской администраціи помѣшать знакомству иностранцевъ, особливо Англичанъ, съ Средне-Азіятскими дѣлами и порядками. Онъ принадлежитъ очевидно къ числу противниковъ Русской политики въ Средней Азіи и охотно вѣритъ тѣмъ преувеличеннымъ исторіямъ о Русскихъ злоупотребленіяхъ, жестокостяхъ и т. п. въ Средней Азіи, которыя съ такимъ пристрастнымъ стараніемъ распространяются нынѣ въ Англіи. Въ Хивѣ ханъ принялъ его очень любезно и предупредительно; отсюда произошло благопріятное впечатлѣніе, которое повело къ тому, что авторъ выхваляетъ культуру Хивинскую и называетъ Русскими выдумками разсказы о Хивинскихъ варварствахъ и хищничествахъ. Знаніе Арабскаго языка дало ему возможность вступать въ пространные разговоры съ муллами, и содержаніе этихъ разговоровъ занимаетъ значительную часть его книги; разумѣется, авторъ, предрасположенный къ Россіи, охотно вѣритъ всему, что̀ противъ нея направлено. Онъ увѣряетъ своихъ соотечественниковъ, что Русскіе офицеры только и мечтаютъ что о походѣ въ Индію, считая его дѣломъ весьма возможнымъ. Къ книгѣ приложены карты и описаніе главныхъ степныхъ дорогъ: одна карта земель пограничныхъ между Россіей и Китаемъ, другая—карта пограничныхъ мѣстъ между Китаемъ и Кашгаромъ.

*

Въ Англіи г. Смитъ издалъ сочиненіе свое о Магометѣ и Магометанствѣ, составленное изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Королевскомъ институтѣ (Bosworth Smith. Mohammed and Mohammedanism. 2 edit. Lond. 1876. Smith and c°). Авторъ принадлежитъ къ расплодившимся въ послѣднее время поклонникамъ Ислама, съ восторгомъ говоритъ о культурномъ его значеніи, распространяется о его достоинствахъ, нравственныхъ и соціальныхъ, и о благодѣтельномъ его дѣйствіи на Африканскія и Азіятскія племена, тщательно умалчивая о темныхъ сторонахъ его, не смотря на ихъ очевидность. Вся эта книга, съ талантомъ написанная, отличается пристрастіемъ, состоящимъ очевидно въ связи съ новѣйшею политикою Англійскаго правительства по дѣламъ Востока. Поэтому неудивительно, что авторъ, сравнивая мусульманъ съ христіанами на Востокѣ, особливо съ Славянскими православными племенами, отдаетъ первымъ даже нравственное преимущество передъ послѣдними, и отвергаетъ съ негодованіемъ мысль о культурномъ значеніи Русской борьбы съ Исламомъ и о Русскихъ завоеваніяхъ на Востокѣ и въ Средней Азіи.

*

Россія и Турція съ начала взаимныхъ политическихъ сношеній до нашего времени, соч. Бухарова (Dmitri de Boukharow. La Russie et la Turquie depuis le commencement de leurs relations politiques jusqu' à nos jours. Amsterdam 1876. 300 стр.). Книга эта содержитъ въ себѣ тщательную выборку изъ всѣхъ дипломатическихъ документовъ, касающихся отношеній Россіи съ Турціей до конвенціи $^1/_{13}$ Марта 1871 года, съ примѣчаніями и объясненіями автора. Изложеніе старательное и представляетъ много интересныхъ матеріаловъ и подробностей, особливо за послѣднее время Крымской войны. Во введеніи авторъ представляетъ историческій очеркъ Турецкаго владычества въ Европѣ, первыхъ сношеній Турціи съ Россіей до конца XVII столѣтія и военныхъ дѣйствій противъ Турціи до Бѣлградскаго мира въ 1739 году. Первая глава описываетъ первую войну съ Турціей въ царствованіе Екатерины II, вторая—завоеваніе Крыма, третья—вторую войну, четвертая—доводитъ до Букарештскаго мира, пятая—до Адріанопольскаго. Шестая глава посвящена восточному вопросу и обнимаетъ все время до начала Крымской войны, которая составляетъ содержаніе 7-й главы. Наконецъ 8-я глава приводитъ къ отмѣнѣ Парижскаго трактата 1856 года.

*

Туркестанъ. Замѣтки о путешествіи по Русскому Туркестану, Кокану, Бухарѣ и въ Кульджѣ, соч. Евгенія Скайлера, въ 2 томахъ (Schayler. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Lond. 1876. Sampson Low). Авторъ, состоявшій прежде при Американскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, а нынѣ генеральный консулъ въ Константинополѣ, описываетъ въ первомъ томѣ этого сочиненія Туркестанъ, природу края, нравы и бытъ туземцевъ и отношенія ихъ къ Русской администраціи; второй томъ посвященъ ханствамъ, описанію обратнаго пути черезъ Кульджу и Сибирь и общимъ разсужденіямъ о Средне-Азіятской политикѣ. Книга наполнена

интересными свѣдѣніями и содержитъ въ себѣ, съ точки зрѣнія автора, критическія сужденія о Русскомъ управленіи и главныхъ мѣстныхъ его дѣятеляхъ. Общее заключеніе автора клонится къ разсѣянію опасеній, которыя внушаетъ Англіи движеніе Россіи внутрь Средней Азіи, такъ какъ, по мнѣнію Скайлера, въ этомъ движеніи нѣтъ систематическаго и заранѣе обдуманнаго плана. Въ Англіи эта книга сразу получила значеніе руководящаго сочиненія о Средней Азіи.

Отдавая вообще справедливость Русской политикѣ въ Средней Азіи и опровергая мысль о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи, направленныхъ противъ Англіи, Скайлеръ далъ однакоже волю чувству нѣкоторой непріязни противъ нынѣшней администраціи Туркестанскаго края. Выставляя злоупотребленія въ мѣстномъ управленіи, онъ не принялъ, какъ бы слѣдовало, во вниманіе всей трудности, какая предстояла администраціи обширнаго края, равно и невозможности устранить безпорядки и злоупотребленія въ началѣ управленія. Скайлеру не было позволено сопровождать Русское войско въ Хивинской кампаніи; можетъ быть, отсюда родилось у него непріязненное чувство противъ высшаго военнаго управленія, побуждая его принимать съ довѣрчивостью всѣ разсказы, клонившіеся къ охужденію дѣйствій этого управленія. Со словъ нѣкоего Громова переданы въ этой книгѣ очевидно преувеличенные и нерѣдко совсѣмъ неправдоподобные разсказы о жестокости Русскихъ войскъ въ экспедиціи противъ Туркменъ и Іомудовъ, хотя въ другихъ частяхъ той же книги говорится о дисциплинѣ и человѣколюбіи Русскихъ войскъ; авторъ прибавляетъ даже, что едва ли западно-европейскія арміи могли бы показать столько умѣренности въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Книга Скайлера появилась какъ разъ въ разгарѣ полемики, поднявшейся въ Англіи между партіями по поводу Болгарскихъ ужасовъ и Сербской войны. Партія министерства и журналы враждебные Россіи ухватились за разсказы Скайлера о Русскихъ жестокостяхъ, противопоставляя ихъ—очевидно совсѣмъ несправедливо и недобросовѣстно--Болгарской рѣзнѣ. Особливо журналъ Pall Mall Gazette отличался передъ прочими крайне-недобросовѣстною эксплуатаціей книги Скайлера для возбужденія въ публикѣ фальшиваго негодованія противъ Русской политики. Нашлись однако и серіозные умы, выступившіе на защиту правды. Прежде всего въ журналѣ Academy, въ серіозномъ разборѣ книги Скайлера, указана была шаткость основаній и свидѣтельствъ, на которыхъ построены разсказы его о Русскихъ жестокостяхъ. Потомъ въ газетѣ Daily News появилась статья подписанная: *Русскій* (a Russian), съ опроверженіемъ этихъ разсказовъ подлинными свидѣтельствами о событіяхъ, и между прочимъ свидѣтельствомъ очевидца Мак-гахана въ книгѣ его о Хивинскомъ походѣ. Наконецъ, и это всего важнѣе, въ журналѣ Contemporary Review (за Ноябрь мѣсяцъ 1876 года) появилась статья мистера Гладстона подъ заглавіемъ: Русская политика и Русскій образъ дѣйствій въ Туркестанѣ, статья дѣлающая честь безпристрастію автора. Онъ вступается въ ней не за Россію, а за правду и за добросовѣстность литературную, и дока-

зываетъ, какъ малую вѣроятность разсказовъ Скайлера, такъ и недобросовѣстность построенной на извращеніи этихъ самыхъ разсказовъ діатрибы противъ Россіи въ газетѣ Pall Mall.

*

Зимой 1876 года въ Англійскихъ журналахъ появилось письмо знаменитаго Англійскаго историка и философа Карлейля, по поводу восточныхъ событій. Карлейль, какъ извѣстно, рѣшительный поборникъ авторитета власти и личной дѣятельной силы въ исторіи и въ политикѣ; неудивительно, что, съ этой точки зрѣнія, онъ заявилъ очень явственно сочувствіе свое къ Россіи, какъ представительницѣ личнаго авторитета въ политикѣ. Съ этой точки зрѣнія онъ относится сочувственно къ Русскому государственному началу и къ борьбѣ его съ монархическими началами всякаго рода на Востокѣ, въ Польшѣ и пр. Письмо это возбудило нѣкоторую полемику, въ которой самымъ яростнымъ, можно сказать, бѣшенымъ противникомъ Карлейля и Россіи является извѣстный поэтъ, республиканецъ, атеистъ Свинбернъ. Его памфлетъ подъ заглав.: Замѣчанія Англійскаго республиканца по поводу Московскаго Крестоваго Похода (Swinburne. Note of an English Republican on the Moscovite Crusade. Lond. Chatto and Windus). Рѣчь автора, обыкновенно преисполненная фальшиваго паѳоса, достигаетъ въ этомъ памфлетѣ до безумія: отъ того никто и не придаетъ ей серіознаго значенія.

Другой Англійскій поэтъ того-же направленія, Альфредъ Аустинъ, высказался также въ отдѣльномъ памфлетѣ противъ Россіи въ защиту Турціи, и опять не столько изъ сочувствія къ Турціи, сколько изъ ненависти къ Россіи. Напротивъ того, три другихъ поэта, и въ томъ числѣ наиболѣе значительные, именно—Улькеръ, Браунингъ и знаменитый Моррисъ (едва-ли не самый даровитый и симпатичный изъ современныхъ поэтовъ) были членами національной конференціи и высказали (особливо Моррисъ) очень явственно свое сочувствіе къ Россіи и къ ея заступничеству за угнетенныхъ. Замѣчательно, что и трое первостепенныхъ историковъ: Карлейль, Фрудъ и всего рѣшительнѣе Фримекъ заявили себя рѣшительными противниками Турціи. Изъ современныхъ литераторовъ назовемъ еще Дженкинса (остроумнаго сатирика); первое, даровитое его сочиненіе—*Джинксовъ младенецъ* есть и въ Русскомъ переводѣ, въ Отеч. Запискахъ). Онъ издалъ прошлою осенью памфлетъ подъ заглавіемъ: *Тѣнь на крестѣ* (отъ полумѣсяца): The Shadow on the Cross. London, Millan. Въ этой небольшой книжкѣ онъ съ большимъ жаромъ высказывается противъ Турціи. Вообще особенно интересна была бы точная статистика Англійскихъ ученыхъ и литераторовъ съ означеніемъ выраженнаго ими сочувствія той или другой сторонѣ въ этой великой тяжбѣ правды съ насиліемъ и ложью. Но то достовѣрно, что въ спискѣ членовъ знаменитой національной конференціи, высказавшейся такъ торжественно въ Декабрѣ 1876 года противъ Турціи и противъ политики Британскаго министерства, стоятъ почти всѣ знаменитости науки и литературы. Это весьма знаменательно для будущаго.

Только что вышло новое изданіе перваго тома *Исторіи Крымской войны* Кинглека. Естественно, что, выпуская новое передѣланное изданіе своей книги, авторъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, написалъ новое къ нему предисловіе, въ которомъ говоритъ о настоящемъ положеніи восточнаго вопроса. Отъ Кинглека, извѣстнаго туркофила и недоброжелателя Россіи, нельзя ожидать сочувственныхъ отзывовъ о Русской политикѣ. Нынѣшній отзывъ его написанъ въ ироническомъ тонѣ; однако онъ отзывается съ уваженіемъ о чувствѣ, высказавшемся въ народномъ движеніи, и о геройствѣ отдѣльныхъ лицъ, принесшихъ себя въ жертву Славянскому дѣлу.

*

Въ Лондонѣ изданъ отдѣльною брошюрою сокращенный переводъ отчета, читаннаго въ Октябрѣ 1876 года И. С. Аксаковымъ въ засѣданіи Московскаго Славянскаго Комитета (Condenset Speech of mr. Ivan Aksakoff). Переводъ сдѣланъ одною Русскою дамой. Брошюра имѣла успѣхъ и читается на расхватъ. Газета Daily News посвятила ей серіозную передовую статью. Первыхъ 250 экземпляровъ оказалось недостаточно; комитетъ національной конференціи потребовалъ еще 1000, которые предположено разсылать при особомъ рекомендательномъ письмѣ президента.

*

Французская литература и журналистика выказали себя вообще по восточному вопросу въ духѣ неблагопріятномъ для Россіи, въ духѣ невѣжественной клеветы и порицанія. Только Эмиль де Жирарденъ выступилъ защитникомъ Россіи и Славянъ въ своемъ памфлетѣ: La Honte de l'Europe. За то всѣ прочіе памфлеты, почти безъ исключенія, намъ враждебны. Въ числѣ ихъ примѣчательна брошюра извѣстнаго ученаго архитектора и литератора Леузона ле Дюка (Leouzon le Duc. Esquisses orientales de la Turquie. Est-elle incapable de réformes? Paris 1876). Авторъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1846 году; по порученію своего правительства онъ искалъ въ то время въ Финляндіи мрамора для гробницы Наполеона. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ враждебенъ Россіи, а потомъ подпалъ подъ сильное вліяніе Венгрофильской и анти-русской партіи.

*

Въ Испаніи знаменитый публицистъ и республиканецъ Кастеляръ выступилъ съ своимъ памфлентомъ: Question de Oriente, въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи.

Въ Парижѣ вышла брошюра извѣстнаго Рускаго географа Чихачева, подъ назв. *Вѣроятности войны и мира* (Clances de paix et de guerre. Paris 1876. 63 стр.). Значительная доля ея посвящена вопросу о средней Азіи, о Русской политикѣ и о значеніи Русскихъ завоеваній.

Филологія.

Съ 1875 года издается въ Берлинѣ журналъ: Архивъ для Славянской филологіи (Archiv für slavische Philologie, unter Mitwirkung von A. Leskien u. W. Nehring, herausgeg. von. V. Iagic. Berlin. Weidmann). Издатель такъ

излагаетъ предметъ и цѣль своего изданія: «Съ одной стороны способствовать разработкѣ вопросовъ, относящихся къ Славянской филологіи посредствомъ самостоятельныхъ изслѣдованій, съ другой стороны—посредствомъ переводовъ, извлеченій, критическихъ замѣтокъ и библіографическихъ указаній представить полное по возможности обозрѣніе научной дѣятельности въ каждой изъ Славянскихъ литературъ и достигнутыхъ ею результатовъ». Въ первой же книжкѣ этого журнала помѣщено серіозное изслѣдованіе самого издателя Ягича: Христіанско-миѳологическій элементъ въ Русской народной эпической поэзіи.—Въ третьей книжкѣ, которою оканчивается первый томъ изданія, помѣщенъ составленный тѣмъ же Ягичемъ, весьма цѣнный указатель всѣхъ появившихся съ 1870 года сочиненій по Славянскимъ древностямъ и филологіи.

*

Въ Львовѣ вышло изданіе текста слова о полку Игоревомъ съ переводомъ, предисловіемъ и примѣчаніями на Малорусскомъ нарѣчіи, Огоновскаго (Slovo o pulku Igoreve. Tekst s perekladom etc. Vidav O. Ogonovskij. U Livovi 1876).

*

Leskien. Die Declination im Slavischen, Litanischen und Germanischen. Leipz. 1876. 158 стр.

Hassencamp. Ueber den Zusammenhang des lettoslavischen und germanischen Sprachstammes. Leipzig 1876. 64 стр.

Оба сочиненія увѣнчаны преміей Общества графа Яблоновскаго въ Лейпцигѣ.

*

Грамматика Финскаго языка, соч. Уйфальви и Герцберга (Ujfalvy et Hertzberg. Grammaire finnoise d'après les principes d' Euren, suivie d'un recueil de morceaux choisis. Paris 1876. 112 стр.).

Чувашскій языкъ, изслѣд. Шотта (Schott. La langue des Tschouvasches. Paris 1876. 23 стр.

ПЕРЕВОДЫ.

Въ Нѣмецкомъ переводѣ появилось сочиненіе профессора Кіевской Духовной Академіи Скворцова о происхожденіи апокрифическихъ твореній отцевъ церкви (Patrologische Untersuchungen über Ursprung der problematischen Schriften der apostolischen Väter. Von Constantin Skworzow. Leipzig 1875).

На Нѣмецкомъ языкѣ появилось, въ переводѣ Иванова, извѣстное судебно-медицинское изслѣдованіе проф. Пеликана, о Русскомъ скопчествѣ (Pelikan. Medic. Untersuchungen Über das Skopzenthum in Russland. Giessen 1876).

Россія и Англія въ Средней Азіи. Соч. Терентьева. Переводъ съ Русскаго г. Докса, состоящаго при департаментѣ Остъ-индскихъ дѣлъ (Russia and England in Central Asia. By M. A. Terentyeff. Translated by F. C. Dawkes. 2 volumes. Calcutta 1876). Англійская критика считаетъ это сочиненіе г. Терентьева интереснымъ, но необстоятельнымъ и несеріознымъ.

СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ.

Въ Revue de deux Mondes.

Въ этомъ журналѣ помѣщалось продолженіе любопытныхъ статей Леруа Больѐ: L'empire des Tsars et les Russes. Статья въ книжкѣ 15 Мая говоритъ о дворянствѣ, о происхожденіи его, объ исторіи, общественномъ его значеніи и правахъ, о чинѣ и чиновничествѣ. Она написана такъ же хорошо и тщательно, какъ и прежнія того же писателя, и основана на непосредственномъ изученіи Русскихъ книгъ и Русскаго общественнаго быта. Въ слѣдующей статьѣ (1 Августа) авторъ описываетъ исторію крѣпостнаго права, ходъ эманципаціи и нынѣшнее общественное и экономическое состояніе крестьянъ въ Россіи. Статья въ книжкѣ 15 Ноября имѣетъ предметомъ крестьянскій бытъ и поземельную сельскую общину. Авторъ описываетъ общину на основаніи Русскихъ изслѣдованій объ ней, приводя факты и ссылаясь на мнѣнія изъ извѣстнаго доклада коммиссіи, учрежденной при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, и изъ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ изслѣдованій по этому предмету. Видно, что онъ слѣдилъ внимательно за полемикой о сельской общинѣ въ нашей литературѣ. Описавъ Русскую крестьянскую семью, Русскую деревню и особенности Русскаго общиннаго хозяйства съ передѣломъ земель, онъ оканчиваетъ свою статью критическими сужденіями о Русскомъ общинномъ владѣніи и, признавая нынѣшнее состояніе и дальнѣйшее развитіе или преобразованіе этого владѣнія явленіемъ, въ высшей степени интереснымъ для западной Европы, въ тоже время выражаетъ свое мнѣніе, что форма эта ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ будущности въ примѣненіи къ городскому и промышленному быту западно-европейскихъ обществъ. Въ книжкѣ 15 Дек. и 1 Янв. 1877, статья о Русскихъ финансахъ, содержащая въ себѣ обозрѣніе Русскихъ бюджетовъ послѣдняго времени, ясно и безпристрастно написанное. Въ книжкѣ 1 Дек., его же прекрасная статья о Русской политикѣ на Востокѣ и о панславизмѣ.

Въ томъ же журналѣ 15 Апрѣля статья Рамбо о графѣ Ростопчинѣ, по поводу изданной въ VIII-й книгѣ Архива Князя Воронцова переписки его съ гр. Воронцовыми. Авторъ анализируетъ характеръ и дѣятельность Ростопчина и относится къ ней съ ѣдкою критикой.

15 Іюня, 1 Іюля и 1 Авг., въ статьяхъ Мореплаватели XVI столѣтія, Жюрьенъ-де-ла Гровьѐръ расказываетъ въ подробности исторію морскихъ экспедицій Ченслера, Берро и Дженкинсона въ Россію и исторію первыхъ сношеній Россіи съ Англіей и взаимныхъ посольствъ. Продолженіе этихъ статей (1 и 15 Окт.) содержитъ въ себѣ описаніе новой поѣздки Дженкинсона въ Россію въ 1557 году съ возвращавшимся изъ Англіи Русскимъ посломъ Осипомъ Непеемъ, пребываніе его въ Москвѣ при дворѣ Ивана IV и двѣ поѣздки его черезъ Россію въ Бухару и въ Персію.

15 Іюня. Статья г. Дюрана о жизни и стихотвореніяхъ Тараса Шевченки.

15 Октября Статья г. Брюнетьѐра о романѣ Чернышевскаго *Что дѣлать?* и о Русскихъ нигилистахъ.

*

Въ Іюньской книжкѣ Macmillan's Magazine, г. Мекензи Уолласъ помѣстилъ отрывокъ изъ приготовляемаго къ изданію сочиненія о Россіи. Въ этой главѣ онъ описываетъ устройство сельской общины въ Россіи, въ живомъ, наглядномъ разсказѣ объ организаціи сельскаго схода, о раздѣлѣ земель, о мѣстномъ распредѣленіи податей и повинностей, съ общими замѣчаніями объ историческомъ происхожденіи общиннаго устройства въ Россіи и объ экономическомъ его значеніи.

Въ Fortnightly Review (Августъ), его же статья о территоріальномъ расширеніи Россіи. Авторъ изслѣдуетъ процессъ колонизаціи въ связи съ характеромъ Русскаго племени и объясняетъ стремленіемъ къ колонизаціи расширеніе Русской государственной территоріи.

Въ Апрѣльской книжкѣ журнала Geographical Magazine, помѣщена статья проф. Вамбери о завоеваніи и присоединеніи къ Россіи Кокана. Авторъ думаетъ, что пріобрѣтеніе этой, бѣднѣйшей, по его мнѣнію, изъ всѣхъ Среднеазіатской области окажется тяжкимъ бременемъ для Русской государственной казны, и что въ воинственныхъ Кипчакахъ и Каракиргизахъ Россія пріобрѣтаетъ себѣ непримиримыхъ и неутомимыхъ враговъ, съ которыми ей придется вести непрестанную утомительную войну.

Въ Contemporary Review (Апрѣль) статья Рольстона: *Русскія идилліи*, содержитъ въ себѣ разборъ и переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Некрасова изъ крестьянскаго быта.

*

Въ Стокгольмѣ предпринято недавно профессоромъ Сильверштольпе изданіе *Исторической библіотеки* (Historiskt Bibliotek af Carl Silfverstolpe), посвященное Шведской и всеобщей исторіи. Во второмъ томѣ этого изданія (1876 г.) есть обширная статья проф. Лиске, содержащая въ себѣ обзоръ Польской литературы по отношенію къ исторіи нѣкоторыхъ государствъ, между прочимъ Швеціи и *Россіи.*

*

Въ 4 книгѣ Историческаго Журнала, изд. Зибелемъ (1876 г.) статья Шефера: Послѣдніе дни Русской императрицы Елисаветы.

Въ историческомъ альманахѣ Historisches Taschenbuch herausg. von Riehl, помѣщена статья о католической церкви въ Россіи, Валькера: Russland und die Katholische Kirche, von Karl Walcker.

Съ Марта 1876 года въ Парижѣ издается журналъ: Le Spectateur, revue franco-russe, politique, littéraire, artistique et financière.

Въ Парижѣ издается съ нынѣшняго года, при участіи первыхъ литературныхъ знаменитостей, журналъ «La république des lettres». Въ первомъ его выпускѣ помѣщено, во Французскомъ переводѣ И. С. Тургенева, нѣсколько стихотвореній Пушкина.

Книги разнаго содержанія.

Въ Парижѣ вышла замѣчательная книга подъ назв. *Цивилизація и ея законы* (La civilisation et ses lois), сочиненіе нѣкоего Функъ-Брентано.

Авторъ, родомъ изъ Люксембурга, воспитанъ на Германской философіи и женатъ на племянницѣ извѣстной Беттины Брентано. Послѣ пораженія Франціи онъ внезапно привязался къ ней горячей любовью, принялъ Французское подданство и состоитъ преподавателемъ международнаго права въ вольномъ училищѣ политическихъ наукъ въ Парижѣ (Ecole libre des sciences politiques). Нынѣшнее сочиненіе его, уже не первое, прекрасно написано и отличается глубиною и оригинальностью мысли. Въ немъ онъ задалъ себѣ задачу — представить философію исторіи въ противоположность излюбленной у новаго поколѣнія поверхностной философіи Бокля. Какъ тотъ полагаетъ началомъ прогресса отрицаніе и скептицизмъ, такъ напротивъ того Ф. Брентано доказываетъ, что народы находятся въ прогрессѣ лишь въ томъ періодѣ, когда существуетъ у нихъ согласіе закона съ правомъ и обычаемъ, знанія съ вѣрованіемъ, капитала съ трудомъ. Всякая внутренняя соціальная борьба имѣетъ въ сущности цѣлью возстановленіе этого нарушеннаго согласія и, если оно не достигается, нація вырождается и клонится къ упадку. Эту систему авторъ подтверждаетъ множествомъ остроумныхъ доказательствъ и искусно сгрупированныхъ фактовъ. Естественно съ этой точки зрѣнія, что онъ осуждаетъ и реформацію и революцію безчеловѣчно; но онъ не благопріятствуетъ и Римскому католичеству, признавая его за элементъ вражды, а не гармоніи. Мы упоминаемъ здѣсь объ этой книгѣ потому, что въ концѣ ея помѣщенъ выводъ, непривычный у западнаго мыслителя и объясняемый, можетъ быть, не столько сознаніемъ истины, сколько замѣтной у нынѣшнихъ Французскихъ писателей сильной реакціей противъ всего Германскаго. Отрицая всякое значеніе Германскаго культурнаго элемента въ цивилизаціи, авторъ напротивъ того возвышаетъ значеніе не только Латинской, но и *Славянской* расы. Онъ утверждаетъ, что Славянскому племени, обладающему свѣжею силой вѣрованія, принадлежитъ будущность цивилизаціи. «Въ тотъ день, говоритъ онъ, когда Славяне поднимутъ свое вѣрованіе на высоту нравственнаго и умственнаго опыта, составляющаго достояніе человѣчества, и выработаютъ для этого вѣрованія могучую формулу, въ которой объединились бы отдѣльныя стремленія и просвѣтились бы свѣтомъ нравы ихъ, общественныя и національныя преданія,—въ тотъ день, но не ранѣе, Славяне вступятъ въ свою героическую эпоху и переймутъ въ свои руки вѣковое дѣло цивилизаціи».

*

Прошлогоднее (1875) совѣщаніе Русскихъ и Греческихъ православныхъ депутатовъ, въ Боннѣ у Деллингера, со старокатоликами и англиканами о догматѣ происхожденія Св. Духа дало поводъ къ появленію многочисленныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ, съ большимъ или меньшимъ пристрастіемъ мысли, при чемъ подвергался обсужденію вопросъ о возможности соединенія западной церкви съ восточною, въ этомъ пунктѣ и вообще. Вниманіе ученой критики на Западѣ обращено было особливо на сочиненія профессора Лангена о различіи въ ученіи о Св. Троицѣ между западною

и восточною церковью (Langen. Die trinitarische Lehrdifferenz zwischen d. abendländische u. der morgenländische Kirche. Eine dogmengeschichtlichte Untersuchung. Bonn 1876. 127 стр.). Книга эта есть историческое и критическое изслѣдованіе о происхожденіи знаменитой формулы Filioque. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что хотя прибавка—позднѣйшая и произвольная, но въ сущности ни восточная, ни западная формула не заключаетъ въ себѣ ереси, и обѣ могутъ быть согласованы толкованіемъ. За всѣмъ тѣмъ желательно, чтобы Западъ, въ видахъ желаннаго единенія, отказался отъ прибавки. Онъ принадлежитъ къ числу теоретиковъ, вѣрующихъ въ возможность этого единенія и забывающихъ, что въ дѣлѣ вѣрованія всякая сдѣлка или невозможна, или должна быть по необходимости фальшивою сдѣлкой, съ затаеннымъ мнѣніемъ, и что основаніе существующаго раздѣленія церквей заключается не въ той или другой догматической формулѣ, а въ коренномъ различіи основныхъ воззрѣній, неразрывно соединенныхъ съ духомъ народа, со всей его исторіей и культурой. Знаменитая Бонская конференція показала уже, что теоретическое объединеніе формулы ничего еще не значитъ: члены конференціи сошлись, съ разными оговорками, въ одной формулѣ; но за ними и около нихъ, мнѣнія раздѣлились еще больше прежняго, и обнаружилось явственно, что западная наука, также какъ и церковь, не хочетъ поступиться результатомъ богословскаго своего анализа передъ такою церковью, и такою наукою и исторіей, которую признаетъ ниже себя въ культурномъ и научномъ отношеніи. Новымъ тому свидѣтельствомъ служитъ появившаяся недавно книжка извѣстнаго Англійскаго богослова Пьюзея о формулѣ Filioque, по поводу Бонской конференціи (On the Clause and the Sohn in regard to the Eastern Church and the Bonn Conference. By the rever. E. B. Pusey. London 1876. Parker). Авторъ говоритъ отъ имени своего и своей партіи, весьма значительной въ Англіи, что они ни за что не отступятся отъ своей формулы, въ которой полагаютъ существенное значеніе для ученія о Св. Троицѣ и что, напротивъ того, Греки должны были бы признать свою настойчивость несущественною.

*

Въ 1876 году появилась книга г. Рамбо о Русскомъ народномъ эпосѣ (Rambaud. La Russie épique etc. Paris 1876), обратившая на себя общее вниманіе и пріобрѣтшая немалую извѣстность въ Россіи. Содержаніе ея было уже предметомъ обширныхъ критическихъ статей въ Русскихъ журналахъ.

*

Врачъ, состоящій при Русскомъ посольствѣ въ Пекинѣ, г. Бретшнейдеръ, издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ топографическое описаніе Пекинской равнины, города Пекина и сосѣдственной съ нимъ горной стороны (Bretschneider. Die Pekinger Ebene etc. Gotha 1876. 42 стр.).

*

Новое уголовное законодательство въ Россіи, брошюра, соч. Лера, профессора сравнительнаго законовѣдѣнія въ Лозаннѣ (Lehr. La nouvelle

legislaton pénale de la Russie. Paris 1875. 85 стр.). Краткій похвальный очеркъ новѣйшихъ реформъ въ Россіи по этой части.

Въ Парижѣ вышла новая брошюра г. Губарева: Demetr. Goubareff. Renovaton sociale basée sur les lois de la nature. La force morale. Paris 1876. 28 стр.

*

Въ Германской ученой литературѣ завязалась довольно горячая полемика о достовѣрности открытій, сдѣланныхъ извѣстнымъ Караимомъ Фирковичемъ въ Крыму и о подлинности древнихъ Еврейскихъ рукописей (собраніе коихъ продано имъ въ Имп. Публичную Библіотеку) и списанныхъ имъ надписей на Еврейскихъ гробницахъ въ Чуфутъ-Кале. Ученая критика склоняется къ признанію этихъ рукописей и списковъ въ важнѣйшихъ случаяхъ подложными. Къ этому предмету относится, кромѣ статей въ ученыхъ журналахъ, брошюра профессора Штрака подъ названіемъ: Фирковичъ и его открытія (Strak, Firkowitch und seine Entdeckungen. Leipz. 1876. 44 стр.); критика автора основана на повѣркѣ съ подлинными надгробными надписями на памятникахъ въ Азіятскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

*

Въ началѣ 1876 года, въ Парижѣ, получила извѣстность четырехъактная комедія на Франц. языкѣ, изъ Русскаго помѣщичьяго быта, подъ названіемъ *Семейство Данишевыхъ* (Les Danicheff), написанная однимъ изъ Русскихъ, подъ псевдонимомъ Петра Невскаго, подъ руководствомъ Александра Дюма-сына. Ее давали съ большимъ успѣхомъ на сценѣ *Одеона.*

*

Повѣсти и романы изъ Русской жизни представляютъ теперь особый интересъ во Французской литературѣ, можетъ быть за истощеніемъ домашнихъ сюжетовъ. Новѣйшею поставщицей разсказовъ этого рода явилась писательница не безъ таланта, нѣкая г-жа Гревиллъ, прожившая нѣсколько лѣтъ въ Россіи съ мужемъ, который былъ у насъ въ качествѣ учителя Франц. языка. Прежнія ея произведенія печатались и въ Россіи, въ фельетонахъ Journal de S.Pétersbourg; а теперь она печатается и въ Revue de deux Mondes, гдѣ явился въ прошломъ году разсказъ ея: L'expiation de Savéli, и въ другихъ газетахъ и журналахъ.

Записки графа Александра Ивановича Рибопьера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно ли, кажется, въ Петербургскихъ и Московскихъ гостиныхъ (было время, когда таковыя существовали и въ первопрестольной столицѣ) встрѣчались бодрые старики, живо помнившіе славные дни Екатерины. Старики эти какъ-то особенно выдавались впередъ; въ нихъ были отмѣнная сановитость, умѣнье держать себя, и сановитость эту они невыразимо пріятно соединяли съ утонченною учтивостью и крайнею благосклонностію къ молодому поколѣнію. На нихъ словно еще свѣтился отблескъ Екатеринина величія. Они знавалй великую нашу Царицу въ послѣднюю, самую темную, пору ея жизни, и тѣмъ не менѣе съ какимъ восторгомъ вспоминали они про эту пору! Они любили разсказывать, и было имъ что разсказывать. Екатерининскіе орлы съ великими качествами своими и крупными пороками представлялись въ разсказахъ этихъ такими исполинами, что совѣстно становилось глядѣть на измельчавшее новое поколѣніе, съ его незначительными достоинствами и мелочными побужденіями. Какъ сонъ промчалось какихъ-нибудь 20 лѣтъ, и не только уже нѣтъ современниковъ Екатерины, но и самыя гостинныя, гдѣ догорала вечерняя заря ихъ, затворились на вѣки.

Однимъ изъ послѣднихъ живыхъ памятниковъ Екатерининской эпохи былъ оберъ-камергеръ графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, скончавшійся 24 Мая 1865 года. Всякій, кто бывалъ лѣтъ 14 тому назадъ въ Петербургскомъ обществѣ, помнитъ этого сановитаго, изящнаго и любезнаго старца, бодро одолѣвавшаго своё осьмидесятилѣтіе и внезапно, почти безъ болѣзни, угасшаго. Какъ забыть его живыя рѣчи, острые анекдоты, восторженную хвалу великой Царицѣ? Графъ Рибопьеръ былъ въ полномъ смыслѣ то, что въ блестящую эпоху Парижскихъ салоновъ называлось un causeur. И въ самомъ дѣлѣ, бывало не наслушаешься разсказовъ его, и по мѣрѣ того, какъ передъ воображеніемъ проходили послѣдніе годы прошлаго столѣтія, не чувствовалось, какъ летѣло время. Графъ Рибопьеръ былъ типомъ изящнаго маркиза; въ немъ живы были всѣ старинныя преданія учтивости и утонченности, и странное дѣло, подъ этою Французскою наружностью сильно билось чисто-Русское сердце, чутко относившееся ко всему родному; съ этихъ устъ, такъ красиво закруглявшихъ Французскія фразы, потокомъ струилась живая Русская рѣчь, искрившаяся всею красою родныхъ пословицъ и поговорокъ. Этотъ щеголеватый типъ Версальскаго царедворца горячо любилъ родину; его постоянно тянуло изъ-за границы и съ роскошныхъ придворныхъ праздниковъ въ созданное и украшенное имъ Новое Село (Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда), гдѣ онъ не только бывалъ почти каждое лѣто, но нерѣд-

ко проводилъ и зиму. Графъ Рибопьеръ былъ вполнѣ придворнымъ человѣкомъ, но въ лучшемъ значенiи этого слова. Въ его преданности государямъ слышалось то врожденное каждому Русскому чувство, котораго не пошатнутъ никакiя чуждыя намъ ученiя и идеи; но преданность его была вполнѣ трезвая: онъ глубоко почиталъ начало власти, но не ослѣплялся въ отношенiи къ орудiямъ ея. Преданность его не имѣла ничего рабскаго, лакейскаго; онъ чтилъ Царя и любилъ его, какъ любитъ Русскiй, т. е. не забывая никогда собственнаго достоинства. Онъ не льстилъ въ глаза, но и не поносилъ за глазами. Среди блеска дипломатическихъ прiемовъ, до которыхъ онъ былъ охотникъ, среди свѣтской разсѣянности и придворной болтовни, онъ оставался вполнѣ чуждъ тому политическому нигилизму, который такъ распространился въ позднѣйшее время въ высшихъ сферахъ нашего общества. Онъ вѣрилъ въ призванiе Россiи, и для него благо Россiи, честь ея не были пустыми словами.

Съ графомъ А. И. Рибопьеромъ связаны лучшiя воспоминанiя моего дѣтства. Онъ былъ искреннимъ другомъ отца моего; ни одно облако не отуманило ихъ 58 лѣтнихъ близкихъ отношенiй. Они познакомились въ Петербургскомъ свѣтѣ, а сошлись и подружились въ Вѣнѣ, гдѣ вмѣстѣ жили у посла графа Разумовскаго, служа въ его канцелярiи и вмѣстѣ вращаясь въ блестящемъ Вѣнскомъ обществѣ. Въ то время въ Вѣнѣ была мода на прозвища. Отецъ мой былъ высокъ ростомъ; Рибопьеръ, въ то время, подлѣ отца казался мальчикомъ; ихъ сейчасъ же прозвали m-r Legrand и chevalier Lepetit или же le petit chevalier. Legrand и Lepetit знала вся Вѣна. Извѣстная въ ту пору умомъ своимъ, Наталья Кириловна Загряжская, дочь гетмана Разумовскаго и тетка моего отца, говаривала про Рибопьера: «розовый мальчикъ, вѣтеръ причесалъ». Когда, въ сороковыхъ годахъ, отецъ мой переѣхалъ на житье въ Москву, гр. Рибопьеръ почти ежегодно посѣщалъ его проѣздомъ въ свое Новое Село. Онъ по недѣлямъ гостилъ у насъ и часто вечерами разсказывалъ мнѣ про славные дни Екатерины. Кое-что я записалъ со словъ его, къ сожалѣнiю весьма немногое. Его часто уговаривали, чтобы онъ велъ Записки. «Меня преслѣдуютъ просьбами писать Мемуары», говоритъ онъ въ записной своей книжкѣ. «Множество причинъ препятствуетъ этому. Главное то, что мнѣ постоянно приходилось бы говорить о себѣ. Правда, я всю жизнь провелъ при дворѣ, на своемъ вѣку занималъ не одну должность, но никогда не игралъ я первенствующей роли, никогда не рѣшалъ и даже не руководилъ дѣлами первой важности. На каждомъ шагу въ моихъ Запискахъ встрѣчались бы выраженiя: «я видѣлъ, я слышалъ, я былъ, я сказалъ». Спрашивается: кого можетъ это интересовать?» Не смотря на это, несомнѣнно, что графъ Рибопьеръ не разъ принимался за дѣло, но каждый разъ, или вѣрнѣе почти каждый разъ, уничтожалъ написанное, будучи имъ недоволенъ. «У меня была толстая тетрадь», говоритъ онъ въ другой замѣткѣ, «полная бiографiй, мною составленныхъ. Составлялъ я ихъ съ безпристрастiемъ. Писалъ я только то, что̀ мнѣ подсказывали сущая правда и свѣжая еще память. Года четыре тому назадъ, тетрадь эта попалась мнѣ подъ руку, я ее сталъ перелистывать и бросилъ въ огонь; а то она, пожалуй, попалась бы кому либо въ руки, и стали бы говорить: «какой этотъ Рибопьеръ злющiй». Впрочемъ кое-что изъ Записокъ его сохранилось. Когда дворъ, въ первый разъ по восшествiи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора, прибылъ въ Москву, графъ Рибопьеръ поспѣшилъ туда изъ Новаго Села и безпрестанно бывалъ у Ихъ Величествъ. «Однажды, въ Александрiи,

имѣлъ я неосторожность разсказать Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ и сестрѣ ея принцессѣ Луизѣ Нидерландской, что послѣ неоднократныхъ попытокъ писать Мемуары и частаго уничтоженія мною написаннаго, у меня все таки остались необдѣланныя замѣтки, которыхъ никто, ниже жена моя, не видала и не увидитъ» [1]). Государыня долго просила Рибопьера прочесть ей что нибудь изъ этихъ замѣтокъ; онъ отнѣкивался. Наконецъ, нашлась у него старая тетрадь, привезенная изъ деревни для записыванія счетовъ, въ ней записаны были кое-какіе анекдоты; онъ прочелъ ихъ Государынѣ, и чтеніе имѣло полный успѣхъ. Находившаяся въ ту пору въ Москвѣ великая княгиня Елена Павловна, слѣдившая за каждою умственною новинкою, потребовала повторенія у себя этого чтенія. Куда дѣвались эти наброски, мнѣ неизвѣстно. Говорятъ, что въ Новомъ Селѣ хранится или вѣрнѣе хранилось (такъ какъ съ кончиною графа это помѣстье опустѣло) много интересныхъ бумагъ. У старшей дочери его граф. Софьи Александровны Голенищевой-Кутузовой сбережены двѣ переплетенныя тетради въ четвертку. Въ одной изъ нихъ встрѣчаемъ мы сперва анекдоты про Екатерину, характеристику ея и Павла I; потомъ мало по малу Записки, если ихъ такъ назвать можно, переходятъ въ автобіографію. Во второй тетради необдѣланные наброски и замѣтки, въ которыхъ прошлое спутано съ настоящимъ и факты интересные внесены среди всякихъ мелкихъ и незанимательныхъ, да къ тому же совершенно новѣйшихъ придворныхъ сплетенъ. Вообще, какъ видно, тетради эти велись въ послѣднее десятилѣтіе жизни графа. Хронологическая нить часто прерывается: то онъ забѣгаетъ впередъ, то снова вспоминаетъ кое-что старое и возвращается назадъ. Графиня Кутузова, цѣня глубокую мою привязанность къ памяти отца ея, довѣрила мнѣ драгоцѣнныя для нея тетради. Онѣ писаны пофранцузски, прекраснымъ и простымъ слогомъ. Читая ихъ, такъ и слышишь голосъ и рѣчь графа Рибопьера. Издавать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они написаны, нѣтъ возможности; со всѣмъ тѣмъ въ Запискахъ этихъ много интереснаго, и жаль было бы оставлять ихъ въ неизвѣстности. Мы начали съ того, что перевели ихъ на Русскій языкъ, строго придерживаясь духу подлинника, ничего не измѣняя, но кое-что выпуская. Потомъ мы возстановили историческій порядокъ, дополняя при этомъ содержаніе первой тетради выписками изъ второй; относительно историческаго интереса все вошло въ составъ настоящей автобіографіи. Сдѣлать это было нетрудно: съ одной стороны я уже и прежде коротко знакомъ былъ съ жизнію графа, къ тому же у меня на подмогу была подъ рукою 50 лѣтняя переписка его съ отцемъ моимъ (1804—1854); съ другой стороны Александръ Ивановичъ писалъ, какъ Французы говорятъ, à bâtons rompus, отдѣльными параграфами, которые легко было переставлять. Но мы ни единаго слова не измѣнили, ни единаго не добавили. Только при сравниваніи Записокъ съ старою моею записною книжкою, оказалось, что у меня, со словъ графа записаны два или три имъ забытыхъ анекдота: я позволилъ себѣ внести ихъ въ текстъ. Занимаясь въ настоящее время второю частью Исторіи семейства Разумовскихъ [2]), которую надѣюсь вскорѣ представить на судъ читателей, я разбиралъ недавно огромный и крайне-интересный архивъ свѣтлѣйшаго князя Андрея Кирилловича Разумовскаго, и между многими письмами,

---

[1]) Изъ приведенной выше записной книжки.

[2]) Первая часть помѣщена въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ", книга 2-я.

которыя составятъ приложеніе къ труду моему, нашелъ два письма отъ графа А. И. Рибопьера; они тоже присоединены мною къ его автобіографіи.

*

Касательно происхожденія графа Рибопьера составилась у насъ басня, получившая почти право гражданства. Странная вещь: у насъ мало чѣмъ дорожатъ, все забываютъ, не сохраняютъ преданій, и вдругъ ни съ того ни съ сего пустая сплетня расходится по всей Россіи, и всѣ ей даютъ вѣру. Разсказываютъ, будто отцомъ графа Александра Ивановича былъ Французъ-парикмахеръ, Пьеръ Рибо, очень красивый собою; будто онъ приглянулся фрейлинѣ Бибиковой, что будто когда о томъ догадалась мать ея, вдова знаменитаго Александра Ильича Бибикова, то оставалось только скорѣе обвѣнчать молодыхъ любовниковъ, перемѣнившихъ, при совершеніи брака, плебейскую фамилію Ribeau на болѣе звучную Ribeaupierre: стоило только перемѣстить буквы!

Все это пошлая выдумка. Отца Александра Ивановича звали *Иваномъ*, а не Петромъ, писался онъ не Ribeaupierre, а Ribaupierre, былъ не Французъ, а Швейцарецъ, и на родинѣ оставилъ многочисленныхъ родственниковъ, которые занимали почетное положеніе и потомки которыхъ существуютъ и теперь [3]). Наконецъ, младшая вѣтвь Рибопьеровъ понынѣ процвѣтаетъ въ Швейцаріи и вполнѣ признаётъ родство свое съ Русскими однофамильцами [4]).

---

[3]) Многіе изъ нихъ мнѣ лично знакомы.

[4]) Семейство Рибопьеровъ принадлежитъ къ древнѣйшему дворянству. Въ Эльзасѣ, между Кольмаромъ и Шельстадтомъ, въ бывшемъ департаментѣ верхняго Рейна, находится хорошенькій и промышленный городокъ Рибовилье (Ribauvillé, понѣмецки Rappoltsweiler). Надъ городомъ, на горахъ, видны развалины трехъ феодальныхъ замковъ: Гирсбергъ, Сантъ-Ульрихъ или Большой Рибопьеръ (Grande Ribaupierre, понѣмецки Gross-Rappoltstein) и Высокій Рибопьеръ (Haute Ribaupierre). Извѣстный ученый Шёпфлинъ говоритъ, что въ XII вѣкѣ ленное владѣніе Рибопьеръ перешло въ руки Швабскаго уроженца Эгельгольфа фонъ-Урселингенъ, который сталъ называться Рибопьеромъ или Раппольтштейномъ. Таково историческое начало рода Рибопьеровъ; но они имъ не довольствовались, и преданіе, существовавшее въ родѣ этомъ во времена его могущества, производило Урселингена отъ древнихъ владѣтелей города Сполеты въ Италіи. Въ Лотарингіи существовалъ древній законъ, въ силу котораго иностранцы не допускались въ число феодальныхъ бароновъ. Но баронскіе роды стали вымирать и, опасаясь усиленія герцогской власти, Лотарингскіе феодалы, подъ именемъ ленныхъ перовъ (pairs fiefés или fiefvés) открыли ряды свои иностранцамъ, могущимъ доказать древность своего дворянства и владѣющимъ уже землями въ Лотарингіи. Таковы стали Бассомпіеры (Bassompierre), Стенвили (Stainville), Сальмы (Salm), Людры (Ludres) и многіе другіе, въ числѣ которыхъ и Рибопьеры. Имена послѣднихъ часто встрѣчаются въ исторіи. Рибопьеры владѣли землями въ Лотарингіи и породнились съ ландграфами Эльзаскими и съ герцогами Лотарингскими. Лудовикъ XIV упрочилъ все наслѣдіе дома Рибопьеровъ за дочерью графа Іоганна Рибопьера Екатериною Агатою (†1683), бывшей въ замужствѣ за Христіаномъ III, графомъ-палатиномъ Рейнскимъ и Биркенфельдскимъ, изъ Бишвейлерской отрасли Баварскаго дома. Она была прабабкою по прямой линіи перваго Баварскаго короля Максимиліана, внесшаго въ полный королевскій Баварскій титулъ названіе Herr zu Rappolstein (пофранцузски sire de Ribaupierre). Новѣйшія изслѣдованія г. Мома (Les seigneurs de Ribaupierre, famille de la chevalerie Lorraine, en Alsace et en Suisse par M. E. Meaume. Nancy 1873. Extrait des Mémoires de la Société d'Archéologie Lorraine) доказываютъ несомнѣнно, что Швейцарскіе Рибопьеры составляютъ младшую отрасль знаменитой Эльзаской фамиліи. Отрасль эта, оставшаяся вѣрною герцогу Бургундскому Карлу Смѣлому, переселилась вслѣдствіе разныхъ невзгодъ въ Швейцарію и мало помалу прервала всякія сношенія съ своими однофамильцами. Первый Рибопьеръ, о коемъ упоминаютъ Швейцарскіе акты,—Антонъ, въ концѣ XVI вѣка, завѣдывалъ огромными маетностями семейства де Вержи (Vergi), находившагося въ близкомъ родствѣ съ Эльзаскими Рибопьерами. У этого Антона былъ внукъ Тимофей, который жилъ въ Грансонѣ (въ Ваатландѣ) и принялъ

Маркъ-Степанъ Рибопьеръ, дѣдъ графа Александра Ивановича, жилъ недалеко отъ городка Ролля, на берегу Женевскаго озера, въ имѣніи своемъ Ла-Лигіеръ, La Liguière [5]). Онъ былъ очень друженъ съ Вольтеромъ, который собирался переѣхать на житье къ Рибопьерамъ; часть Вольтеровой библіотеки была даже перевезена въ Ла-Лигьеръ и размѣщена въ одномъ изъ павильоновъ этого помѣстья, который съ этихъ поръ сталъ называться Вольтеровымъ павильономъ.

У Марка Степана Рибопьера были двѣ дочери и три сына. Одна изъ дочерей вышла за Швейцарца де Ровереа (de Rovereat); она была замѣчательнаго ума и славилась любезностью. Другая была женою Женевскаго патриція Де-Сожи (de Saugy), изъ очень извѣстной въ Швейцаріи фамиліи, и сынъ ея Юлій Де-Сожи служилъ въ Россіи въ лейбъ-уланахъ. Старшіе сыновья Марка-Степана поступили на Испанскую службу и поселились въ Кадиксѣ [6]). Почти всѣ предки графа Рибопьера были военные и, по обычаю Швейцарскаго дворянства, служили кто во Франціи, кто въ Голландіи, кто въ Италіи и Испаніи. Младшій сынъ того же Марка-Степана, Иванъ Рибопьеръ получилъ отличное образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ, гдѣ онъ сблизился съ двумя молодыми Русскими, отправленными заграницу для образованія. Оба принадлежали къ знатнымъ родамъ нашимъ: то были князь Николай Борисовичъ Юсуповъ и Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Въ то время какъ молодой Рибопьеръ учился въ Тюбингенѣ, отецъ добылъ ему патентъ на чинъ лейтенанта въ Швейцарскій полкъ, который находился на службѣ у Голландскихъ Генеральныхъ Штатовъ и которымъ командовалъ близкій родственникъ Рибопьеровъ баронъ Роль (Rolle). Въ то время всѣ взоры обращены были на Россію; имя Екатерины гремѣло на стогнахъ Европы; но нигдѣ столько про нее не говорили какъ въ Фернеѣ у Вольтера, гдѣ часто бывалъ молодой Рибопьеръ. Слова Вольтера, разсказы Русскихъ товарищей, газетныя извѣстія, все это вскружило голову молодому Швейцарцу: онъ бросилъ свой патентъ и съ письмомъ отъ Вольтера отправился въ Петербургъ. «Я испрашиваю вашихъ милостей подателю письма сего, писалъ Императрицѣ Вольтеръ, и мнѣ кажется, что теперь я отчасти исправляю многочисленные мои промахи, неоднократно рекомендовавъ вашему величеству людей далеко не оправдавшихъ добрые мои о нихъ отзывы» [7]). Императрица милостиво приняла письмо, Рибопьеръ удостоенъ былъ лестнаго пріема, назначенъ офицеромъ, а вслѣдъ за

Швейцарское гражданство. У Тимофея были сыновья Авраамъ и Іоганнъ-Францискъ. Отъ втораго пошли Рибопьеры, живущіе понынѣ въ Швейцаріи. Швейцарскіе Рибопьеры сохранили правильное правописаніе своего имени (Ribaupierre, а не Ribeaupierre), и гербъ ихъ совершенно почти сходенъ съ гербомъ Эльзаскихъ Рибопьеровъ. У Авраама Рибопьера былъ сынъ Яковъ-Францискъ, поселившійся въ 1689 г. въ Роллѣ (Rolle), гдѣ онъ былъ совѣтникомъ и секретаремъ городскаго управленія, внукъ Даніилъ, куріальный совѣтникъ и правнукъ Маркъ-Степанъ, родившійся въ 1723 году.

[5]) Помѣстье это досталось по наслѣдству графу Александру Ивановичу. Во время его малолѣтства и въ самый разгаръ Французской революціи, имѣніе было продано опекунами за безцѣнокъ. Много лѣтъ спустя, графъ Рибопьеръ посѣтилъ его. Великолѣпные дубы украшали старинный садъ; домъ, въ которомъ жилъ дѣдъ Александра Ивановича, былъ обращенъ въ службы, а Вольтеровъ павильонъ сталъ господскимъ домомъ, château (изъ записной книжки графа Рибопьера).

[6]) Они, сколько намъ извѣстно, тамъ и умерли, не оставивъ потомства.

[7]) Изъ записной книжки графа Рибопьера.

тѣмъ взятъ въ адъютанты къ князю Потемкину, что открывало ему блестящую карьеру. У бывшихъ своихъ товарищей по университету, Юсупова и Апраксина, Рибопьеръ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Тогда же онъ сблизился съ семействомъ покойнаго А. И. Бибикова.

Екатерина осыпала эго семейство своими щедротами. Вдова Бибикова, Анастасья Семеновна, получила 2500 душъ въ Бѣлоруссіи; старшій сынъ Павелъ произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государынѣ; второй сынъ, десятилѣтній Александръ, пожалованъ офицеромъ въ гвардію, а дочь Аграфена Александровна во фрейлины. Въ то время комплектъ фрейлинъ состоялъ изъ двѣнадцати дѣвицъ, и то почти всегда были ваканціи. Фрейлины должны были жить во дворцѣ и поочередно дежурить при Императрицѣ. Анастасья Семеновна, убитая горемъ по кончинѣ супруга, объявила Государынѣ, что хотя крайне благодарна за всѣ ея милости и почитаетъ пожалованіе дочери величайшею честью для всего своего рода, однако никакъ не можетъ рѣшиться на разлуку съ нею. Екатерина дозволила новопожалованной фрейлинѣ жить при матери. Это былъ первый примѣръ такого рода. Молодая Бибикова являлась на дежурство во дворецъ съ такою аккуратностью, что даже во время страшнаго наводненія 1777 года, затопившаго почти весь Петербургъ, не смотря на погоду и опасность, отправилась въ лодкѣ во дворецъ. И на умъ не приходило въ то время, говорилъ графъ Рибопьеръ, разсказывая эти подробности, «извиниться отъ дежурства». На придворныхъ балахъ Бибикова увидала красиваго и статнаго адъютанта Потемкина, котораго въ Россіи стали величать Иваномъ Степановичемъ. Онъ ей приглянулся, и они сочетались бракомъ. Несомнѣнно, что бракъ этотъ всей роднѣ, а особенно старухѣ Бибиковой (урожд. княжнѣ Козловской) не очень пришелся по сердцу. Родниться съ чужеземцами не очень въ то время любили, и недовольство это вѣроятно породило въ городѣ тѣ нелѣпые толки, о которыхъ упомянуто выше.

Между тѣмъ служба И. С. Рибопьера шла очень успѣшно. Всемогущій князь Тавриды благоволилъ къ своему адъютанту. Его приглашали ко двору, всюду радушно принимали, всячески ласкали. Рибопьеръ особенно сблизился съ товарищемъ своимъ, красавцемъ-гвардейцемъ, А. М. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, тоже адъютантомъ князя Потемкина. Между ними завязалась тѣсная дружба, и Рибопьеръ вскорѣ пріобрѣлъ большое вліяніе на Мамонова. Когда послѣ Ермолова фаворитомъ сдѣлался Мамоновъ, близкія отношенія сего послѣдняго къ товарищу по адъютантству не измѣнились. «Рибопьеръ», доносилъ В. С. Попову Петербургскій соглядатай Потемкина Гарновскій, «находится въ прежнемъ положеніи и просиживаетъ у его превосходительства (Мамонова) часто до 3-хъ часовъ ночи» [8]). Какъ видно, и Потемкинъ, и всѣ сторонники его вполнѣ полагались на Ивана Степановича и считали его пребываніе въ Петербургѣ для себя необходимымъ. Въ то время онъ уже былъ бригадиромъ. Мамоновъ желалъ, чтобы Рибопьеръ переведенъ былъ въ Казанскій кирасирскій полкъ, опасаясь, какъ-бы онъ не уѣхалъ на войну. Онъ просилъ Потемкина донести о томъ Государынѣ и объяснялъ, «что по иностранству его къ нашей службѣ непривыкшему», приличнѣе ему быть въ полку, находящемуся внутри Россіи, чѣмъ въ такомъ, который находится въ походѣ. «Признаться вамъ»,

---

8) Русская Старина XV, 242.

говорилъ Мамоновъ С. А. Львову, «что почти жить не могу безъ Ивана Степановича; да и для князя, можетъ быть, лучше бы было, еслибъ Иванъ Степановичъ былъ здѣсь. Я ни съ кѣмъ не могу такъ откровенно говорить какъ съ нимъ». «Подъ какимъ бы то ни было предлогомъ», добавляетъ уже отъ себя Гарновскій, «непремѣнно нужно Ивану Степановичу быть здѣсь».

Сторонники князя Потемкина опасались вліянія враговъ его на Мамонова; болѣе всѣхъ боялись они Завадовскаго, Безбородки и А. Р. Воронцова.

Рибопьеръ, съ тѣхъ поръ какъ начался случай Мамонова, принятъ былъ и въ число приближенныхъ къ Государынѣ. Онъ часто бывалъ на эрмитажныхъ собраніяхъ; попасть туда было въ то время завѣтною мечтою каждаго придворнаго, но не многіе удостоивались подобной чести. Государыня любила бесѣдовать съ умнымъ и образованнымъ Швейцарцемъ. Когда Екатерина стала думать о воспитателѣ для своего внука, Рибопьеръ рекомендовалъ ей друга своей молодости, Лагарпа [9].—Отъ брака съ Аграфеною Александровною Бибиковою родились у Ивана Степановича три дочери: Анастасія, Елисавета и Екатерина и сынъ Александръ. Онъ родился 20 Апрѣля 1781 года; воспреемникомъ его былъ малолѣтній тогда великій князь Александръ Павловичъ. Ребенокъ былъ необыкновенно красивъ; всѣ его любили и ласкали. Рибопьеръ часто водилъ съ собою къ Мамонову своего малолѣтняго сына.

Но уступимъ мѣсто разсказу самого графа Александра Ивановича.

*

Изъ всѣхъ любимцевъ Екатерины, исключая кн. Потемкина, графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ самымъ замѣчательнымъ по уму, воспитанію и по отмѣнной щеголеватости манеръ. Одинъ онъ изъ всѣхъ любимцевъ добровольно покинулъ положеніе свое при дворѣ. Частью отъ скуки, частью по любовной вспышкѣ, онъ женился на княжнѣ Щербатовой и удалился отъ двора [10].

Княжна Дарья Өедоровна Щербатова была фрейлиною. Фрейлины въ то время жили во дворцѣ и никуда не выѣзжали безъ особеннаго разрѣшенія, и то только, чтобы навѣстить самыхъ близкихъ родныхъ. Бабушка Анастасья Семеновна Бибикова приходилась какъ-то теткою княжнѣ Щербатовой, которая почти ежедневно насъ посѣщала. Графъ Мамоновъ былъ искреннимъ другомъ отца моего. Дружба ихъ началась въ то время, когда они были вмѣстѣ адъютантами у князя

---

[9]) Изъ записной книжки графа Рибопьера.

[10]) Г-жа Бирхпфейферъ, сочинительница довольно удачныхъ Нѣмецкихъ комедій, воспользовалась этимъ сюжетомъ; но, не имѣя никакихъ вѣрныхъ историческихъ данныхъ и вовсе незнакомая съ дворомъ Екатерины, она попала въ просакъ, и піеса ея, названная die Günstlinge, была пошла до неприличія. Я былъ въ то время посланникомъ въ Берлинѣ и протестовалъ противъ повторенія этой піесы, на представленіи которой храбро присутствовали Прусскія принцессы, правнучки той великой Монархини, которую сочинительница піесы поднимала на смѣхъ. Мнѣ удалось добиться ея запрещенія, и при мнѣ ея уже не давали, къ крайнему отчаянію г-жъ Крейлингеръ и Гагенъ, извѣстныхъ въ то время Берлинскихъ актрисъ, воображавшихъ, что одна несравненно представляла Екатерину, а другая княжну Щербатову. Въ сущности же онѣ играли такъ, что ихъ бы слѣдовало прогнать со сцены. *Замѣчаніе графа Рибопьера.*

Потемкина. Мамоновъ часто бывалъ у насъ и встрѣчался съ княжною. Они полюбили другъ друга и объяснились, но такъ, что никто въ домѣ этого не подозрѣвалъ. Однако, ничто не ускользаетъ отъ придворныхъ взоровъ, и скоро стали добиваться причины частыхъ къ намъ поѣздокъ Мамонова. Причину эту вскорѣ открыли, и немедленно о томъ донесено было Государынѣ. Она долго не вѣрила. Прекрасной душѣ ея противна была клевета. Враговъ Мамонова однако это не остановило и, благодаря частымъ повтореніямъ, имъ удалось вселить безпокойство въ довѣрчивое сердце Екатерины. Она рѣшилась сама убѣдиться въ вѣрности доноса. Призвавъ къ себѣ Мамонова и приступая немедля къ дѣлу, она сказала ему: «Я старѣю, другъ мой; будущность твоя крайне меня безпокоитъ. Хотя великій князь къ тебѣ благосклоненъ [11]), однако я крайне опасаюсь, чтобы завистники (а у кого ихъ нѣтъ при дворѣ?) не имѣли вліянія на перемѣнчивый его нравъ. Отецъ твой богатъ, я тебя тоже обогатила; но послѣ меня, что будетъ съ тобою, если я заранѣе не подумаю о судьбѣ твоей? Ты знаешь, что покойная графиня Брюсъ [12]) была лучшимъ другомъ моей юности. Умирая она мнѣ поручила свою единственную дочь. Ей теперь 16 лѣтъ, и я имѣю право располагать ея будущностію. Женись на ней, ты изъ нея образуешь себѣ жену по вкусу и будешь однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. Женившись ты здѣсь поселишься, за тобою останутся всѣ занимаемыя тобою должности; ты будешь мнѣ помогать по прежнему свѣдѣніями и умомъ, которыя, какъ самъ знаешь, я высоко цѣню. Отвѣчай мнѣ откровенно. Твое счастіе—мое счастіе». Мамоновъ слушалъ, ничего не отвѣчая. Онъ не подозрѣвалъ, что нѣжныя слова эти были ловушкою и, увлекаемый страстью, которую онъ питалъ или вѣрнѣе которую ему казалось, что онъ питалъ къ княжнѣ Щербатовой, бросился къ ногамъ Государыни и воскликнулъ съ увлеченіемъ: «Такъ какъ Ваше Величество желаете моего счастья и рѣшаетесь женить меня и удалить отъ себя, то дозвольте мнѣ жениться на той, которую люблю». Нѣжная и страстная, но въ тоже время всегда владѣвшая собою, Екатерина промолвила только: «И такъ это правда?» Мамоновъ понялъ, что себя предалъ, что окончательно упалъ въ глазахъ Государыни и что не можетъ болѣе при ней оставаться и долженъ покинуть дворецъ. Быть можетъ, онъ почувствовалъ уже тогда раскаяніе [13]). Смущенный, уничтоженный, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Вскорѣ

---

[11]) Мамоновъ былъ единственный изъ любимцевъ Екатерины, который съумѣлъ тактомъ своимъ снискать благоволеніе Павла Петровича. *Замѣчаніе графа Рибопьера.*

[12]) Графиня Прасковья Александровна Брюсъ (р. 1729 † 1786), сестра Задунайскаго, супруга генералъ-аншефа Якова Александровича Брюса (р. 1732 † 1791). Дочь ихъ Екатерина Яковлевна (р. 1776, значитъ ей было всего 12 лѣтъ, а не 16, во время удаленія Мамонова отъ двора) была потомъ за графомъ Василіемъ Валентиновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, который присоединилъ ея фамилію къ своему имени.

[13]) Екатерина сама передавала Храповицкому это объясненіе съ Мамоновымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Онъ пришелъ въ Понедѣльникъ (18 Іюня 1789), сталъ жаловаться на холодность мою и начиналъ браниться. Я отвѣчала, что самъ онъ знаетъ, каково мнѣ съ Сентября мѣсяца и сколько я терпѣла. Просилъ совѣта что дѣлать. «Совѣтовъ моихъ давно не слушаешь, а какъ отойти, подумаю. Потомъ послала къ нему записку pour une retraite

послѣ жестокаго этого признанія, Государыня призвала княжну Щербатову и сказала ей: «Я васъ взяла къ себѣ по смерти вашихъ родителей [14]). Я старалась всячески замѣнить ихъ. Кромѣ благосклонности вы отъ меня ничего не видали; теперь исполняю окончательно долгъ свой. Я знаю, что вы любите графа Мамонова; онъ сейчасъ признался мнѣ въ своей любви къ вамъ. Я рѣшила вашу свадьбу и дамъ приказаніе для безотлагательнаго совершенія оной». И въ самомъ дѣлѣ, по приказанію Государыни, купленъ былъ великолѣпный домъ въ Москвѣ, который заново отдѣлали и снабдили всѣмъ необходимымъ для комфорта, даже провизіею. Свадьбу отпраздновали въ придворной церкви Царскосельскаго дворца, въ присутствіи Государыни, при чемъ строго наблюденъ былъ придворный этикетъ, и Императрица по обыкновенію собственноручно убрала голову невѣсты [15]). Хотя я тогда былъ еще совершеннымъ ребенкомъ, однако присутствовалъ при этой свадьбѣ вмѣстѣ съ матушкою и бабушкою, единственными родственницами княжны; кромѣ насъ не было другихъ приглашенныхъ. На другой день молодые уѣхали въ Москву. Медовый ихъ мѣсяцъ недолго продолжался. Скука, одиночество, раскаяніе отравили жизнь ихъ. Екатерина была отомщена. Гнѣвъ и досада должны были однако на комъ нибудь излиться. Коль скоро къ ней явился ея камердинеръ Зотовъ, она разразилась упреками и жалобами. «Я знаю, сказала она, кто предатели: Рибопьеръ и жена его устроили эту свадьбу. Они безсовѣстно надо мною подшутили». Зотовъ замѣтилъ, что этимъ бракомъ отецъ мой не только ничего не выигрывалъ, но напротивъ рисковалъ навсегда потерять благоволеніе Государыни, которое пріобрѣлъ единственно черезъ дружбу свою съ Мамоновымъ и что навѣрное онъ не захотѣлъ бы жертвовать милостями Ея Величества изъ-за удовольствія выдать замужъ одну изъ многочисленныхъ родственницъ своей жены.— «Ты правъ», отвѣчала Государыня: «горе мое меня ослѣпило. Отъ чего нѣтъ постоянно при царяхъ честнаго человѣка подобнаго тебѣ, мой милый Зотовъ, чтобы останавливать первые порывы гнѣва!. Я знаю Рибопьера: подобный поступокъ не со-

---

brillante: il m'est venue l'idée du mariage avec la fille du comte de Bruce. Анна Никитична (Нарышкина) здѣсь. Брюсъ будетъ дежурный. Я дозволила ему привезти дочь. Ей 13 лѣтъ, mais elle est déjà formée: je sais cela. Вдругъ отвѣчаетъ дрожащей рукою, что онъ съ годъ какъ влюбленъ въ Щ. и полгода какъ далъ слово жениться. Jugez du moment! Послала за Анной Никитичной. Онъ пришелъ. Дозволила, досадуя, за чѣмъ ранѣе не рѣшился. Il m'aurait épargné bien des désagréments. Но Анна Никитична его разругала. Онъ заведенъ. Права ли я?» (Дневникъ Храповицкаго, изданіе 1874 года, стр. 293).

[14]) Родители ея умерли въ Москвѣ отъ чумы (*замѣчаніе гр. Рибопьера*). Это не совсѣмъ вѣрно. Княжна въ дѣтствѣ лишилась матери, родомъ княжны Бековичъ-Черкасской; но отецъ ея, князь Θеодоръ Θеодоровичъ, женился вторично на княжнѣ Аннѣ Григорьевнѣ Мещерской, имѣлъ отъ нея дѣтей и умеръ гораздо позднѣе чумы.

[15]) Екатерина, въ самый день признанія Мамонова, 18 Іюня 1789, саморучно обручила его съ кн. Щербатовой пребогатымъ перстнемъ; но свадьба ихъ, по причинѣ поста, отложена была до слѣдующаго 1-го Іюля (Дневн. Храповицкаго). Преданіе увѣряетъ, что, убирая невѣсту брилліантами и пришпиливая головной нарядъ, Государыня уколола ее.

гласенъ съ прямымъ его характеромъ» [16]). Захаръ Константиновичъ Зотовъ, родомъ Грекъ, помѣщенъ былъ при Государынѣ княземъ Потемкинымъ. Зотовъ вскорѣ сдѣлался довѣреннымъ ея человѣкомъ. Другимъ довѣреннымъ камердинеромъ Государыни былъ Иванъ Михайловичъ Тюльпинъ. Они поочередно дежурили при Императрицѣ. Онъ мнѣ самъ передавалъ вышесказанное, равно какъ и многое другое, въ продолженіи долгаго съ нимъ разговора, уже въ царствованіе Александра Павловича. Онъ восхищался въ покойной Государынѣ сердечною добротою и быстротою соображенія (promptitude du jugement).

Екатерина не перемѣнилась послѣ свадьбы Мамонова ни ко мнѣ, продолжавшему ежедневно бывать у нея, ни къ моему отцу, который по прежнему остался въ числѣ приближенныхъ особъ. Положеніе это онъ сохранилъ до отъѣзда своего въ армію, въ слѣдующемъ году. Назадъ онъ уже не возвращался, ибо былъ убитъ на штурмѣ Измаила. Дружба отца съ Мамоновымъ открыла ему внутренніе покои дворца; онъ проводилъ тамъ всѣ вечера и такимъ образомъ ежедневно находился въ томъ отборномъ кружкѣ, который собирала вокругъ себя Государыня. Обычная сдержанность отца подала поводъ Государынѣ дать ему прозваніе: dieu du silence. Она охотно давала прозвища всѣмъ лицамъ, составлявшимъ ежедневное ея общество: такъ дядю моего Бибикова, который былъ малъ ростомъ, она прозвала grand d'Espagne. Въ прозвищахъ этихъ никогда не было ничего обиднаго: они были только выраженіемъ веселости всегда благосклонной.

Государыня много про меня слышала и пожелала меня видѣть. Меня къ ней привели обманомъ. Мнѣ было всего четыре года, и я страшно ея боялся. Мамоновъ, постоянно меня ласкавшій, не разъ предлагалъ свести меня къ Государынѣ. Я этого страхъ боялся. Не знаю почему, мнѣ представлялось, что какъ только меня приведутъ къ Государынѣ, она сейчасъ же велитъ мнѣ отрубить голову. Мамоновъ рѣшился употребить хитрость; онъ подозвалъ Зотова и сказалъ ему: «Сведи его туда и скажи: вотъ вамъ игрушка отъ меня». Я сейчасъ же догадался, въ чемъ дѣло и когда Зотовъ понесъ меня по витой внутренней лѣстницѣ, соединявшей комнаты Мамонова съ покоями Императрицы, то я сталъ дѣлать ему страшныя гримасы въ надеждѣ его напугать и вырваться изъ рукъ его. Меня внесли въ уборную Государыни; она сидѣла въ большомъ бѣломъ пенуарѣ, передъ зеркаломъ. Увидавъ меня, она подозвала меня, но я ни за что не захотѣлъ подойти. Государыня встала и засыпала меня ласками [17]). Она вскорѣ такъ ко мнѣ привыкла, что безпрестанно за мною посылала. Я былъ у нея совершенно какъ дома, потому что полюбилъ

---

[16]) Судя по современнымъ указаніямъ, Екатерина не такъ скоро простила Ивану Степановичу и даже имѣла съ нимъ личное объясненіе. Она завела съ нимъ рѣчь о долгахъ новой графини Мамоновой. «Рибопьеръ про то зналъ», говорила она Храповицкому «и, бывъ позванъ ко мнѣ, сдѣлался блѣденъ какъ платокъ. Князь (Потемкинъ) мнѣ прежде говорилъ, чтобъ его спросить, но я не хотѣла» (Дневн. Храповицкаго, стр. 297).—«Рибопьеръ обо всемъ зналъ, писала Екатерина къ князю Потемкину, «онъ и братъ его жены (Александръ Александровичъ) совѣтовали. Говорилъ ли онъ или нѣтъ о семъ чистосердечно, не вѣдаю; но помню, что ты мнѣ единожды говорилъ, что Рибопьеръ тебѣ сказалъ, что другъ его достоинъ быть выгнанъ отъ меня, чему я дивилась» (Русскій Архивъ 1864, 594).

[17]) Разсказъ мною записанный.

ее всею душею. Она тоже ко мнѣ привязалась, игрывала со мною, вырѣзывала для меня изъ бумаги разныя фигуры. Такъ, помню, что разъ она мнѣ вырѣзала сани съ лошадьми и кучеромъ; подъ рукою у нея не было веревочки для возжей, и она оторвала тесемку отъ своего воротника. Я долго хранилъ вырѣзку эту какъ святыню. Государыня дарила мнѣ богатыя игрушки, между прочимъ помню охоту за оленями. Это была механическая игрушка; когда ее заводили, то олень бѣгалъ, собаки лаяли и гнались за нимъ, егеря скакали на лошадяхъ, а одинъ трубилъ въ рогъ. Помню также великолѣпную качающуюся большую лошадь; сѣдло и сбруя были малиновыя, бархатныя, шитыя золотомъ [18]). Государыня по долгу со мною разговаривала; никто лучше ея не умѣлъ заняться ребенкомъ. Приходилъ ли кто съ докладомъ, она меня отправляла играть къ великимъ княжнамъ, а потомъ опять за мною посылала. Мнѣ пошелъ пятый годъ, когда она меня пожаловала офицеромъ въ конную гвардію, чтó мнѣ по арміи давало чинъ ротмистра. Эту милость осуждали, хотя во все славное ея царствованіе только десять мальчиковъ ею воспользовались. Какое зло могло произойти отъ того, что нѣсколько молодыхъ людей хорошихъ фамилій надѣвали мундиръ и вступали на службу офицерами, вмѣсто того, чтобы быть записанными въ спискахъ полка унтеръ-офицерами, какъ это обыкновенно дѣлалось до тѣхъ поръ, пока ихъ не производили въ корнеты или прапорщики? Къ тому же время сглаживало это преимущество, и если мы кого и перегнали въ началѣ, то были другіе, въ свою очередь насъ обогнавшіе по службѣ. Назову тѣхъ, кто былъ въ дѣтствѣ произведенъ въ офицеры; никто изъ нихъ никому этимъ не повредилъ. Двоюродные братья мои Голицыны и Браницкій—всѣ четверо внуки князя Потемкина, сынъ фельдмаршала графа Салтыкова, два сына фельдмаршала князя Салтыкова, графъ Шуваловъ (тотъ, который сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу), графъ Валентинъ Эстергази. Государыня не только меня любила и забавлялась моими наивными отвѣтами, но даже слѣдила съ материнскимъ попеченіемъ за моимъ воспитаніемъ. Мнѣ минуло 9 лѣтъ; стали думать о гувернерѣ. Выборъ матушки остановился на нѣкоемъ Лёбо, старомъ Французѣ, котораго ей очень рекомендовали. Императрица объ этомъ узнала и черезъ дядю Бибикова велѣла сказать матушкѣ, что она не одобряетъ выбора Француза. Это было въ полный разгаръ революціи. Матушка поспѣшила отвѣчать, что Лёбо уже давно живетъ въ Россіи, что онъ только что окончилъ съ успѣхомъ чье-то воспитаніе и что онъ вовсе не раздѣляетъ убѣжденій революціонеровъ. «Все это прекрасно», отвѣчала Государыня, «но я не хочу, чтобы Саша (такъ она меня всегда называла) былъ воспитанъ Французомъ. Пускай Аграфена Александровна обратится къ другу покойнаго ея мужа Лагарпу: онъ ей выпишетъ хорошаго Швейцарца, которому она можетъ вполнѣ безопасно поручить сына своего». Лагарпа изъ Швейцаріи, по желанію Екатерины, выписалъ отецъ мой, и онъ навсегда остался намъ преданъ.

Какъ-то осенью, возвращаясь изъ деревни въ каретѣ, я растравилъ себѣ високъ. Государыня была очень гадлива, и матушка не рѣшалась посылать меня во дворецъ съ болячкою на лбу. Императрица настоятельно того потребовала, и меня отправили, перевязавъ

[18]) Записано со словъ графа А. И. Рибопьера.

голову розовою лентою. Увидавъ перевязку и узнавъ въ чемъ дѣло, Государыня посовѣтовала мнѣ потереть лобъ Французскою водкою (eau de vie de France). Въ то время одеколонъ не былъ еще изобрѣтенъ; вмѣсто его употребляли Французскую водку и eau de la reine de Hongrie (воду Венгерской королевы). Пріѣхавъ домой, я передалъ матушкѣ совѣтъ Государыни; мнѣ потерли лобъ, который до того этимъ растравили, что я долгое время былъ боленъ [19]).

Однажды, передъ отъѣздомъ въ деревню, я отправленъ былъ проститься съ Государынею; она мнѣ приказала писать ей. Мнѣ было тогда лѣтъ 10 или 11. Легко вообразить, въ какомъ я былъ затрудненіи, когда пришлось взяться за перо. Матушка однако настаивала на томъ, чтобы я писалъ, отказываясь при этомъ помогать мнѣ. Я много намаралъ бумаги прежде чѣмъ удалось начертить нѣсколько плохихъ фразъ; къ счастію, мнѣ пришла въ голову мысль, которая спасла меня: я написалъ, что я желаю быть достоинъ милостей ко мнѣ Государыни, и что мнѣ бы очень хотѣлось служить ей, но что матушка находитъ, что я еще слишкомъ молодъ. Письмо мое имѣло большой успѣхъ. Государыня соблаговолила собственноручно мнѣ отвѣчать, но приказала Попову списать отвѣтъ этотъ.

Государыня, ничего не дѣлавшая необдуманно, разсудила, что собственноручное письмо будетъ слишкомъ большою честью для мальчишки. Много лѣтъ послѣ, В. С. Поповъ подарилъ мнѣ черновую этого письма; она писана рукою Императрицы и со многими помарками и поправками: до того заботлива была Екатерина касательно всего, что́ отъ нея исходило. Отвѣчая на выраженіе моего сожалѣнія касательно того, что не могу еще служить, Государыня привела стихи Вольтера: Dans les âmes bien nées la valeur n'attend pas le nombre des années! Я нѣжно привязался къ Государынѣ. Чтобы дать понятіе о томъ почтеніи, которое она всѣмъ внушала и которое съумѣла она внушить мнѣ, 8 или 9 лѣтнему мальчишкѣ, приведу слѣдующій случай. «Есть ли у тебя мой портретъ?» спросила она однажды у меня. «Нѣтъ, Государыня», отвѣчалъ я. «А ты еще увѣряешь, что меня любишь», замѣтила Императрица. «Маменька мнѣ не дала», продолжалъ я, и потомъ, подумавъ немного: «въ большой гостиной у насъ есть вашъ портретъ». «Портретъ этотъ принадлежитъ твоей матери, я его знаю, я сама заказывала его для герцога Виртембергскаго [20]); но у тебя портрета нѣтъ». Государыня

---

[19]) Записано со словъ графа А. И. Рибопьера.

[20]) При отъѣздѣ этого принца родители мои купили домъ его *(замѣчаніе гр. Рибопьера)*. Домъ этотъ на Моховой, одинъ изъ немногихъ Петербургскихъ домовъ, сохранившихъ свою старинную архитектуру, еще недавно принадлежалъ г. Мальцеву. Нынѣ онъ купленъ Е. И. В. Принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ. — Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ Фридрихъ Виртембергскій—впослѣдствіи первый король Виртембергскій, подъ именемъ Фридриха I. Онъ сопутствовалъ сестрѣ своей В. Княгинѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ въ Италію во время путешествія ея и супруга ея по Европѣ и съ ними пріѣхалъ въ Россію, принятъ былъ на службу генералъ-лейтенантомъ и назначенъ генералъ-губернаторомъ Выборгскимъ. Жестокое поведеніе его съ 1-ою женою Августою-Каролиною-Фредерикою-Луизою, родомъ принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбютельскою, возбудило противъ него гнѣвъ Екатерины. Принцесса умоляла о разводѣ и поселилась въ Ревелѣ, гдѣ ей назначенъ былъ придворный штатъ и гдѣ она 16 Сент. 1788 г.

позвонила; вошелъ Зотовъ. «Пойди въ Эрмитажъ и принеси одинъ изъ моихъ портретовъ: я хочу подарить его Сашѣ». Зотовъ вернулся и доложилъ, что онъ нашелъ въ Эрмитажѣ одни только огромные масляные портреты во весь ростъ, которые очень трудно передвигать. «Ну такъ пойди къ Марьѣ Савишнѣ, попроси ее, чтобы она мнѣ одинъ изъ портретовъ моихъ уступила». Зотовъ вскорѣ явился съ портретомъ, писаннымъ во время Крымскаго путешествія, подъ которымъ Сегюръ подписалъ прелестные стихи. Стихи эти для всякаго другаго были бы лестью. Подъ портретомъ же Екатерины они были сущею правдою:—Reconnais vers le Nord и проч. [21]). Я съ восторгомъ принялъ подарокъ и передъ отъѣздомъ осыпалъ руки Государыни поцѣлуями.

трагически скончалась. Герцогу велѣно было выѣхать изъ Россіи. Онъ продалъ Петербургскій домъ свой Рибопьерамъ. Въ 1797 герцогъ вторично женился на принцессѣ Англійской, дочери короля Георга III, въ томъ же году наслѣдовалъ отцу своему, какъ владѣтельный герцогъ, въ 1803 признанъ былъ курфирстомъ, а въ 1806, по милости Наполеона, королемъ. Онъ приходится роднымъ дѣдомъ теперешнему королю.

[21]) Гравюра въ листъ черною манерою. Портретъ грудной. Государыня представлена въ мѣховой шапкѣ съ откиднымъ верхомъ и въ кафтанѣ съ петлицами, съ Андреевскою, Георгіевскою и Владимірскою звѣздами. Внизу съ одной стороны надпись: peint par Schebanoff, а съ другой стороны, gravé par J. Walker и пр. Вотъ стихи графа Сегюра подъ этимъ портретомъ:

Reconnois vers le Nord l'aimant qui nous attire,
Cet heureux conquérant, profond législateur,
Femme aimable, grandhomme et que l'envie admire,
Qui parcourt ses états, y verse le bonheur.
Maître en l'art de régner, savante en l'art d'écrire,
Répandant la lumière, écartant les erreurs.
Si le sort n'aurait pu lui donner un empire,
Elle aurait eu toujours un trône dans nos coeurs.

Самый портретъ писанъ былъ въ Кіевѣ въ 1787 году Шебановымъ, крѣпостнымъ живописцемъ князя Потемкина (см. сочиненіе наше Liste alphabétique de portraits russes, I. 179—180). Стихи Сегюра были переведены Павломъ Ивановичемъ Сумароковымъ:

Чудесну силу здѣсь магнита,
Влекущу къ сѣверной странѣ,
Героя, мужа именита,
Познай въ премудрой сей женѣ.
Даетъ уставы, чиститъ нравы,
Искусна царствовать, писать.
Полна вселенна ея славы,
Велѣла зависти молчать.
Когда бъ судьба опредѣлила
Ей быть безъ скипетра въ рукахъ,
Умомъ бы, кротостью плѣнила,
Свой тронъ воздвигла бы въ сердцахъ.

Стихи эти помѣщены подъ гравюрою знаменитаго нашего гравера Уткина, съ портрета Левицкаго; гравюра находится при книгѣ: Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія, П. Сумарокова (см. тамъ-же, I. 170—171)

На этотъ разъ Государыня меня у себя задержала гораздо долѣе обыкновеннаго. Садясь въ карету, я поставилъ портретъ на заднее мѣсто, а самъ сѣлъ на передкѣ: до того проникнутъ я былъ почтеніемъ къ изображенію возлюбленной Монархини. Матушка очень безпокоилась долгимъ моимъ отсутствіемъ и, поджидая меня, ходила по балкону. Вотъ она видитъ, подъѣзжаетъ карета, но напрасно ищетъ меня глазами на заднемъ мѣстѣ. Она заботливо выбѣгаетъ на лѣстницу, разузнать у лакея, что со мною стало. «Да я здѣсь», отвѣчалъ я на распросы матушки: «зачѣмъ вышли вы меня встрѣчать?» «А ты зачѣмъ не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ?» «Потому что я ѣхалъ не одинъ», отвѣчалъ я, указывая на портретъ Государыни, который несъ за мною лакей. Отвѣтъ, этотъ, довольно удачный для ребенка, понравился матушкѣ; она разсказала его друзьямъ нашимъ, тѣ передали его Государынѣ, которая была имъ очень довольна и сама мнѣ о томъ говорила [22]).

Быть приглашеннымъ въ эрмитажъ считалось въ тѣ времена великою честью. Это было преимущество, которымъ пользовались самые приближенные изъ придворныхъ; но Государыня допускала иногда на эрмитажныя собранія, въ видѣ рѣдкаго исключенія, и постороннихъ. Бывали большіе эрмитажи, средніе эрмитажи и малые эрмитажи. На первыхъ бывалъ обыкновенно балъ съ ужиномъ, и число приглашенныхъ доходило отъ 150 до 200 человѣкъ. Иногда приказывалось экспромптомъ быть маскараду; однородные костюмы для всего общества были всегда наготовѣ, и разомъ наряжались дамы и кавалеры. Я живо помню одно изъ подобныхъ переодѣваній: всѣ вдругъ явились въ костюмахъ Римскихъ жрецовъ. На среднихъ эрмитажахъ бывало не болѣе 50 или 60 приглашенныхъ. Играли въ разныя игры, въ которыхъ принимала иногда участіе сама Государыня, окончивъ партію въ карты. Почти всегда вечеръ начинался театральнымъ представленіемъ, иногда играли любители. Такъ я видѣлъ княгиню Дитрихштейнъ [23]), въ ролѣ Люцинды въ Оракулѣ съ графинею Ростопчиной, въ ролѣ Charmant. Другой разъ представляли Ифигенію въ Авлидѣ: графъ Віельгорскій представлялъ Агамемнона, жена его Клитемнестру, графъ Петръ Шуваловъ Ахилла, Тутолминъ Улисса, Н. И. Мятлева Ифигенію, а княгиня Дитрихштейнъ Эрифилу. Вѣроятно, трудно было хуже сыграть трагедію, но я былъ тогда плохимъ судьею. Ужинали всегда по картамъ съ номерами, которыя раздавалъ гофмаршалъ или камеръ-фурієръ. Съ одного блюда брали номера дамы, а съ другаго кавалеры. Когда всѣ номера были разобраны, ихъ громко выкликали; равные номера выходили и подавали другъ другу руки. Однажды я вынулъ тотъ же номеръ, какъ и великая княжна Марія Павловна и повелъ ее ужинать. За великою княжною при-

---

Покойный графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ дорожилъ, какъ святынею, портретомъ, подареннымъ ему Екатериною. Какъ часто онъ намъ его показывалъ, передавая, какимъ образомъ онъ его получилъ! Портретъ этотъ въ золотой рамкѣ висѣлъ въ его кабинетѣ надъ письменнымъ столомъ.

[22]) Приведемъ здѣсь кстати выдержку изъ Записокъ Храповицкаго (29 Марта 1791): «Похваленъ маленькій Рибопьеръ, который приходилъ благодарить за аренду и хотѣлъ такъ служить, чтобы получить орденъ Св. Георгія».

[23]) Княгиня Александра Андреевна Дитрихштейнъ, родомъ графиня Шувалова (р. 1775 † 1847), въ описываемое время была еще дѣвицею, замужъ вышла въ 1799, одновременно съ великой княжной Александрой Павловной.

сматривала Моно (m-elle Monaud), но за мною никто не наблюдалъ, и я вдоволь наѣлся пироговъ и конфектъ. Когда я возвращался на балъ, мнѣ вдругъ стало тошно. Я присѣлъ въ уголкѣ около стола. Ко мнѣ подбѣжали великіе князья и спросили, что со мною. «Мнѣ тошно», отвѣчалъ я. «Подъ столъ его, подъ столъ», закричалъ Константинъ Павловичъ, хватая меня за плеча; Александръ же Павловичъ съ трудомъ вырвалъ меня изъ рукъ своего брата и велѣлъ подать мнѣ воды. Это характеризуетъ обоихъ братьевъ. На малыхъ эрмитажахъ бывали только самые приближенные. Я помню, что разъ насъ было всего 12 или 13. По неисчерпаемой ко мнѣ милости, Государыня однажды спросила, какую пьесу я хочу, чтобы съиграли вечеромъ. Мнѣ было тогда 7 или 8 лѣтъ. Я не имѣлъ, разумѣется, ни малѣйшаго понятія о Русскомъ репертуарѣ, но слыхалъ о кое-какихъ комедіяхъ, и совершенно случайно сказалъ: «Мельника». Случай помогъ мнѣ: это была опера, сочиненная самою Императрицею. Самъ того не предполагая, я выказался ловкимъ придворнымъ. Въ другой разъ Государыня, приглашая меня на малый эрмитажъ, поручила мнѣ пригласить и матушку. Я исполнилъ порученіе, не сознавая его важности. Матушка не повѣрила такой милости и поручила дядѣ Бибикову, который былъ въ числѣ приближенныхъ Государыни, узнать, въ самомъ ли дѣлѣ она была такъ нежданно приглашена въ тѣсный кругъ Императрицы. Мы поѣхали вмѣстѣ въ назначенный день, а въ слѣдующее Воскресенье она отправилась ко двору благодарить Государыню, какъ то было принято послѣ полученія высочайшей милости. Матушка была однако фрейлиною, а ихъ было тогда всего 12; мужъ ея игралъ большую роль, но знаки милости въ тѣ времена до того высоко цѣнились, что каждый считалъ долгомъ лично выразить свою благодарность. Тогда принято было за всякую награду благодарить не только Государыню, но и Великаго Князя и Великую Княгиню, и благодарило не только лицо получившее награду, но и ближайшіе его родственники.

При Екатеринѣ существовалъ странный придворный обычай: дамы, представляясь Государынѣ, присѣдали (какъ то дѣлается во Франціи и Германіи), а представляясь Наслѣднику, кланялись по Русскому обычаю, нагибая голову и не разгибая колѣнъ.

Я помню, разъ, обѣдъ Андреевскихъ кавалеровъ. Оберъ-гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ, встрѣтя меня въ залѣ, грубо сталъ изъ нея выталкивать. Государыня это увидала и послала за мною князя Александра Николаевича Голицына, бывшаго въ то время дежурнымъ камеръ-пажемъ. Она осыпала меня ласками и наполнила шляпу лакомствами. Это было урокомъ Орлову.

Государыня меня особенно любила за мою откровенность и за мое непринужденное съ нею обхожденіе. Матушка, когда меня провожала ко двору, твердила мнѣ: «ничего не трогай и ничего не проси». Валентинъ Эстергази, котораго князь Зубовъ желалъ видѣть на моемъ мѣстѣ, напротивъ того, говорилъ Государынѣ только то, чему научали его родители. У него недоставало то того, то другаго: полотно рубашекъ его было до того грубо, что драло ему кожу, за обѣдомъ дома у нихъ бывало всего два блюда и т. п. Государыня скоро подмѣтила, что ребенокъ повторялъ только заранѣе выученное. Какъ-то разъ онъ поѣлъ слишкомъ много рѣпы или гороху и ненарокомъ испустилъ вздохъ, который ошибся выходомъ. «Ну», замѣтила Императрица, «наконецъ услыхала я кое-что его собственное».

Ахъ, славное то было время, и какъ глупо старались время это впослѣдствіи унизить (décrier)! Каждый чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Высшее общество далеко было не то, какимъ оно сдѣлалось впослѣдствіи. Всѣ крѣпко держались другъ за друга. Нелегко было въ общество попасть: нужна была для этого особенная милость Государыни, или особенныя личныя качества. Я помню, какого шума надѣлало назначеніе, въ угоду фельдмаршалу Суворову, племянниковъ его, Хвостова и Олешева, въ камеръ-юнкеры. Правда, лицомъ они не взяли и родомъ не были имениты. Теперь еще говорятъ: дворъ, но уже двора нѣтъ или, вѣрнѣе, онъ вовсе перемѣнилъ свой видъ и свое значеніе. Конечно, при молодыхъ и воинственныхъ Монархахъ, онъ не могъ уже оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ при Екатеринѣ II. Но дворъ не только измѣнили, его совершенно исказили.... Въ былыя времена, чтобы принадлежать ко двору, нужно было быть именитаго рода, нужно было быть хорошо воспитану и, наконецъ, имѣть состояніе. Отъ этого число придворныхъ было крайне ограничено. Кромѣ первыхъ и вторыхъ чиновъ, было всего 12 дѣйствительныхъ камергеровъ въ чинѣ генералъ-майоровъ и 12 камеръ-юнкеровъ въ чинѣ бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ. Они постоянно дежурили при Государынѣ и Наслѣдникѣ, составляя ихъ ежедневное общество. Благодаря этому, ихъ хорошо узнавали, оцѣнивали и могли каждаго назначить именно на то, на что онъ былъ годенъ. Это былъ благородный разсадникъ, изъ котораго, по справедливому выбору или же по особой монаршей милости, выходили министры, гражданскіе сановники, военачальники: ибо, чтобы быть въ числѣ придворныхъ (а они-то и составляютъ и должны составлять обыкновенное общество Монарха), никто не покидалъ того поприща, къ которому готовился. Принадлежать ко двору, носить красные каблуки и имѣть свободный доступъ къ Государынѣ считалось выше всего. Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, уже въ чинѣ генералъ-аншефа, былъ крайне польщенъ, получивъ камергерскій ключъ. Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, министръ и Андреевскій кавалеръ, принялъ званіе гофмейстера (а это только второй чинъ двора) какъ величайшую милость. Фрейлинъ было тоже всего 12. Получить шифръ Екатерины было блаженствомъ цѣлой семьи. Сравнишь все это съ тѣмъ, что̀ видишь нынѣ, и по неволѣ скажешь, что двора уже не существуетъ, или что значеніе слова этого вовсе измѣнилось. Что̀ значатъ 324 человѣкъ малоизвѣстныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, пожалованныхъ по представленію министра или же еще губернатора? Что̀ такое 180 фрейлинъ? Спрашивается, что̀ же значитъ *оберъ*, когда онъ подчиненъ другому, равному себѣ по чину, а иногда и младшему? [24])....

---

[24]) Я однажды предложилъ Государю Императору снова возстановить *дѣй-*

Милость Екатерины вела къ успѣхамъ, богатству, чинамъ, однимъ словомъ, къ Фортунѣ. Сколько блестящихъ положеній въ свѣтѣ она создала! Завоеваніями своими она обогатила тѣхъ, кто вѣрно служилъ ей; въ завоеваніяхъ этихъ она черпала средства для награжденія усердія и талантовъ и не могла сдѣлать изъ нихъ болѣе благороднаго употребленія. Новая Россія, отторгнутая у Турокъ, была голою степью; Императрица, раздавъ земли въ этомъ краю, обратила его въ одну изъ самыхъ прекрасныхъ областей Имперіи.

Лицо, облеченное милостью Государыни, выводило изъ ничтожества всю свою родню, которой уже тогда принадлежали по праву и богатства, и мѣста, и знаки отличія, и общее уваженіе. Обожаніе Монархини было до того сильно развито въ то время, что милость ея давала лицамъ, ею облеченнымъ, неоспоримыя права на вниманіе и почетъ общества. Разумѣется, бывали злоупотребленія; но гдѣ же ихъ не бываетъ? Екатерина имѣла рѣдкую способность выбирать людей, и исторія оправдала почти всѣ ея выборы. Бывали и при ней болѣе или менѣе храбрые фрондеры; но тѣмъ не менѣе человѣкъ, облеченный ея милостью, былъ полновластенъ. Кто не жилъ въ это время, не можетъ составить понятія о томъ, каково было положеніе князя Потемкина, или даже князя Зубова. Передъ ними преклонялись не изъ подлости, а по уваженію къ выбору Государыни, по той религіозной привязанности, которую всѣ къ ней ощущали.

Екатерина, столь могущественная, столь любимая, столь восхваленная при жизни, была непростительно поругана по смерти. Дерзкія сочиненія, ядовитые памфлеты распространяли на ея счетъ ложь и клевету... Вскорѣ вошло въ моду позорить ту, которую принцъ Де-Линь такъ мѣтко прозвалъ Екатериной Великимъ. Долгъ каждаго Русскаго, даже каждаго человѣка любящаго правду—не только защитить память ея противъ ругательствъ, на нее направленныхъ, но еще громко воздать хвалу, подобающую ея высокимъ качествамъ. Если даже она не вполнѣ свободна отъ упрековъ, все же, какъ женщина и какъ Монархиня, она вполнѣ достойна удивленія. Славу прекраснаго ея царствованія не могъ затмить ни одинъ изъ новѣйшихъ Монарховъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ только сравнить чѣмъ была Россія въ ту минуту, когда она вступила на престолъ, съ тѣмъ чѣмъ стала она, когда верховная власть пере-

---

ствительныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ съ прежними ихъ правами. Избранные самимъ Государемъ, они дежурили бы ежедневно, составляли бы его общество и снова бы стали разсадникомъ государственныхъ людей, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Государь Николай Павловичъ мысль мою одобрилъ, но ходу ей не было дано *(Замѣчаніе графа Рибопьера)*.

шла въ руки Павла I. Предводительствуя воинственнымъ народомъ, она была побѣдительницею всегда и вездѣ, на морѣ и на сушѣ. Она присоединила къ Имперіи богатѣйшія области на Югѣ и Западѣ. Какъ законодательница, она начертала мудрые и справедливые законы, очистивъ наше древнее уложеніе отъ всего устарѣлаго. Она почитала, охраняла и утверждала права всѣхъ народовъ, подчиненныхъ ея власти. Она смягчала нравы и всюду распространяла просвѣщеніе. Вполнѣ православная, она однако признала первымъ догматомъ полнѣйшую вѣротерпимость: всѣ вѣроисповѣданія были ею чтимы, и законы, по этому случаю изданные ею, до сихъ поръ въ силѣ. Однимъ словомъ, она кротко и спокойно закончила то, что̀ Петръ Великій принужденъ былъ учреждать насильственно. Живописцу Лампи поручено было написать портретъ Екатерины для залы капитула ордена Св. Георгія, не задолго передъ тѣмъ ею учрежденнаго. Онъ представилъ ее въ полномъ придворномъ одѣяніи, а сзади изобразилъ бюстъ Петра Великаго съ краткою надписью: «*Начатое совершаетъ*». Сколько правды и сколько похвалы въ этихъ двухъ словахъ [25])! Красивѣйшія зданія Петербурга ею построены. Эрмитажъ съ богатѣйшими его коллекціями, Академія Художествъ, Банкъ, гранитныя набережныя, гранитная облицовка Петропавловской крѣпости, памятникъ Петру Великому, рѣшетка Лѣтняго Сада и пр.,—все это дѣла рукъ ея. Если судить о Екатеринѣ какъ о женщинѣ, то и тутъ надо признаться, что ни одна женщина не соединяла въ себѣ столько превосходныхъ качествъ. Возвышенный умъ, чувствительное и сострадательное сердце, мужественная твердость характера, увлекательная прелесть, тихій и ровный нравъ, благородство, изящное обращеніе, внушающая и въ тоже время чарующая наружность. Меня не ослѣпляютъ ни мое къ ней уваженіе, ни глубокое чувство признательности, и не только я не отвергаю огуломъ все то, въ чемъ ее упрекаютъ, но даже въ иныхъ случаяхъ и самъ нахожу, что она была неправа.

...Что касается до окончательнаго раздѣла Польши, Екатерина въ немъ гораздо менѣе виновна, чѣмъ Пруссія и Австрія, которыя не имѣли ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ, тогда какъ Императрица, не упоминая уже о старинныхъ спорахъ между Польшею и Россіею, должна была требовать удовлетворенія за Варшавскія убійства. Ссылаюсь на безпристрастное мнѣніе графа Алексѣя де Сенъ-При [26]), ко-

---

[25]) Портретъ этотъ находится теперь въ танцовальной залѣ Эрмитажа. Его гравировали Валькеръ и Сиденье.

[26]) Графъ Алексѣй де Сенъ-При (Alexis Guignard c-te de Saint-Priest), членъ Французской Академіи, Французскій дипломатъ и авторъ. Дѣдъ его былъ министромъ при Лудовикѣ XVI, а потомъ посланникомъ Лудовика XVIII въ Петербургѣ. Отецъ его графъ Арманъ де Сенъ-При (порусски Карлъ Францовичъ)

торый въ блестящемъ сочиненіи своемъ подтвердилъ все мною сказанное съ такою ясностью, что сомнѣнія уже быть не можетъ.... Покинутая мужемъ, подвергаемая кровнымъ обидамъ, Екатерина знала, что ее ожидаетъ заключеніе въ монастырѣ, куда хотѣлъ удалить ее Петръ III, дабы жениться на графинѣ Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой. Екатерина не захотѣла сдаться безъ боя и возстала противъ деспотической воли человѣка, заслужившаго ненависть Русскихъ за презрѣніе свое къ Россіи и приверженность ко всему Нѣмецкому. Екатерина согласилась стать во главѣ недовольныхъ, но она не ожидала развязки этой драмы... Смерть Петра Третьяго ее глубоко опечалила, но дѣло шло не о слезахъ и сожалѣніи. Надо было съ первой же минуты взять въ руки бразды правленія и доказать, что она въ состояніи снести все его бремя. Она это сдѣлала съ рѣдкою энергіею и умѣньемъ. Ее упрекаютъ и въ томъ, что она лишила сына престола и всю жизнь содержала въ опекѣ. Но Павлу не было и 7-ми лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Регентство повлекло бы за собою смуты, которыхъ слѣдовало всячески избѣгнуть. Екатерина мудро поступила, принявъ вѣнецъ, который ей предлагали, и вся Россія заликовала, узнавъ объ этомъ. Сѣвъ на престолъ, она уже не могла его покинуть. Быть можетъ, ей слѣдовало отречься отъ престола при совершеннолѣтіи сына; но кто изъ Русскихъ посмѣетъ ее въ этомъ упрекнуть? Краткое царствованіе Павла слишкомъ оправдало опасенія Екатерины въ этомъ отношеніи. Любимою мечтою ея было передать верховную власть внуку своему Александру Павловичу, воспитаніемъ котораго она сама занималась. Государственная польза, которая всегда руководила всѣми дѣйствіями Екатерины, на этотъ разъ не вполнѣ ее оправдываетъ...

Хотя любимцевъ Екатерины зналъ всякій, однако ничего въ обращеніи ея съ ними не могло оскорбить общественное мнѣніе. Она себя держала, даже во внутреннихъ покояхъ, необыкновенно прилично и достойно. Никто въ присутствіи ея не осмѣливался сдѣлать какой нибудь намекъ или сказать двусмысленное слово. Тѣмъ менѣе была она на это способна сама. Дворъ ея былъ не только величавъ и великолѣпенъ, онъ былъ еще образцомъ хорошаго вкуса и самаго изысканнаго тона. Всякій старался угодить ей по мѣрѣ силъ своихъ. Угодливость эту она вполнѣ заслуживала, ибо постоянно была занята тѣмъ, какъ бы угодить другимъ. Это было безпрестанное изліяніе съ ея стороны царскаго величія, не терявшаго никогда своего достоинства и безпредѣльной благости, а со стороны подданныхъ такой же безпредѣльной любви. Къ многочисленнымъ качествамъ Екатерины надо присоеди-

---

былъ д. с. с. и гражданскимъ губернаторомъ Одессы, женатъ былъ на княжнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ Голицыной. Графъ Алексѣй де Сенъ-При воспитывался въ Одессѣ и умеръ отъ холеры въ Москвѣ въ 1851 году.

нить рѣдкій, и едва ли не самый полезный для подданныхъ, въ государствѣ самодержавномъ, талантъ избирать и находить достойныхъ сотрудниковъ. Никакое царствованіе не представляло такъ много замѣчательныхъ людей по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности. Перечесть всѣхъ нѣтъ возможности.

Изъ любимцевъ Екатерины я знавалъ пятерыхъ.

Полу-образованный и полу-дикій геній, Потемкинъ наполнилъ міръ своею славою... Онъ былъ президентомъ Военной Коллегіи, что нынѣ военный министръ, былъ фельдмаршалъ, былъ самымъ вліятельнымъ членомъ *тайнаго* совѣта, велъ переговоры съ иностранными министрами, которые всѣ безъ исключенія за нимъ ухаживали; былъ генералъ-адъютантомъ, адмираломъ, камергеромъ, кавалеромъ всѣхъ Русскихъ орденовъ и пр. Онъ постоянно останавливался во дворцѣ, входилъ безъ доклада къ Государынѣ... Онъ командовалъ всѣмъ, и никто не смѣлъ ему прекословить. Онъ выбиралъ любимцевъ, поддерживалъ или ронялъ, всегда съ согласія Государыни, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Подобно Екатеринѣ, онъ былъ Эпикурейцомъ. Чувственныя удовольствія занимали важное мѣсто въ его жизни; онъ страстно любилъ женщинъ и страстямъ своимъ не зналъ преграды. Онъ вызвалъ ко двору пятерыхъ дочерей сестры своей Мароы Александровны Энгельгардтъ и по смерти ея объявилъ себя ихъ отцемъ и покровителемъ. Съ ними обращались почти какъ съ великими княжнами. Изъ нихъ теща моя княгиня Татьяна Васильевна Юсупова [27]) держала себя очень строго; а Надежда Васильевна Шепелева была очень дурна собою. О другихъ умалчиваю. Состояніе князя Потемкина было огромно; онъ никогда не думалъ о женитьбѣ, что подтверждаетъ слухъ о его тайномъ бракѣ, никогда не имѣлъ дѣтей и оставилъ огромныя свои богатства многочисленнымъ племянникамъ и племянницамъ, которые всѣ безъ исключенія разбогатѣли послѣ его смерти. Онъ одно время думалъ пойти въ монахи, чтобы сдѣлаться архіереемъ: это былъ единственный санъ, недостававшій его честолюбію. Потемкинъ былъ очень пріятенъ въ обращеніи, крайне снисходителенъ и добръ къ подчиненнымъ. Онъ любилъ моего отца, который былъ его адъютантомъ и, вызвавъ меня однажды къ себѣ, принялъ съ отмѣнною добротою. Я его одинъ этотъ разъ видѣлъ вблизи. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ, и я очень испугался, когда онъ вдругъ поднялъ меня могу-

---

[27]) Княгиня Т. В. Юсупова (р. 1767 † 1841) была въ первомъ бракѣ за ген. поруч. Михайломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, троюроднымъ братомъ князя Таврическаго. Отъ этого брака родились сынъ и дочь: Александръ Михайловичъ Потемкинъ († 1873), женатый на княжнѣ Татіанѣ Борисовнѣ Голицыной († 1869) и Екатерина Михайловна († 1872), супруга графа Александра Ивановича Рибопьера.

чими своими руками. Онъ былъ огромнаго роста. Какъ теперь его вижу одѣтаго въ широкій шлафрокъ, съ голою грудью, поросшею волосами. Сегюръ и принцъ Де-Линь мастерски изобразили его въ своихъ сочиненіяхъ.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, Малороссъ, былъ высокъ ростомъ и красивъ лицемъ. Онъ былъ дѣловымъ человѣкомъ и, оставивъ дворъ, занималъ съ успѣхомъ разныя должности. Онъ умеръ при Александрѣ I, бывъ первымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Семенъ Григорьевичъ Зоричъ былъ писанный красавецъ, но весьма ограниченъ и безъ всякаго воспитанія. Впрочемъ онъ былъ добрѣйшій изъ смертныхъ и жилъ, по окончаніи своего случая, въ Шкловѣ, великолѣпномъ имѣніи, подаренномъ ему Екатериною при отставкѣ. Онъ основалъ тамъ кадетскій корпусъ, переведенный теперь въ Кострому, и жилъ истымъ вельможею. Въ дѣтствѣ я часто бывалъ у него въ Шкловѣ. Бѣлорусское имѣніе наше находилось всего въ 40 верстахъ оттуда. О Мамоновѣ я уже говорилъ....

Ударъ былъ причиною ея смерти. Она упала, выходя изъ гардеробной и, не смотря на всѣ медицинскія пособія, не могла быть спасена. За часъ до этой катастрофы, она велѣла сказать князю Зубову, присылавшему, какъ онъ это дѣлалъ каждое утро, узнать о ея здоровьи: «что она никогда себя такъ хорошо не чувствовала».

Царствованіе Павла I-го походитъ на бурю, которая все сноситъ, все вырываетъ, все уничтожаетъ, все обезображиваетъ, ничего не преобразуя.—Сдѣлавшись Императоромъ, онъ разомъ захотѣлъ все измѣнить... Онъ нарядилъ въ форменное платье не однихъ военныхъ, но и всѣхъ придворныхъ, которые до тѣхъ поръ облекались въ самое изящное и богатое платье по своему усмотрѣнію. Виндзорскій покрой, за исключеніемъ цвѣта, послужилъ образцемъ для малаго мундира; что же касается до полной формы, то шитье онъ снялъ со стараго Бироновскаго кафтана; кафтанъ этотъ увидѣлъ онъ на *Ненчини*, пѣвцѣ-буфѣ Итальянской оперы. Родившись съ необузданными, но долгое время подавленными страстями, Павелъ I захотѣлъ, чтобы все разомъ подчинилось его волѣ [28]).

Павелъ Петровичъ имѣлъ однако доброе сердце; онъ былъ уменъ и получилъ очень хорошее образованіе. Онъ принялъ Лудовика XVIII въ свои владѣнія, захотѣлъ, чтобы онъ жилъ въ Митавѣ, съ великолѣпіемъ пристойнымъ монарху, и подписалъ свадебный контрактъ герцога Ангулемскаго съ дочерью Лудовика XVI. Съ такимъ же почетомъ и такою же щедростью былъ принятъ принцъ Конде, пріѣзжавшій на короткое время въ Петербургъ; ему назначенъ былъ для жи-

[28]) Будучи недоволенъ лажемъ, который установился на рублѣ серебромъ, онъ указомъ предписалъ, чтобы его цѣнили по вѣсу. Нечего и говорить, что никто этому приказанію не подчинился. *(Замѣчаніе графа Рибопьера).*

тельства домъ графа Чернышева [29]), и по утонченной любезности вся прислуга была одѣта въ ливрею принцевъ Конде.

Любя вообще простоту, Павелъ допускалъ пышность въ однихъ лишь церемоніяхъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Я былъ свидѣтелемъ его вступленія въ должность гросъ-мейстера державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ слишкомъ серіозно взиралъ на это дѣло и слишкомъ поспѣшно принялъ новый санъ этотъ. Онъ роздалъ огромное число бальискихъ (baili), командорскихъ и кавалерскихъ крестовъ. Онъ заставилъ императрицу и всѣхъ великихъ княгинь и княженъ носить Мальтійскіе кресты. Онъ разрѣшилъ основаніе командорствъ и кавалерствъ во всѣхъ семействахъ, которыя того просили. Онъ составилъ себѣ Мальтійскій дворъ и заказалъ для лакеевъ Мальтійскую ливрею. Ему привезли частицу мощей Св. Іоанна, которая многія столѣтія хранилась на островѣ Мальтѣ; онъ ее положилъ въ Гатчинѣ и учредилъ праздникъ въ честь этого перенесенія. Не обращая вниманія на обѣты безбрачія, онъ, самъ супругъ и отецъ, окружалъ себя женатыми Мальтійцами. По обычаю гросъ-мейстеровъ, ему понадобились оруженосцы. Онъ ихъ назначилъ изъ четырехъ гвардейскихъ полковъ: Нефедьева изъ Преображенскаго, Неклюдова изъ Семеновскаго, Опочинина изъ Измайловскаго и меня изъ Конной Гвардіи. Насъ нарядили въ Мальтійскіе мундиры, и съ обнаженными палашами мы окружали Государя, когда онъ шелъ церемоніально или въ придворную церковь или въ аудіенцъ-залу, гдѣ между прочимъ онъ принялъ такъ называемое Мальтійское посольство. Во главѣ онаго находился графъ Литта, съ котораго папа только что снялъ обѣтъ безбрачія и котораго братъ его кардиналъ Литта, въ то время папскій нунцій въ Россіи, обвѣнчалъ съ моей теткою [30]).

---

[29]) Дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны. Павелъ Петровичъ помнилъ блестящіе праздники, данные въ честь его принцемъ Конде, въ помѣстьѣ его Шантильи, близъ Парижа.

[30]) Графъ Юлій-Ренатъ (по-русски Юлій Помпеевичъ) Литта, р. 1763 г. младшій сынъ маркиза Помпея Литты отъ брака съ Елисаветою Висконти. По отцу и матери онъ принадлежалъ къ знатнѣйшему Итальянскому дворянству. Фамиліи Литта и Висконти считались первыми по знатности въ Миланѣ. Весьма молодымъ онъ вступилъ въ Мальтійскій орденъ и совершилъ нѣсколько каравановъ (морскихъ походовъ) на галерахъ ордена. Въ 1789 году онъ поступилъ въ Русскую службу сперва капитаномъ, а потомъ контръ-адмираломъ. Въ 1795 назначенъ былъ посланникомъ ордена въ Петербургѣ. Въ 1797 Павелъ I пожаловалъ его вице-адмираломъ, Александровскимъ кавалеромъ и графомъ Русской Имперіи. Въ слѣдующемъ году, по случаю принятія Павломъ I Мальтійскаго гросмейстерства, графъ Литта назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ ордена. Онъ, уже около 10 лѣтъ жившій въ Петербургѣ, выѣхалъ въ Четыре Руки, здѣсь пересѣлъ въ дорожный экипажъ и доѣхалъ вмѣстѣ съ кавалеромъ Рачинскимъ (Петербургскимъ полицмейстеромъ и дѣдомъ современныхъ намъ профессоровъ Московскаго университета) до заставы города, гдѣ его ожидали золотыя придворныя кареты (Записано со словъ графа Рибопьера). Торжественный въѣздъ пословъ происходилъ 27, а торжественная аудіенція 29 Ноября 1798 года. Въ томъ же году графъ Литта доставилъ брату своему должность папскаго нунція при Русскомъ дворѣ (впослѣдствіи онъ былъ кардиналомъ), и папа освободилъ его отъ обѣтовъ безбрачія, требуемыхъ орденомъ. Онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, родомъ Энгельгардтъ, сестрѣ тещи графа Рибопьера. Въ 1799 году, по вліянію Ростопчина,

Ничего не было страннѣе этого переряживанія двора Русскаго въ Мальтійцевъ. Самъ Государь, поверхъ носимаго имъ постоянно Преображенскаго мундира, надѣвалъ далматикъ изъ пунцоваго бархата, шитый жемчугомъ, а поверхъ широкое одѣяніе изъ чернаго бархата; съ праваго плеча спускался широкій шелковый позументъ, называемый «страстями», потому что на немъ разными шелками подробно изображены были страданія Спасителя. Слагая императорскую корону, онъ надѣвалъ въ этихъ случаяхъ вѣнецъ гросмейстеровъ и выступалъ расчитаннымъ, но въ тоже время отрывистымъ, шагомъ. Тончи изобразилъ его въ этомъ одѣяніи [31]). Что касается до насъ, гвардейскихъ офицеровъ, которыхъ сажали въ тюрьму или выключали изъ службы за малѣйшее отступленіе отъ формы, за цвѣтъ сукна или подкладки, за не такъ пришитую пуговицу, или буклю выбившуюся изъ форменной прически, мы принуждены были снять свои мундиры, одѣться въ пунцовое одѣяніе съ черными бархатными отворотами, вмѣсто цвѣтовъ Имперіи носить Мальтійскую кокарду и опоясаться мечемъ, вовсе не походившимъ на наши сабли. Однако рѣшеніе сдѣлаться Мальтійскимъ гросъ-мейстеромъ скрывало въ себѣ честолюбивую, но высокую цѣль, которая могла бы оказаться весьма плодотворною, если бы она могла быть достигнута. Цѣль эта была доставить Русскому флоту надежную стоянку въ Средиземномъ морѣ и кромѣ того пріобрѣсти для Россіи нравственную поддержку всего Европейскаго дворянства, сильно заинтересованнаго сохраненіемъ цѣлости Мальтійскаго ордена.....

Передъ отъѣздомъ своимъ на коронацію, Павелъ I приказалъ сломать старый деревянный лѣтній дворецъ и на мѣстѣ его строить новый, который онъ назвалъ Михайловскимъ. Постройка эта поручена была архитектору Бреннѣ, подъ главнымъ начальствомъ графа Тизенгаузена [32]), только что назначеннаго оберъ-гофмейстеромъ. Окруженный каналами, надъ которыми устроены были подъемные мосты, дворецъ этотъ сталъ походить на за́мокъ. Толщина стѣнъ напоминала крѣпость. — Императоръ всячески торопилъ строителей. Не смотря на сырость, отъ которой жить въ новомъ дворцѣ было крайне вредно для здоровья, онъ поспѣшно туда переѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ и, объявивъ новый дворецъ загороднымъ, учредилъ почту на Нѣмецкій образецъ, которая два раза въ день, при звукѣ трубы, привозила письма и рапорты. Въ новомъ помѣщеніи Государь далъ большой праздникъ, который не удался, по причинѣ крайней сырости. Зажгли великое множество свѣчей, но тѣмъ не менѣе было темно, такъ какъ въ комнатахъ образовался густой туманъ. Когда дворецъ былъ окончательно готовъ, надо было выбрать цвѣтъ для внѣшнихъ стѣнъ. Не рѣшаясь на выборъ, Государь попросилъ совѣта у княгини Гагариной, которая тоже не знала, какой цвѣтъ назначить. Тогда Павелъ взялъ одну изъ ея перчатокъ и сейчасъ же отправилъ ее къ архитектору Бреннѣ съ приказомъ немедля окра-

---

Литта былъ сосланъ въ женино имѣніе. Графъ Литта былъ впослѣдствіи оберъ-шенкомъ, потомъ оберъ-гофмейстеромъ и наконецъ оберъ-камергеромъ. Умеръ въ 1836 году.

[31]) Портретъ этотъ находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.

[32]) Оберъ-гофмейстеръ графъ Иванъ Андреевичъ Тизенгаузенъ, Александровскій кавалеръ (род. 1745 † 1815), сынъ котораго былъ женатъ на дочери князя Кутузова.

сить дворецъ подъ цвѣтъ перчатки. Цвѣтъ этотъ былъ ярко-розовый, и на стѣнахъ дворца онъ принялъ кровяной оттѣнокъ. Странный во всемъ, Императоръ любилъ изъясняться загадочно. Слово, поразившее его въ какой нибудь фразѣ, побуждало его часто повторять всю фразу. Такъ на фронтонѣ Михайловскаго замка онъ велѣлъ начертать мистическую фразу:

«Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней». Изъ этой фразы составлена была потомъ анаграмма...

Въ одной изъ дворцовыхъ кладовыхъ валялась въ полномъ забвеніи тяжелая статуя Петра Великаго [33]). Павелъ Петровичъ велѣлъ ее поставить передъ новымъ своимъ дворцемъ и, пародируя чудную надпись: Petro Primo Catarina Secunda, приказалъ на піедесталѣ написать золотыми буквами: *«Прадѣду правнукъ»*. Кстати о зданіяхъ: здѣсь мѣсто упомянуть о томъ, какъ оконченъ былъ Исакіевскій соборъ. Унижая все содѣянное или начатое матерью, Павелъ захотѣлъ разомъ окончить эту постройку. Соборъ былъ весь изъ мрамора; но, чтобы скорѣе привести его къ концу, верхнюю часть достроили кирпичемъ. Церковь освятили, и она оставалась до послѣднихъ годовъ царствованія Александра Павловича въ обезображенномъ своемъ видѣ. Мраморныя глыбы и колонны заготовлены были при Екатеринѣ для окончанія храма; но Павелъ Петровичъ, вѣчно спѣшившій и нуждавшійся въ мраморахъ для Михайловскаго замка, приказалъ перевезти ихъ къ новому дворцу ночью, дабы не возмутить народъ, которому подобное обираніе храма Божія могло показаться святотатствомъ. При видѣ обезображенной церкви, какой-то сорви голова приклеилъ къ дверямъ нижеслѣдующее двустишіе:

Сей храмъ двумъ царствіямъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный.

Въ то время говорили, что несчастный сочинитель горько искупилъ свой стихотворческій порывъ. Павелъ I началъ стройку Казанскаго собора; планъ составилъ Русскій архитекторъ Воронихинъ; онъ же и строилъ его подъ руководствомъ оберъ-камергера графа А. С. Строгонова. Павелъ и тутъ спѣшилъ, понукая рабочихъ; однако ему не пришлось достроить собора: онъ былъ оконченъ при Александрѣ Павловичѣ. Послѣдній однажды говорилъ отцу про строющійся храмъ. Павелъ, какъ бы предчувствуя, что ему не долго жить, замѣтилъ въ отвѣтъ: «Позвольте мнѣ, Ваше Высочество, окончить эту постройку». Онъ не любилъ старшаго сына и не одинъ разъ обращался къ нему съ двусмысленными словами, въ которыхъ чувствовалось недовѣріе. Онъ употреблялъ охотно тѣ самыя выраженія, которыхъ иногда никто не могъ понять. Генералъ Левашевъ, бывшій впослѣдствіи оберъ-егермейстеромъ [34]), единственный человѣкъ, ко-

---

[33]) Статуя эта работы, графа Растрелли-сына, заказана была императрицею Елисаветою Петровною, но не понравилась ей и до Павла I оставалась забытою въ дворцовыхъ сараяхъ.

[34]) Д. т. сов. Василій Ивановичъ Левашевъ, внукъ генералъ-аншефа и Московскаго главнокомандующаго Василія Яковлевича (р. 1740, ум. 1803), оберъ-егермейстеръ, женатъ не былъ. Онъ передалъ свое имѣніе воспитаннику сво-

торый во все царствованіе Павла Петровича ни разу не подвергался немилости, самъ мнѣ разсказывалъ, что когда Государь, который любилъ къ нему обращаться, говаривалъ непонятными намеками, подкрѣпляя слова свои столь же мало понятными жестами, Левашевъ отвѣчалъ или знакомъ или гримасой, какъ будто все вполнѣ постигъ, чѣмъ Павелъ всегда оставался доволенъ... Съ Нелидовой онъ былъ друженъ, еще будучи великимъ княземъ. Она была фрейлиной великой княгини, была мала ростомъ, дурна и черна, но очень умна. Она имѣла на Павла большое вліяніе, была лучшимъ другомъ великой княгини и, говорятъ, никогда не забывала чувства долга. По восшествіи Павла на престолъ, она пользовалась большимъ вліяніемъ до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе ссоры съ Императоромъ, не покинула двора и подобно, герцогинѣ Ла-Вальеръ, не удалилась въ монастырь. Нелидова однако скоро возвратилась ко двору и снова стала пользоваться прежнимъ вліяніемъ, стараясь всячески умѣрить пылкій нравъ Императора и останавливая послѣдствія его гнѣва. Вообще она давала ему отличные совѣты, которымъ онъ однако не всегда слѣдовалъ. По слѣпому недоброжелательству къ памяти матери, онъ рѣшилъ уничтожить Георгіевскій орденъ. Нелидова написала ему по этому случаю необыкновенно умное и благородное письмо, вслѣдствіе котораго Императоръ измѣнилъ свое намѣреніе. Во время коронаціи, въ Москвѣ, было множество всякихъ торжествъ, праздниковъ и баловъ. На одномъ изъ баловъ, молодая дѣвушка, быть можетъ по ошибкѣ, а быть можетъ съ намѣреніемъ, подошла къ Государю и просила его протанцовать съ нею Польскій. Павелъ былъ этимъ крайне польщенъ [35]). Отецъ ея, Петръ Васильевичъ Лопухинъ и мачиха ея Екатерина Николаевна, рожденная Шетнева, сейчасъ же попали

ему, имъ усыновленному, Василію Васильевичу Левашеву, пожалованному въ 1833 въ графы Россійской имперіи.

[35]) Еще при жизни Екатерины одна фрейлина, именемъ Шкурина, влюбилась въ Цесаревича. Она оставила дворъ и постриглась въ монахини подъ именемъ Павлы. Говорили, что эта Шкурина была дочерью придворнаго истопника, которому благоволила Екатерина, еще будучи великою княгинею *(Замѣчаніе графа А. И. Рибопьера)* Марья Васильевна Шкурина была дочерью гардеробмейстера Екатерины, а впослѣдствіи ея камергера, Василія Григорьевича Шкурина, который былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ событіи, возведшемъ ея на престолъ, за что онъ получилъ дворянское достоинство, камергерскій ключъ и тысячу душъ крестьянъ. Въ біографическихъ статьяхъ Карабанова исторія Шкуриной разсказана нѣсколько иначе. Она оставила дворъ, говоритъ Карабановъ, потому что вмѣшалась въ сватьбу Мамонова (Рус. Старина IV, 386). Это едва ли такъ: графу Рибопьеру, какъ мы видѣли, слишкомъ знакомы были всѣ подробности Мамоновской сватьбы. Екатерина предложила ей, нѣсколько времени послѣ удаленія отъ двора, комнаты во дворцѣ, а потомъ хотѣла купить ей домъ. Шкурина отказалась отъ того и другаго. Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, удвоилъ ея фрейлинское содержаніе, но не дозволилъ ей постричься (въ это время она уже жила въ монастырѣ). Она постриглась уже при Александрѣ въ 1801, получивъ разрѣшеніе носить фрейлинскій знакъ на монашескомъ одѣяніи. Она была игуменьей Свіяжскаго монастыря и умерла на покоѣ въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ въ 1824 году. Нѣкоторыя подробности въ разсказѣ Карабанова подтверждаютъ собою слова графа Рибопьера.

въ милость. Все семейство получило приглашеніе переѣхать въ Петербургъ, гдѣ Государь осыпалъ ихъ отличіями и почестями. Петръ Васильевичъ получилъ княжеское достоинство, супруга его пожалована въ статсъ-дамы, а старшая дочь получила шифръ. Государь навѣщалъ ее каждое утро и часто бывалъ у нея и по вечерамъ. Чтобы отвлечь общее вниманіе, онъ заказалъ себѣ карету, напоминавшую своимъ цвѣтомъ гербъ князя Лопухина, а для лакеевъ придумалъ какую-то малиновую ливрею. Разумѣется, посѣщенія эти не были ни для кого тайною; но всѣ совершенно вѣрно предполагали, что въ сношеніяхъ, столь быстро начавшихся съ дѣвушкою всегда себя отмѣнно державшею, не могло быть ничего предосудительнаго.

Князь Лопухинъ долгое время жилъ въ Москвѣ и тамъ имѣлъ много связей. Между прочимъ онъ былъ очень близокъ съ князьями Гавріиломъ Петровичемъ Гагаринымъ и Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. Онъ безъ труда уговорилъ ихъ переѣхать въ Петербургъ, гдѣ они были отмѣнно приняты Государемъ и получили видныя мѣста. Семейство Долгоруковыхъ занимало домъ на дворцовой набережной [36]), бокъ обь бокъ съ домомъ, который занимали Лопухины. Въ стѣнѣ пробили дверь, чтобы имѣть между обоими домами внутреннее сообщеніе, и такимъ образомъ оба дома соединились въ одинъ. Я уже давно былъ знакомъ съ княземъ и княгинею Долгоруковыми, которые радушно меня принимали, и я у нихъ довольно часто бывалъ. Въ это время я уже служилъ въ полку [37]) и только что былъ назначенъ оруженосцемъ. Разъ вечеромъ, я сидѣлъ у Долгоруковыхъ въ обществѣ товарищей по полку. Стали смѣяться надъ чиномъ корнета, въ которомъ всѣ мы тутъ бывшіе состояли. Болѣе всѣхъ потѣшалась надъ этимъ чиномъ Анна Петровна Лопухина, находя самое названіе корнета смѣшнымъ. «Вы насъ всѣхъ задѣваете», замѣтилъ я: «мы всѣ здѣсь корнеты, и мы этимъ гордимся». «Какъ, и вы также?» сказала она, «къ чему же послужило вамъ ваше офицерство со временъ Екатерины?»—«Я былъ тогда ребенкомъ, не находился на дѣйствительной службѣ и поэтому не подвигался впередъ».—«Мнѣ очень жаль, что я такъ глупо пошутила», сказала она, «извините меня. Я вовсе не желала васъ обидѣть». Нѣсколько минутъ спустя, я замѣтилъ, что она взяла карандашъ, написала нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги, передала свою записку нѣкоей г-жѣ Гербертъ, которая при ней состояла компаньонкой, и сказала ей что-то на ухо. Г-жа Гербертъ скрылась, послѣ нѣкотораго времени вернулась, сказала что-то княжнѣ на ухо и сѣла на свое мѣсто. Я не обратилъ на все это вниманія, и только уже послѣ вспомнилъ обо всемъ этомъ. Между тѣмъ мы стали разъигрывать лоттерею; было пять выигрышей. Это были бездѣлушки, не имѣвшія цѣнности. Роздали билеты, и я выигралъ, разъ за разомъ, три вещи изъ пяти. Княжна Анна, очень внимательная ко мнѣ, болѣе меня радовалась моему успѣху и сказала мнѣ дружелюбно: «я желаю вамъ счастья во всемъ». Мнѣ было

---

[36]) Домъ тетки моей Литты, которая въ это время была въ изгнаніи вмѣстѣ съ дочерью (впослѣдствіи княгинею Багратіонъ) и мужемъ *(Замѣчаніе графа Рибопьера)*. Домъ Скавронскихъ, а позднѣе Литты, близь Константиновскаго дворца, принадлежитъ нынѣ, если не ошибаемся, г. Лохвицкому.

[37]) 15 Августа 1798 года графъ Рибопьеръ явился въ дѣйствительную службу.

15 лѣтъ [38]), и я былъ еще вполнѣ ребенкомъ. Я нравился ей немного наружностью, но главное простотою и откровенностью моего обращенія, тогда какъ другіе, зная, что она пользовалась особеннымъ благоволеніемъ грознаго нашего Императора, передъ нею стѣснялись и бывали натянуты. Мачиха ея, женщина нестрогихъ правилъ, приставала къ падчерицѣ съ тѣмъ, чтобы она выпросила Аннинскую ленту для Ѳедора Петровича Уварова, къ которому особенно благоволила. Княжна, всегда совѣстливая, не спѣшила исполнить это требованіе мачихи, которое возобновлялось ежедневно, и каждый разъ съ большею настойчивостью. Изъ-за этого онѣ довольно крупно поспорили, и Лопухина рѣшилась отомстить падчерицѣ.

На другой день послѣ вечера, проведеннаго мною у Долгоруковыхъ, я поѣхалъ съ порученіемъ матушки къ князю Касаткину, бывшему тогда Петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ. Онъ передъ этимъ служилъ въ конной гвардіи и былъ мнѣ хорошо знакомъ. Я его не засталъ дома и рѣшился его дождаться. Я грѣлся у камина, когда въ комнату вошелъ Толбухинъ, плацъ-майоръ, исполнявшій должность флигель-адъютанта Государя. Онъ мнѣ объявилъ, что онъ пріѣхалъ за мною по высочайшему повелѣнію и что матушка ему сказала, что онъ меня найдетъ у Касаткина. Я долго не рѣшался ѣхать съ нимъ, не потому, чтобы испугался (хотя такой нежданный призывъ въ тѣ времена невольно пугалъ всякаго), а потому, что неоднократно молодые люди выдумывали подобныя штуки, чтобы попугать товарищей. Но Толбухинъ былъ такъ настойчивъ и серіозенъ, что я сѣлъ къ нему въ сани, и по 30 градусному морозу мы доскакали до дворца. Видя, что меня ведутъ прямо въ дежурную, которая находилась тамъ же, гдѣ и теперь, я понялъ, что меня ожидаетъ, и сейчасъ же послалъ домой за полною формою. Едва успѣлъ я надѣть ее, какъ меня призвали въ кабинетъ Государя. «Я тебя беру къ себѣ въ адъютанты», сказалъ онъ мнѣ, «и ты начнешь свое дежурство съ сегодняшняго дня». По тогдашнему обыкновенію я сталъ на одно колѣно, а Императоръ протянулъ мнѣ руку, которую я поцѣловалъ [39]). Я былъ дежурнымъ трое сутокъ сряду, такъ какъ некому было меня смѣнить. Насъ было всего шестеро, и въ томъ числѣ былъ старикъ Дибичъ (отецъ фельдмаршала), который уже почти не могъ выходить изъ комнаты. Павелъ видѣлъ его въ Берлинѣ ординарцемъ у Фридриха Великаго и единственно ради этого назначилъ его къ себѣ во флигель-адъютанты.

Я былъ крайне счастливъ моимъ назначеніемъ; для молодаго офицера это было самою блестящею карьерою, и Государь, очень благоволившій къ отцу моему, знавшій меня еще ребенкомъ, былъ ко мнѣ отмѣнно милостивъ. Я былъ дежурнымъ въ тотъ день, когда Суворовъ вернулся изъ ссылки [40]), былъ свидѣтелемъ странныхъ изліяній его преданности и послушанія. Я видѣлъ, какъ онъ бросился къ ногамъ Императора, котораго пріемы эти видимо выводили изъ терпѣнія. Отъ Государя фельдмаршалъ побѣжалъ въ большую придворную церковь и долгое время лежалъ передъ алтаремъ.

---

[38]) Графъ Рибопьеръ здѣсь ошибается: ему въ то время уже минуло 17 лѣтъ.
[39]) Графъ А. И. назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ Государю 14 Февраля 1799.
[40]) 18 Февраля 1799 года.

Между тѣмъ княгиня Лопухина не забывала о своей мести. Она ухватилась для этого за первый представившійся ей случай. Императоръ распрашивалъ ее иногда о поведеніи княжны Анны. Однажды онъ спросилъ у нея, какъ княжна проводитъ время. «Покуда она на моихъ глазахъ, Государь, я могу за нее отвѣчать; но она проводитъ всѣ вечера у Долгоруковыхъ, и я уже не могу за нею слѣдить».— «Что же она тамъ дѣлаетъ и кого тамъ видитъ?» спросилъ Императоръ. «Много молодежи тамъ болтается; танцуютъ и, кажется, очень веселятся».—«Кто изъ молодыхъ людей тамъ чаще всѣхъ бываетъ?»— «Рибопьеръ и другіе», отвѣчала княгиня. «Если Вашему Величеству угодно будетъ самимъ удостовѣриться, стоитъ только на минуту стать у двери, которая ведетъ въ квартиру Долгоруковыхъ». Павелъ принялъ предложеніе и увидалъ меня вальсирующимъ съ княжною при звукахъ бандуры, на которой игралъ какой-то Малороссіянинъ. Къ несчастію моему, я держалъ свою танцовщицу при этомъ обѣими руками, что было тогда въ модѣ, но что Императоръ находилъ крайне неприличнымъ; онъ даже запретилъ такъ вальсировать. Забывая, что онъ самъ приказывалъ мнѣ на всѣхъ балахъ вальсировать съ княжною (которая находила, что я ловко танцую), забывая, что онъ же самъ былъ причиною сближенія, которое невольно установилось между мною и постоянною моею танцовщицею, онъ былъ теперь внѣ себя отъ гнѣва. Но, будучи рыцаремъ въ душѣ и къ тому же крайне великодушнымъ, онъ возымѣлъ мысль, которую на другой же день привелъ въ исполненіе: чѣмъ свѣтъ онъ подписалъ указъ, въ силу котораго я пожалованъ былъ камергеромъ, что давало мнѣ чинъ генералъ-майора. Объ этомъ узналъ я только явившись во дворецъ на дежурство. Въ обычный часъ онъ отправился къ княжнѣ... и наконецъ объявилъ, что явился къ ней съ тѣмъ, чтобы просить руки ея для своего *камергера* Рибопьера. Княжна, постоянно дрожавшая при появленіи Государя, не хотѣла вѣрить ушамъ своимъ. Напрасно она указывала на то, что мнѣ было всего 15 лѣтъ, что я еще сущее дитя, что я столь же мало о ней думаю, сколько и она обо мнѣ, что обѣ наши семьи никогда бы на такую неравную свадьбу не согласились: Павелъ настоялъ на своемъ и рѣшительно объявилъ, что или она должна за меня выйдти за мужъ, или же онъ меня немедленно вышлетъ изъ Петербурга. Возраженія, мольбы, слезы, ничего не подѣйствовало. Въ тотъ же самый день я получилъ записку отъ опекуна моего, графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, который звалъ меня къ себѣ, чтобы сообщить повелѣніе Государя Императора. Уже въ статской формѣ, съ ключемъ назади и въ шляпѣ съ плюмажемъ (это были знаки новаго моего званія; въ то время все дѣлалось крайне быстро), поспѣшилъ я къ графу Ростопчину, въ полной увѣренности, что онъ мнѣ объявитъ о пожалованіи меня въ Мальтійскіе коммандоры, о чемъ мнѣ говорила княжна Анна. Каково же было мое удивленіе, когда, вмѣсто Мальтійскаго креста, я получилъ приказаніе немедленно ѣхать въ Вѣну [41]), куда меня только что назначили кавалеромъ посольства. Мысль назначать при главныхъ посольствахъ придворныхъ юношей съ тѣмъ, чтобы они привыкали къ дипломатической дѣятельности, была весьма хороша. Въ обществѣ насъ въ насмѣшку называли *министерскими подмастерьями* (garçons-mi-

---

[41]) 13 Іюня 1799 г. графъ Рибопьеръ пожалованъ въ дѣйств. камергеры и отправленъ къ миссіи въ Вѣну сверхъ штата.

nistres). Вскорѣ послѣ меня на туже должность отправлены были графъ Нессельроде въ Берлинъ и графъ Кутайсовъ въ Лондонъ. Къ сожалѣнію, на этомъ дѣло и остановилось, и отъ этого часто съ дипломатическими порученіями отправлялись люди вовсе непривыкшіе къ дѣламъ.

Матушка и бабушка были въ отчаяніи отъ моего отъѣзда, который совершенно походилъ на ссылку, тѣмъ болѣе, что Государь отправилъ со мною фельдъегеря....

* *
*

Въ Вѣнѣ удивились, увидавъ мальчика, при которомъ состоялъ дядька, должность котораго я старался скрыть, называя его *моимъ другомъ*. На самомъ дѣлѣ старый кавалерійскій офицеръ Дитрихъ былъ со мною отправленъ скорѣе въ качествѣ спутника, чѣмъ гувернёра. Онъ скоро замѣтилъ, что я слишкомъ дорожу свободою, чтобы подчиниться его вліянію, и наконецъ, убѣдившись въ примѣрной на ту пору скромности *моего поведенія*, вернулся въ Россію, чтобы о томъ донести матушкѣ. Я окружилъ себя учителями и сталъ заниматься усердно и усидчиво. Тѣмъ немногимъ, что я знаю, обязанъ я графу Поццо-ди-Борго [42]), а позднѣе г. Анстету [43]); оба меня полюбили и благосклонно взялись руководить моими занятіями. Я сталъ много писать, правда болѣе переписывать, чѣмъ сочинять; но на службѣ нужны и переписчики. Въ графѣ Разумовскомъ нашелъ я доброжелательнаго начальника, а въ женѣ его вторую мать [44]). Вѣнское об-

---

[42]) Графъ Поццо-ди-Борго подружился съ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ, гр. Разумовскимъ, извѣстнымъ нелюбовью къ Наполеону. Онъ часто бывалъ въ домѣ графа, и здѣсь А. И. Рибопьеръ съ нимъ познакомился. Въ 1803 черезъ Разумовскаго Поццо-ди-Борго принятъ былъ въ Русскую службу и переѣхалъ въ Петербургъ.

[43]) Иванъ Осиповичъ Анстетъ, сынъ Стразбургскаго совѣтника и судьи. Въ 1789 году онъ поступилъ въ Русскую службу офицеромъ и вскорѣ назначенъ былъ въ гребную флотилію принца Нассау-Зигена. Принявъ участіе въ войнѣ съ Шведами, онъ въ 1791 перешелъ на статскую службу и перемѣщенъ былъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ при принцѣ Нассау. Ему поручали секретныя негоціаціи въ Берлинѣ и Польшѣ. Въ 1801 онъ былъ переведенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну, гдѣ неоднократно бывалъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Въ Вѣнѣ онъ сблизился съ графомъ А. И. Рибопьеромъ, который много разсказывалъ интересныхъ анекдотовъ объ этомъ даровитомъ дипломатѣ. Во время похода 1812 — 1814 годовъ Анстетъ сопровождалъ сперва Государя, потомъ князя Кутузова, а наконецъ находился при главной квартирѣ. Въ 1815 году онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ и принялъ участіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Къ прежней должности въ 1825 присоединено было представительство при дворѣ Виртембергскомъ, а въ 1829—при дворѣ Гессенъ-Кассельскомъ. Анстетъ умеръ въ 1835, имѣя брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго.

[44]) Графъ, а послѣ Вѣнскаго конгресса, свѣтлѣйшій князь А. К. Разумовскій былъ посломъ въ Вѣнѣ съ 1792 по 1806. Оставивъ должность, онъ продолжалъ жить въ Вѣнѣ въ великолѣпномъ домѣ своемъ на Ландштрассе, разыгрывая въ Вѣнѣ важную роль. Первая жена его, графиня Елисавета Осиповна, была дочь графа Тунъ-Гогенштейнъ-Клестерле, а по матери внучка рейхсъ-канцлера

щество, вообще косо смотрѣвшее на иностранцевъ, крайне любезно меня приняло. Я этимъ обязанъ былъ графинѣ Разумовской, которая, находясь въ родствѣ съ первыми домами Вѣнскими, меня сама всюду представляла. Принцъ Де-Линь, у котораго ежедневно собирался цвѣтъ Вѣнскаго общества, между прочими всѣ Вѣнскія красавицы, принялъ меня какъ сына стараго своего друга и какъ бывшаго любимца боготворимой имъ Екатерины Великой. Вѣна въ тѣ времена была не то что теперь. Это былъ аристократическій городъ роскоши и веселья, столица вкуса и утонченности. Жизнь протекала какъ упоительный сонъ.

Такого общества, каково было въ тѣ времена Вѣнское, теперь не сыщешь. Жена нашего посла блистала тонкимъ умомъ, живымъ разговоромъ, любезнымъ и всегда ровнымъ нравомъ. Сестры ея, княгиня Лихновская и леди Кленвильямъ, на нее походили. Гдѣ искать теперь чего либо подобнаго несравненной Софьѣ Замойской, рожденной княжнѣ Чарторыжской, или сестрѣ ея принцессѣ Виртембергской? Какъ не помянуть и другую Замойскую, невѣстку первой, быть можетъ, еще красивѣйшую? А три дочери принца Де-Линя: княгиня Клара, графиня Фефе-Пальфи и Флора, вышедшая впослѣдствіи замужъ за барона Шпигеля? А другая Флора, графиня Врбна, истая богиня цвѣтовъ, походившая на императора Александра, какъ сестра можетъ только походить на брата? А княгиня Лихтенштейнъ, а Ланскоронская, а Красинская и столько другихъ вѣчно-живыхъ въ памяти моей? Въ то время всѣ дни въ недѣлѣ были разобраны. Послы и представители первыхъ семействъ давали безпрестанно пышные обѣды, за которыми слѣдовали вечерніе пріемы. За обѣдами этими было много непринужденности, но тѣмъ не менѣе старые обычаи и этикетъ строго соблюдались. Явиться иначе какъ во фракѣ и при шпагѣ было немыслимо. Отобѣдавъ въ знатномъ домѣ, необходимо было, черезъ недѣлю, явиться туда на вечерній пріемъ, чтобы отблагодарить за обѣдъ, за который приходилось впрочемъ платить довольно дорого: на другой же день послѣ перваго обѣденнаго приглашенія въ любой изъ Вѣнскихъ домовъ, являлись оттуда съ поздравленіями швейцаръ и скороходъ, что каждый разъ стоило три дуката [43]). Такой же налогъ существовалъ и на по-

графа Улефельда. Она скончалась въ 1806 г. Уже въ старости, князь Разумовскій вторично женился на графинѣ Констанціи Тюргеймъ, умершей въ 1869 г.

[43]) Другая особенность Вѣнскихъ обѣдовъ въ тѣ времена состояла въ томъ, что гостямъ прислуживали ихъ же собственные, съ ними пріѣхавшіе, лакеи. Аграфена Александровна Рибопьеръ жила въ Петербургѣ открытымъ домомъ и радушно принимала дипломатовъ. Ежедневными ея собесѣдниками были графъ Сегюръ (1753—1830), бывшій съ 1784 по 1789 годъ министромъ въ Петербургѣ, и графъ Людовикъ Кобенцль († 1808), 20 лѣтъ почти жившій при Русскомъ дворѣ (1779—1797) въ качествѣ Австрійскаго посла. Онъ былъ въ большой милости у Императрицы, писалъ комедіи для Эрмитажа и нерѣдко самъ ихъ разыгрывалъ. Кобенцль былъ замѣчательно дуренъ собою; но живой его разговоръ и ничѣмъ невозмутимое веселье, говоритъ Сегюръ, заставляли забывать о его невзрачности. По свидѣтельству современниковъ, угодливостью Екатеринѣ онъ превосходилъ записныхъ Петербургскихъ придворныхъ. Въ 1801 Кобенцль снова вернулся въ Россію, а въ 1803 былъ уже въ Вѣнѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. При Кобенцлѣ въ Петербургѣ долгое время жила сестра его, столь-же умная, но едва-ли уступавшая ему въ невзрачности. Замужемъ она была за Французскимъ эмигрантомъ графомъ Ромбекомъ (de

вый годъ, когда являлись носильщики (тогда въ большомъ употребленіи были портантины—chaises à porteur) и скороходы изъ всѣхъ тѣхъ домовъ, куда въ теченіи года бывали приглашенія на обѣдъ. Право занимать мѣсто на диванѣ по правую руку хозяйки дома было преимуществомъ самой высоко-титулованной дамы въ собраніи, и за преимуществомъ этимъ строго наблюдалось. Такъ, жена графа или посланника уступала это мѣсто первой явившейся княгинѣ, послѣдняя вставала передъ княгинею старѣйшею по времени пожалованія титула. Княгини уступали мѣсто оберъ-гофмейстеринѣ и женамъ пословъ, которыя уже между собою не считались, и та, которая пріѣзжала ранѣе, мѣста своего не уступала, при чемъ, однако, какъ оберъ-гофмейстерины, такъ и посольши, не садились уже вовсе и терпѣливо выстаивали иногда цѣлый вечеръ. Изъ всего этого выходили иногда исторіи, особенно когда одинъ дворъ былъ во враждѣ съ другимъ. Ко двору почти не ѣзжали. Тамъ пріемовъ не было. Ѣзжали съ поклонами только на новый годъ. Добрый императоръ Францъ жилъ запросто въ семейномъ кругу. Вторая его жена, Неаполитанская принцесса [46]), окружила его камарильею, которая и составляла его общество. Никто объ этомъ впрочемъ не безпокоился: не смотря на искреннюю преданность къ престолу, Вѣнская аристократія была самая независимая изъ всѣхъ аристократій. Въ высшемъ обществѣ встрѣчались иногда связи незаконныя. На нихъ смотрѣли снисходительно и ихъ негласно признавали. Никому не было тайной, что такая-то въ связи съ такимъ-то: ихъ одновременно приглашали всюду, и это никого не смущало. Было такъ принято.

Фельдмаршалъ Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну нѣсколько дней послѣ меня [47]). Онъ остановился у посла. Всѣ зеркала въ посольскомъ домѣ

Rombesq), недалекимъ старичкомъ, слѣдовавшимъ всюду за женою и вѣчно дремавшимъ на вечерахъ въ какомъ нибудь уголкѣ. Живая, эксцентричная и бойкая, г-жя Ромбекъ смотрѣла на мужа, какъ на своего рода привиллегированнаго слугу, и постоянно будила его на собраніяхъ звучно раздававшеюся фразою: «Rombesq, puisque vous êtes debout». Графиня была очень дружна съ А. А. Рибопьеръ и изъ Вѣны вела съ нею дѣятельную переписку. Александра Ивановича знала она съ дѣтства и въ письмахъ къ матери безпрестанно о немъ поминала. «*Не балуйте его*», писала она, «et surtout aplatissez son petit j. p.» Въ Россіи графиня выучилась многимъ крупнымъ и непечатнымъ выраженіямъ. Она въ Вѣнѣ дружески приняла молодаго Рибопьера, который часто у нея бывалъ Александръ Ивановичъ жилъ въ то время въ домѣ графа Разумовскаго, вмѣстѣ съ роднымъ племянникомъ посла, А. В. Васильчиковымъ. Имъ обоимъ прислуживалъ огромный крѣпостной гайдукъ Васильчикова. Какъ-то разъ, за однимъ изъ описанныхъ выше обѣдовъ, случилось Рибопьеру и Васильчикову сидѣть противъ графини Ромбекъ. Во время стола графиня стала пересказывать всѣ знакомыя ей и крайне нецензурныя Русскія выраженія. Тѣмъ временемъ начали мѣнять куверты, а у молодыхъ дипломатовъ остались прежнія тарелки; они оборачиваются,—гайдукъ скрылся. За нимъ посылаютъ. «Куда ты ушелъ?» спрашиваютъ его. «Помилуйте, старая халда ругается: совѣстно стало», отвѣчаетъ гайдукъ. Рибопьеръ поспѣшилъ передать слова эти графинѣ; она была отъ нихъ въ восторгѣ, подозвала къ себѣ гайдука и наградила деньгами (Слышано отъ графа Рибопьера).

[46]) Первая супруга имп. Франца была Виртембергская принцесса, сестра императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[47]) 15 Марта 1799.

были завѣшаны: такова была его прихоть. Онъ представился ко двору и тутъ же получилъ Австрійскій фельдмаршальскій жезлъ. Выходя отъ императора, Суворовъ пожелалъ проѣхать прямо въ соборъ Св. Стефана. Народъ толпился на улицахъ и, при видѣ посольской кареты, кричалъ: «*Виватъ Суворовъ*». Фельдмаршалъ высовывалъ голову въ окошко и отвѣчалъ: «*виватъ Іосифъ*». Напрасно ѣхавшій съ нимъ посолъ останавливалъ его, замѣчая, что царствуетъ *Францъ*, а не Іосифъ; Суворовъ продолжалъ свое, приговаривая: «*Помилуй Богъ, не помню*». Каждый вечеръ бывалъ у посла раутъ; всѣ сбѣгались въ надеждѣ увидѣть Суворова. Дворъ, домъ посольства, лѣстница, улицы съ утра до вечера были полны народомъ во все время пребыванія Суворова. Онъ раза два выходилъ въ посольскую гостиную, гдѣ его ожидала вся Вѣна, по своему былъ любезенъ съ тѣснившимися вокругъ него дамами и перепрыгивалъ, какъ коза, съ одного мѣста на другое. Увидавъ принца Де-Линя, котораго знавалъ со временъ Турецкихъ войнъ, онъ ему поклонился, приговаривая: «Здраствуйте, г. фельдмаршалъ съ острова Цитеры». Узнавъ меня въ гостиной, онъ подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «Дѣдушка твой учитель мой, а ты дѣдушкинъ внукъ»; онъ служилъ нѣкогда подъ командою дѣдушки А. И. Бибикова. Суворовъ произвелъ смотръ Русскимъ войскамъ, проходившимъ черезъ Шенбрунъ. Это было славное и трогательное зрѣлище. Вся Вѣна туда хлынула. Энтузіазму и крикамъ не было конца. Въ Суворовѣ и его солдатахъ Австрійцы привѣтствовали своихъ избавителей.

Кн. Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, который потомъ женился на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, былъ странный человѣкъ. Онъ тайно обручился съ княжною и, будучи военнымъ, отправился на войну въ Италію, съ корпусомъ Розенберга. Императоръ Павелъ почти ежедневно приносилъ княжнѣ получаемые имъ изъ арміи рапорты, радуясь тому, что можетъ сообщить ей извѣстія объ успѣхахъ нашего оружія. Къ рапортамъ аккуратно прилагались списки убитымъ и раненымъ. Между послѣдними оказался однажды князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ. Княжна до того была поражена, услышавъ это имя, что измѣнилась въ лицѣ. Государь замѣтилъ это и спросилъ у нея о причинѣ такого смущенія. Она ему откровенно призналась, что семья ея была очень дружна съ семействомъ Гагариныхъ, что она провела съ княземъ Павломъ все дѣтство, что родственники желали ихъ брака, что хотя она не питала къ нему особенной любви, однако всегда имѣла въ мысляхъ выдти за него замужъ. Великодушный по природѣ, Павелъ повторилъ обыкновенную свою фразу: *я не хочу стѣснять ваши наклонности*» и немедля далъ фельдмаршалу Суворову приказаніе прислать князя Гагарина съ первымъ хорошимъ извѣстіемъ. Другихъ впрочемъ въ то время не было, и князь Гагаринъ, вскорѣ оправившійся отъ легкой раны, пріѣхалъ въ Вѣну (по дорогѣ въ Петербургъ). Едва успѣлъ онъ передать свои депеши послу, какъ пожелалъ меня видѣть. «Что вы родственники или, быть можетъ, друзья?» спросилъ его посолъ.—«Я его никогда не видалъ».—«Откуда же такое нетерпѣніе видѣть его?»—«Я къ нему чувствую влеченіе», отвѣчалъ князь. За мною пошли въ посольскую канцелярію, гдѣ я всегда по утрамъ занимался, и едва успѣлъ я войти въ кабинетъ графа Разумовскаго, какъ Гагаринъ бросился въ мои объятія, называя меня своимъ другомъ. Подробности моего изгнанія изъ Петербурга были ему извѣстны, и онъ воображалъ, что я его соперникъ. Онъ отъ меня не отходилъ во весь день, проведенный имъ въ Вѣнѣ. На немъ было

множество цѣпей и браслетовъ съ шифромъ княжны Анны. Онъ мнѣ разсказалъ про свою любовь, про свои тайныя отношенія къ ней, про переписку съ нею, которую велъ черезъ какого-то барона Розена, и все это повѣрялъ онъ мнѣ, котораго видѣлъ первый разъ въ жизни и котораго считалъ соперникомъ! Онъ мнѣ даже сообщилъ о своемъ смущеніи при мысли, что его женятъ на княжнѣ Лопухиной, такъ какъ женщинъ онъ не зналъ еще вовсе и считалъ себя мало способнымъ къ супружеской жизни. Наконецъ, онъ уѣхалъ. Пріѣхавъ въ Гатчину, онъ упалъ въ ноги къ Государю, повергая въ тоже время къ стопамъ его Французскія знамена и ключи Турина, только что взятаго Суворовымъ. Павелъ принялъ Гагарина какъ сына и объявилъ ему близкую его сватьбу съ княжною Анною, которую онъ ему *передаетъ*, говорилъ онъ, *такою же, какъ и получилъ ее.* «Одинъ молодой повѣса», прибавилъ онъ, «объявилъ было себя ея поклонникомъ, но мы отъ него скоро *отдѣлались*; ты могъ его видѣть въ Вѣнѣ». Вскорѣ отпраздновали сватьбу. Все ограничилось церковнымъ торжествомъ....

По смерти Павла Петровича, Гагаринъ съ женою отправился за границу, очень дурно съ нею обходился, заставилъ ее передать себѣ все ея состояніе и вскорѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, овдовѣлъ. Незадолго передъ смертію, княгиня разсказала мнѣ все, что произошло между нею и Императоромъ Павломъ относительно меня. Князь Гагаринъ долгое время преслѣдовалъ всѣхъ Петербургскихъ невѣстъ, но всегда безъ успѣха. Имѣвъ несчастіе обратить на себя немилость Александра Павловича, который былъ слишкомъ къ нему строгъ, онъ вышелъ въ отставку, удалился отъ свѣта и женился на актрисѣ....

Недовольство Павла противъ Австріи, по взятіи Турина и пораженіи Корсакова, пало на графа Разумовскаго. Онъ былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, присланный въ Вѣну для переписки съ Суворовымъ и арміею нашею. Вскорѣ самъ Колычевъ получилъ приказаніе ѣхать въ Карлсбадъ на воды, и я, влюбленный въ первый разъ въ жизни, принужденъ былъ за нимъ слѣдовать. Въ Богеміи я оставался однако недолго и вскорѣ воротился въ Россію, куда меня призывала бабушка. Чувствуя приближеніе своей кончины, она просила у Государя о дозволеніи мнѣ вернуться въ Россію. Не смотря на быстроту, съ которою я ѣхалъ, я уже не засталъ ея въ живыхъ. Графъ Ростопчинъ, управлявшій въ то время Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, велѣлъ меня допустить въ архивъ, чтобы я могъ познакомиться съ прежними договорами и изучить исторію иностранныхъ сношеній нашего двора. Я ежедневно посѣщалъ архивъ и дѣлалъ экстракты изо всѣхъ бумагъ, которыя читалъ. Экстракты эти составили нѣсколько толстыхъ тетрадей. Я ихъ съ собою увезъ въ Вѣну, когда вторично туда поѣхалъ и оставилъ тамъ, вмѣстѣ съ гитарою, флейтою, клавикордами и богатымъ гардеробомъ. Все это отдалъ я на попеченіе Анстета, и все попало въ руки Французовъ во время занятія Вѣны Бонапартомъ. Я помню, меня изъ архивныхъ бумагъ особенно заняли сношенія наши съ Венеціанскою республикою и переписка графа Орлова-Чесменскаго съ Екатериною о Таракановой.

Государь немедля исполнилъ просьбу бабушки, которой всегда выказывалъ чувство уваженія. Онъ не забывалъ дядю моего Павла Александровича Бибикова, старшаго сына бабушки, товарища его дѣт-

ства, который погибъ вслѣдствіе своей къ нему преданности. Когда Государь отправился за границу, подъ именемъ графа Сѣвернаго, онъ поручилъ дядѣ, состоявшему флигель-адъютантомъ при Екатеринѣ (ихъ было всего три или четыре) сообщать ему извѣстія о дворѣ и вообще о томъ, что̀ дѣлается въ Россіи. Тайная переписка эта не могла не компрометировать дяди. Хотя онъ былъ на хорошемъ счету у Государыни, однако ненависть къ всемогущему въ ту пору князю Потемкину побудила его представлять событія въ темномъ свѣтѣ и не скупиться на сильныя выраженія. Имѣя однажды сообщить что-то особенно важное великому князю, онъ поручилъ это дѣло своему адъютанту д'Огерти, d'Oguerty (состоя въ генеральскомъ чинѣ, онъ имѣлъ адъютанта) и отправилъ его за границу. Не знаю, какимъ образомъ объ этомъ узнали, и графъ Броунъ, Рижскій генералъ-губернаторъ, получилъ приказаніе захватить бумаги, которыя Огерти везъ съ собою. Броунъ его пригласилъ учтивымъ образомъ къ себѣ отобѣдать и въ то время какъ Огерти спокойно ѣлъ, посланные графа перерыли всѣ его вещи и подъ подошвою сапога нашли письмо Бибикова. Письмо это было немедленно доставлено въ Петербургъ; вскорѣ дядю потребовали къ тогдашнему генералъ-прокурору князю Вяземскому и тайно заключили въ крѣпость. Вина дяди была велика; но Государыня, всегда милосердая и не забывавшая великихъ заслугъ дѣдушки, не захотѣла судить собственнаго своего адъютанта по всей строгости законовъ. Его назначили командиромъ полка (гарнизона?) въ Колѣ, самомъ сѣверномъ городѣ Архангельской губерніи, въ странѣ холодной и пустынной, гдѣ сосланный вскорѣ сдѣлался жертвою убійственнаго климата, глубокаго отчаянія и преданности къ великому князю, котораго былъ товарищемъ и другомъ.

*

Во время царствованія Павла Петровича, Петербургъ былъ вовсе невеселымъ городомъ. Всякій чувствовалъ, что за нимъ наблюдали, всякій опасался товарища и собранія, которыя, кромѣ кое-какихъ баловъ, были рѣдки. На балахъ этихъ однако молодые люди встрѣчались съ молодыми дѣвицами, и любовь не теряла правъ своихъ. Я, подобно другимъ, заплатилъ ей дань, и N. N., къ которой пылалъ любовію, казалась ко мнѣ благосклонною. Я сталъ находить, что въ Петербургѣ очень хорошо живется, когда ревнивый соперникъ [48]), влюбленный въ туже особу, сталъ искать случая завести со мною ссору. Мы нигдѣ не встрѣчались; никогда не случалось намъ, въ то время, быть вмѣстѣ въ одной и той же гостиной. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ коемъ значилось, будто я позволилъ себѣ говорить дурно объ особѣ, которую онъ обязанъ защищать и что онъ съумѣетъ заставить меня дать ему удовлетвореніе. Я поспѣшилъ къ нему, чтобы уз-

---

[48]) Князь Борисъ Антоновичъ Святополкъ-Четвертинскій, умершій въ Москвѣ 1863 г. оберъ-шталмейстеромъ, тогда молодой гвардейскій офицеръ. Лѣтъ 50 послѣ описываемаго гр. Рибопьеромъ событія, оба соперника, никогда другъ друга не видавшіе, нечаянно встрѣтились въ одномъ изъ Московскихъ магазиновъ. Графъ Рибопьеръ сейчасъ же узналъ князя; но, видя, что послѣдній его не признаётъ, показалъ ему шрамъ на рукѣ. Старые соперники дружески пожали другъ другу руки.

нать, въ чемъ дѣло; но онъ никого не назвалъ и продолжалъ считать себя обиженнымъ. Мы дрались съ нимъ на шпагахъ, и въ то время какъ я ему нанесъ ударъ выше локтя, онъ меня ранилъ въ ладонь такъ сильно, что перервалъ артерію. Я принужденъ былъ вынести мучительную операцію, и едва успѣли сдѣлать мнѣ первую перевязку, какъ ко мнѣ пріѣхали оберъ-полицмейстеръ и генералъ-губернаторъ графъ Паленъ съ повелѣніемъ отъ Императора сдѣлать мнѣ допросъ. Говорятъ, будто кто-то донесъ Государю, что соперникъ мой, взявъ подъ свою защиту княгиню Анну Петровну Гагарину, о которой я будто говорилъ дурно, порыцарски вызвалъ меня на поединокъ. Государь, самъ рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова и все еще на меня разгнѣванный за прежнее, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выказать на мнѣ всю свою строгость. Я никогда ничего не говорилъ противъ княгини Анны Петровны, и болѣе трехъ лѣтъ не приходилось мнѣ слова перемолвить съ моимъ соперникомъ. Отъ природы скромный и осторожный, я жилъ въ то время довольно уединенно въ кругу близкихъ мнѣ людей. Государь исключилъ меня изъ службы; у меня отняли Мальтійскій крестъ и камергерскій ключъ и засадили въ крѣпость въ секретномъ казематѣ. По мѣрѣ того какъ Павелъ наказывалъ, гнѣвъ его все болѣе и болѣе разгорался: онъ отправилъ мать мою и сестеръ въ ссылку, конфисковалъ домъ нашъ и все имущество въ Петербургѣ и окрестностяхъ, отдалъ матушку подъ надзоръ полиціи, запретилъ принимать на почтѣ какъ наши письма, такъ и тѣ, которыя были намъ адресованы; наконецъ, онъ подвергъ 24 часовому домашнему аресту великаго князя Александра Павловича за то, что, какъ первый Петербургскій генералъ-губернаторъ, онъ не представилъ рапорта о моей дуэли. Графъ Паленъ былъ за тоже на время удаленъ отъ двора, также какъ и дядя мой Кутузовъ [49]), котораго Государь обвинилъ въ томъ, что онъ имѣлъ видъ огорченнаго родственника, тогда какъ вышеупомянутый мой дядя никогда ни въ комъ не принималъ участія....

Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, былъ со мною ласковъ и любезенъ. Онъ считался Гатчинцемъ— презрительное прозвище, которымъ награждали всѣхъ находившихся при Павлѣ Петровичѣ въ Гатчинѣ, до вступленія его на престолъ. Это были почти всё люди темные, безъ образованія и воспитанія. Многихъ Павелъ помѣстилъ въ гвардію, другихъ назначилъ къ разнымъ должностямъ. Мы ихъ презирали, и они передъ нами унижались. Что касается до Обольянинова, то онъ былъ хорошаго дворянскаго рода и съ благодарностью вспоминалъ о благосклонности къ нему дѣдушки Александра Ильича, подъ начальствомъ котораго началъ онъ свою службу. Онъ былъ добрый и кроткій человѣкъ, не безъ познаній. Смотритель моего каземата, нѣкто *Ильинъ*, также помнилъ дѣдушку, подъ командою котораго ходилъ противъ Пугачева. Онъ былъ ко мнѣ очень предупредителенъ. Солдату, стоявшему на часахъ у дверей

---

[49]) У Александра Ильича Бибикова были двѣ родныя сестры: Аграфена Ильинишна за ген. пор. Иваномъ Матвѣевичемъ Толстымъ и Евдокія Ильинишна за адмираломъ 1-го класса Иваномъ Логиновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, и одна единокровная, Екатерина Ильинишна, за фельдм. княземъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Смоленскимъ. Здѣсь рѣчь идетъ объ адмиралѣ Кутузовѣ. Онъ былъ одно время любимцемъ Павла Петровича.

моей темницы, фамилія моя была извѣстна, такъ какъ онъ долгое время стоялъ въ полку въ одномъ изъ нашихъ имѣній. Солдатъ этотъ вполнѣ поступилъ ко мнѣ въ услуженіе. Мнѣ пріятно вспоминать обо всѣхъ этихъ достойныхъ людяхъ, столь добрыхъ ко мнѣ во время моего заключенія; но изъ всѣхъ тѣхъ, кто выказалъ мнѣ привязанность, никто не имѣетъ столько правъ на мою вѣчную благодарность, сколько *Иванъ Новицкій*. Онъ былъ крѣпостнымъ парикмахеромъ моей матери, и притомъ весьма искуснымъ, такъ что имѣлъ большую практику, копилъ деньги и жилъ въ довольствѣ. Когда матушку сослали, Иванъ бросился къ Обольянинову. Послѣдній, хотя и временщикъ, принялъ его благосклонно. «Что̀ тебѣ надобно?» спросилъ онъ. «Барыня моя сослана», отвѣчалъ Новицкій, «молодой баринъ въ тюрьмѣ. Я могу ему быть полезенъ: прикажите меня запереть съ нимъ вмѣстѣ». Обольяниновъ, тронутый такою преданностію, обнялъ его и приказалъ свести его ко мнѣ въ тюрьму. Пришедши въ мое помѣщеніе, онъ заплакалъ отъ радости и сталъ цѣловать мою лѣвую руку (правая была ранена и въ перевязкахъ). Не упоминая о ссылкѣ матушки (о чемъ я узналъ только по моемъ освобожденіи), онъ что-то сунулъ мнѣ подъ подушку и сказалъ: «Возьмите, это я приберегъ; мнѣ оно не нужно, а вамъ можетъ понадобиться. Мнѣ дозволили съ вами свидѣться, и я васъ уже болѣе не оставлю». Всю жизнь мою я горевалъ о томъ, что не пришлось мнѣ доказать Новицкому мою благодарность. Вскорѣ я вернулся въ Вѣну, а когда я снова пріѣхалъ въ Петербургъ, его уже не было въ живыхъ.

Здѣсь кстати разскажу черту самой трогательной заботливости, какую могло только придумать материнское сердце. Было рѣшено, чтобы не усилить моего горя, не сообщать мнѣ о ссылкѣ моихъ домашнихъ. П. Х. Обольяниновъ дозволилъ Ивану Васильевичу Тутолмину, старому другу нашего дома, присылать мнѣ кое-какія блюда, тонкія кушанья, а также и фрукты, дозволенные докторами. Матушка возымѣла счастливую мысль оставить много адресовъ, писанныхъ ея рукою, которые мнѣ и высылались на блюдахъ. Видя раза по два въ день дорогую мнѣ руку матери, я не безпокоился на ея счетъ.

Александръ Павловичъ, въ самый день восшествія своего на престолъ, приказалъ выпустить меня на волю и возвратилъ мнѣ прежнее мое званіе. Въ тотже день курьеръ поскакалъ за матушкою, которая не успѣла еще доѣхать до имѣнія, назначеннаго ей мѣстомъ изгнанія. На улицахъ цѣловались и поздравляли другъ друга. Россія привѣтствовала царствованіе Александра какъ эру освобожденія, какъ зарю прекраснаго дня. На двери моей темницы приклеена была надпись: *«свободна отъ постоя»*. Государь повелѣлъ освободить всѣхъ лицъ, арестованныхъ покойнымъ родителемъ его, между прочими и одного Поляка, переведеннаго въ другой казематъ, чтобы очистить для меня мѣсто. Когда его повели обратно, послѣ моего освобожденія, онъ вообразилъ, что его ведутъ на казнь. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, очутившись въ старомъ помѣщеніи; но каковъ былъ его восторгъ, когда черезъ нѣсколько дней его выпустили на волю!

Послѣ праздниковъ коронаціи, которые были веселы, великолѣпны и блестящи, я возвратился въ Вѣну. Государь желалъ, чтобы, по примѣру Воронцова, Нарышкина [30]) и другихъ товарищей, я снова

---

[30]) Графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ.

поступилъ въ гвардію, жертвуя чиномъ д. с. совѣтника и камергерствомъ. Но не эти преимущества меня заботили: я пристрастился къ дипломатической службѣ и далъ слово графу Разумовскому вернуться въ Вѣну. Вслѣдствіе этого я сдѣлалъ видъ, будто не понимаю, что со мною хотятъ сдѣлать, за что Государь долго на меня гнѣвался.

*

Къ началу царствованія Александра относятся нижеслѣдующія два письма графа Рибопьера, писанныя въ Вѣну къ его бывшему начальнику и найденныя въ архивѣ князя Разумовскаго. Приводимъ ихъ въ переводѣ.

I.

Послѣднее письмо мое, переданное вамъ курьеромъ, я предполагалъ отправить по почтѣ; вотъ почему я надписалъ его лично вамъ. Князь (Чарторыжскій) подшутилъ надо мною, какъ надъ ребенкомъ. Я все еще числюсь въ его канцеляріи, но вмѣсто того чтобы работать, едва нахожу себѣ мѣстечко среди 34 лицъ, состоящихъ при его сіятельствѣ. Эта тьма писцовъ только мараетъ бумагу (ne fait que du noir sur du blanc).—Пахучій Татищевъ [51]) одинъ только работаетъ въ кабинетѣ у князя. Говорятъ о войнѣ. Байковъ, вернувшійся тому дней десять изъ Парижа, снова туда отправляется курьеромъ. И такъ мы также будемъ воевать. Военные или вѣрнѣе маленькіе господа, туго затянутые въ лосины, съ восторгомъ предаются надеждѣ вскорѣ пожать лавры. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Колычевъ, какъ собака на стойкѣ: онъ выжидаетъ отъѣзда графа Семена Романовича [52]). Онъ мнѣ самъ *откровенно* признался, что ему обѣщали Лондонскій постъ. Будбергъ, который здѣсь уже два мѣсяца, безпокоитъ своимъ присутствіемъ Колычова, хотя въ городѣ назначаютъ перваго къ консулу. Графъ Кочубей въ дурныхъ отношеніяхъ съ дворомъ; онъ ѣдетъ въ деревню, но отъ этого дѣла пойдутъ лучше. Благодаря Бога, у него помощникомъ графъ Строгановъ, превѣтренный геній, талантливая опытность котораго подаетъ намъ лучшія надежды. Онъ и Новосильцовъ служатъ пѣшками нашему князю [53]). Онъ ихъ ставитъ впередъ, заставляетъ говорить и дѣйствовать, и хотя самъ не показывается, однако всѣмъ будетъ управлять одинъ. Я не говорю о себѣ: жизнь моя пуста и глупа. Я завѣсилъ будущность свою чернымъ флеромъ. Это грустно въ 20 лѣтъ, но когда не имѣешь независимаго положенія и не питаешь страсти къ походамъ, нельзя ни на что расчитывать. Сохраните мнѣ ваше благорасположеніе; преданность моя къ вамъ составляетъ главную черту моего бытія. У насъ нѣтъ отъ васъ извѣстій. Смѣю надѣяться, что вы не забудете обо мнѣ, когда будете писать въ Петербургъ.

$^{2}/_{14}$ Апрѣля 1802.

---

[51]) Дмитрій Павловичъ Татищевъ, впослѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ, а потомъ оберъ-камергеръ (1767†1845).

[52]) Т. е. отъѣзда графа Воронцова изъ Англіи; его тогда ждали въ Петербургъ.

[53]) Т. е. князю Адаму Чарторыжскому, въ то время товарищу министра иностранныхъ дѣлъ.

II.

Я не отправлялъ до сегодняшняго дня письма, которое теперь честь имѣю представить. Господамъ служащимъ въ канцеляріи (изъ которыхъ одни Греки, а другіе Жиды), признаюсь, не вполнѣ довѣряю. Я предпочелъ дождаться отъѣзда Васильчикова [54]) и передать ему письмо, а равно и объясненіе, которое имѣлъ на дняхъ съ княземъ. Онъ меня къ себѣ вызвалъ и поручилъ писать Анстету съ предложеніемъ пріѣхать въ Петербургъ и занять мѣсто начальника одной изъ экспедицій. Онъ меня завѣрилъ, что васъ объ этомъ предупредилъ; поэтому я ничего не возразилъ и написалъ Анстету. Мы были съ нимъ съ глазу на глазъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заговорить о моей будущности. Я его спросилъ, не знаетъ-ли онъ, почему крестный мой отецъ совершенно ко мнѣ измѣнился. Онъ расхохотался. Наконецъ, послѣ долгихъ съ моей стороны настояній, онъ сказалъ, что Государю передали какіе-то мои разговоры, но что онъ не знаетъ ни того, кто это передалъ, ни содержанія того, что̀ мнѣ приписывали. Онъ прибавилъ: «мнѣ тоже передали, что вы коечто разсказываете про меня и мою канцелярію». Можете себѣ представить, каково было мое удивленіе! Я его завѣрилъ, что все это клевета и, быть можетъ, слишкомъ разгорячившись, сталъ просить объ отставкѣ. Въ утѣшеніе, онъ сказалъ мнѣ, что былъ отмѣннаго обо мнѣ мнѣнія, но что мои 20 лѣтъ и то, что̀ было ему передано, поколебали то хорошее впечатлѣніе, которое я на него произвелъ. Онъ довольно слабо со мною поспорилъ касательно моего намѣренія выдти въ отставку. На этомъ мы разстались. Съ тѣхъ поръ я здраво все обдумалъ. Я совѣтовался съ матушкою, и рѣшился чистосердечно объявить князю, что если онъ не можетъ меня примирить съ Государемъ и, по обѣщанію, дать занятіе: то я съ своей стороны не вижу причины оставаться на службѣ, отъ которой не могу ожидать ни пользы, ни повышенія и что я прошусь, *по вольности дворянства*, въ отставку [55]). Черезъ два или три дня судьба моя будетъ рѣшена. Мнѣ сегодня минулъ 21 годъ. Будущность моя самая плачевная. Заслуживъ неблаговоленіе Государя, находясь на дурномъ счету у того, кто пользуется всемогущимъ на него вліяніемъ, я долженъ служить изъ-за жалованія, котораго не буду достоинъ. Вы меня слишкомъ хорошо знаете, чтобы сомнѣваться въ томъ, что я, не смотря на мою бѣдность, отъ жалованья этаго откажусь. Смѣю надѣяться, что вы одобрите мое рѣшеніе. Вы не станете вѣрить клеветѣ, сочиненной низкими людьми. Мысль, что вы мнѣ отдадите справедливость, будетъ для меня великимъ утѣшеніемъ среди всѣхъ непріятностей, которыхъ я ожидаю. Извините за всѣ эти скучныя подробности: я не могу не передать вамъ все, что̀ до меня касается. Я вамъ преданъ на вѣки.

Далѣе слѣдуетъ продолженіе Записокъ.

Я вернулся въ Вѣну, какъ въ родную семью; выраженіямъ дружбы и любезностямъ не было конца. Я снова принялся за работу

---

[54]) Алексѣя Васильевича.
[55]) Въ подлинникѣ слова эти написаны порусски.

подъ дружескимъ наблюденіемъ Анстета, и время протекало незамѣтно [56]).

Во время случая Зубова, шевалье Де-Саксъ (chevalier de Saxe), незаконный сынъ герцога Максимиліана Саксонскаго, пріѣхалъ попытать счастія въ Россіи. Императрица приняла его отмѣнно милостиво, обращалась съ нимъ почти какъ съ принцемъ, допустила его въ число приближенныхъ и даже назначила ему ежегодную пенсію въ 2000 рублей, которая по закону Петра Великаго выдавалась принцамъ Римской имперіи, поступавшимъ на нашу службу. Князь Зубовъ выказывалъ тоже сочувстіе къ этому шевалье. Одинъ молодой князь Щербатовъ [57]), бывшій еще въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ и весьма дурно воспитанный, встрѣтивъ Де-Сакса, съ которымъ почти не былъ знакомъ, на Екатериненгофскомъ гуляньи, фамиліарно къ нему подошелъ и спросилъ его: «comment vous portez vous» [58]). Шевалье, ѣхавшій верхомъ и не желавшій знакомства съ Щербатовымъ, рѣзко отвѣчалъ: «Sur mon cheval». Отвѣтъ этотъ былъ переданъ Щербатовымъ его товарищамъ по полку. Объ этомъ много говорили по городу со всякими комментаріями, осудили шевалье и наконецъ рѣшили, что столь важное обстоятельство требовало серіознаго объясненія. Объясненіе это только раздражило противниковъ, и однажды при выходѣ изъ Французскаго театра, Щербатовъ, остановивъ шевалье, потребовалъ сатисфакціи. Настойчивость мальчика разсердила вспыльчиваго шевалье, и онъ забылся до того, что далъ противнику пощечину. Щербатовъ изъ всѣхъ силъ ударилъ его палкою по головѣ. Общество имѣло дурной вкусъ прозвать палки, похожія на ту, которую носилъ въ этотъ вечеръ Щербатовъ, Щербатовскими (à la Scherbatoff). Такъ какъ драка произошла въ публичномъ мѣстѣ, то полиція вмѣшалась въ дѣло, и шевалье, не смотря на его Русскій полковничій мундиръ, отведенъ въ заточеніе. Вскорѣ однако его выпустили, и онъ написалъ письмо къ Зубову, требуя правосудія. Но вмѣсто отвѣта шевалье, по высочайшему повелѣнію, выслали за границу.

Можно себѣ представить негодованіе Де-Сакса, живаго, вспыльчиваго, но вполнѣ благороднаго и къ тому же извѣстнаго храбреца! Едва переступилъ онъ за Русскую границу, какъ сталъ посылать вызовы къ князю Зубову, котораго подозрѣвалъ въ ревности и въ подсылкѣ Щербатова, а также къ сему послѣднему за оскорбленіе, оставившее неизгладимые слѣды на лбу его. Не получая отвѣтовъ ни отъ того, ни отъ другаго, шевалье Де-Саксъ напечаталъ въ газетахъ посланные имъ оскорбительные вызовы; но князь Зубовъ съ высоты своего могущества не соблаговолилъ обратить на нихъ вниманія; а Щербатовъ, въ то время мальчишка, отправленъ былъ къ родителямъ въ Москву или въ деревню. Наступило царствованіе Павла I; ни тому ни другому невозможно было ѣхать въ Германію,

---

[56]) 20 Апрѣля 1801 г. графъ Рибопьеръ переименованъ былъ въ д. с. совѣтники.

[57]) Князь Николай Григорьевичъ Щербатовъ, р. 1778, ум. 1845, былъ впослѣдствіи генералъ-маіоромъ; въ описываемое время ему было лѣтъ 15 или 16.

[58]) Шевалье отвѣчалъ игрою словъ, которую невозможно передать: Comment vous portez vous слово въ слово: какъ вы себя носите; шевалье Де-Саксъ, принимая буквальное значеніе фразы, отвѣчалъ: sur mon cheval, т. е. на моей лошади.

гдѣ ихъ ждалъ противникъ [59]). Я ежедневно видѣлся въ Вѣнѣ съ шевалье Де-Саксомъ, въ первое мое тамъ пребываніе; его тамъ любили, и онъ имѣлъ обширное знакомство. Сначала, какъ Русскій, я ему былъ не по сердцу; но мы вскорѣ сошлись, и онъ мнѣ откровенно признался, что, не смотря на мои 16 лѣтъ, онъ рѣшился было со мною поссориться и вызвать меня на поединокъ; скромность и открытое поведеніе мое его обезоружили. Мы снова встрѣтились теперь въ Вѣнѣ, и вскорѣ послѣ меня туда пріѣхали князь Зубовъ и князь Щербатовъ. Послѣдній говорилъ, что онъ спѣшилъ съ тѣмъ, чтобы помѣшать поединку князя Зубова съ шевалье Де-Саксомъ; но Зубовъ пріѣхалъ ранѣе, и по этому условія дуэли были установлены, и рѣшено было драться въ Петерсвальдѣ, на границахъ Саксоніи и Богеміи. Въ то время какъ шли переговоры касательно этого поединка, Зубовъ не разъ приходилъ ко мнѣ, въ комнату, занимаемую мною въ посольствѣ. Тогда убѣдился я, какъ мало было твердости духа въ этомъ баловнѣ счастія. Правда, онъ шелъ на поединокъ, но онъ не могъ иначе поступить, послѣ полученныхъ имъ отъ шевалье публичныхъ оскорбленій, и на поединокъ этотъ онъ шелъ какъ слабая женщина, приговоренная къ мучительной операціи. Смиренно и тихо входилъ онъ теперь, почти каждый день, въ мою комнату. Онъ меня зналъ ребенкомъ. Невольно, глядя на него, вспоминалъ я времена его могущества, когда онъ держалъ себя какъ неприступный сатрапъ: разсѣвшись передъ зеркаломъ, въ то время какъ парикмахеръ убиралъ и пудрилъ ему волосы, онъ не соизволялъ обернуться ни для какого пола, ни для какого вельможи, являвшихся къ нему съ поклонами, и только слегка кивалъ головою, глядя на нихъ въ зеркало. Голова эта кружилась отъ упоенія Фортуною. Вообще говоря, онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ не лишенъ былъ ума и имѣлъ познанія; но не по немъ была та высота, на которую онъ попалъ случайно, и съ которой также случайно упалъ послѣ внезапной кончины своей покровительницы. Приходя ко мнѣ въ Вѣнѣ, Зубовъ постоянно говорилъ про Императрицу, которая меня такъ любила и память которой была дорога намъ обоимъ... Зубовъ дрался крайне смѣшно: прежде чѣмъ взяться за шпагу, онъ сталъ на колѣна, долго молился; потомъ, наступая на шевалье, онъ наткнулся рукою на его шпагу и, чувствуя, что получилъ царапину, объявилъ, что долѣе не можетъ драться. Шевалье, нанеся ему ударъ, воскликнулъ: вы мнѣ надоѣли! Нѣсколько дней послѣ этой дуэли, Щербатовъ нагналъ шевалье Де-Сакса въ Теплицѣ. Они дрались на пистолетахъ въ Петерсвальдѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Зубовъ. Шевалье былъ убитъ на повалъ съ перваго выстрѣла. Щербатовъ долгое время упражнялся въ стрѣльбѣ и хорошо сдѣлалъ, ибо иначе онъ бы неминуемо палъ подъ могучею и ловкою рукою шевалье Де-Сакса, такъ какъ по условіямъ поединка, въ случаѣ, если бы оба промахнулись, соперники должны были взяться за шпаги. Отправ-

[59]) Бантышъ-Каменскій и анонимный авторъ біографіи Зубова (Русская Старина 1876) говорятъ, что Зубовъ получилъ отъ Павла дозволеніе путешествовать за границею. О пребываніи его въ Германіи при Павлѣ упоминаетъ и Масонъ въ своихъ мемуарахъ. О путешествіи же Зубова при Александрѣ никто не говоритъ, но оно подтверждается не только Мемуарами графа А. И. Рибопьера, но и депешами посла графа Разумовскаго.

ляясь въ Теплицъ, Щербатовъ увидѣлъ зайца, перебѣгавшаго черезъ дорогу; онъ схватился за пистолетъ и убилъ его на поваль.

*

Въ 1803 году старшая сестра моя, Елисавета Ивановна, вышла за мужъ за Александра Александровича Полянскаго, сына столь извѣстной графини Елисаветы Романовны Воронцовой. Матушка хотѣла, чтобы я былъ на свадьбѣ. Я поскакалъ курьеромъ. При выѣздѣ изъ Кракова, въ 26 градусный морозъ съ страшною метелью, меня вывалили изъ саней. Я расшибся, заболѣлъ и принужденъ былъ семь недѣль жить въ Краковѣ, на попеченіи семейства Чарторыжскихъ, которые ходили за мною какъ родные. Я всѣхъ ихъ уже зналъ кромѣ княгини-матери [60]. Я вовсе не думалъ окончательно поселиться въ Петербургѣ и, пріѣхавъ, только и помышлялъ о томъ, какъ бы скорѣе вырваться. Я жилъ безъ дѣла, въ постоянномъ ожиданіи, ни къ чему особенно не привязываясь. Такъ незамѣтно протекли два года. У меня завелись кое-какія любовныя интриги, и мнѣ не разъ предлагали выгодныя партіи, но я о женитьбѣ еще не думалъ [61].

Во время праздниковъ коронаціи началось значеніе Н—ой; кокетливая и, быть можетъ, даже нѣсколько болѣе чѣмъ кокетливая, она скоро соскучилась своимъ положеніемъ и не отвергала ѳиміама простыхъ смертныхъ. Ко мнѣ она была крайне любезна, но изъ преувеличеннаго, быть можетъ, чувства благоговѣнія къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, я не обратилъ вниманія на ея милости и вскорѣ замѣтилъ, что подвергся гнѣву красавицы изъ красавицъ. Гнѣвъ этотъ вмѣстѣ съ опалою, въ которой я находился, раза два помѣшалъ мнѣ занять должности, которыя я имѣлъ въ виду. Въ то время, чтобы быть на виду, необходимо было пользоваться благорасположеніемъ Н., которая впрочемъ, надо ей отдать справедливость, держала себя очень скромно и никому не вредила.

Императрица Елисавета Алексѣевна очень отличала князя Адама Чарторыжскаго. При Павлѣ Петровичѣ онъ внезапно былъ назначенъ посломъ къ Сардинскому королю, который въ то время жилъ въ Кальяри. Будучи въ Римѣ, князь Чарторыжскій заказалъ двѣ статуи или вѣрнѣе двѣ группы, изображавшія, одна: Амура кормящаго Химеру, а другая Химеру кормящую Амура.... Елисавета Алексѣевна была въ перепискѣ съ принцессою Маріею Виртембергскою [62] и подписывалась подъ письмами къ ней именемъ «Селаниры»..... [63].

---

[60]) Извѣстная княгиня Изабелла Чарторыжская, родомъ графиня Флемингъ, называемая «маткою ойчизны», ярая Полька, что не мѣшало ей быть въ открытой связи съ кн. Н. В. Репнинымъ, отъ котораго она имѣла сына, извѣстнаго князя Адама Чарторыжскаго; онъ унаслѣдовалъ Репнинскую смуглость.

[61]) 1 Декабря 1804 графъ Рибопьеръ возвращенъ въ Россію и оставленъ при Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

[62]) Принцесса Марія, родомъ княжна Чарторыжская (р. въ 1765, ум. 1854), была замужемъ за принцемъ Лудовикомъ-Фредерикомъ Александромъ Виртембергскимъ, съ которымъ развелась въ 1792 вслѣдствіе Польскаго своего энтузіазма: принцъ сражался противъ Поляковъ. Онъ женился вторично на принцессѣ Нассауской и былъ дѣдомъ, по матери, теперешняго короля Виртембергскаго. У принцессы Маріи былъ единственный сынъ принцъ Адамъ, генералъ нашей службы, съ которымъ она также поссорилась изъ-за политики.

[63]) Селанира—героиня романа, сочиненнаго принцессою Виртембергскою.

Я былъ въ то время одинъ изъ старшихъ камергеровъ; старше меня былъ только нѣкто господинъ Жеребцовъ, племянникъ князя Зубова, никому не показывавшійся и не ѣздившій ни ко двору, ни въ общество. Такимъ образомъ, въ отсутствіе оберъ-камергера, я занималъ его мѣсто и представлялъ Государю и императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ лицъ ими принимаемыхъ. Государь прозвалъ меня своимъ *подставнымъ* (postiche) оберъ-камергеромъ. Прозваніе это, не весьма лестное, до того мнѣ не понравилось, что въ одно Воскресенье я сказался больнымъ, чтобы болѣе его не слыхать. Въ тѣ времена, въ отсутствіе оберъ-камергера, мѣсто его занималъ старѣйшій изъ камергеровъ. Преимущество это строго наблюдалось самою Екатериною. Однажды оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, за болѣзнію оберъ-камергера И. И. Шувалова, вздумалъ было подать руку Государынѣ; но она ему замѣтила, что преимущество это по праву принадлежитъ сыну его Александру Львовичу, который одинъ только, какъ старшій камергеръ, можетъ занять мѣсто отсутствующаго оберъ-камергера. Государю и Государынѣ представлялись каждое Воскресенье то въ городѣ, то на Каменномъ острову; такимъ образомъ представленія не накоплялись, и рѣдко когда болѣе четырехъ или пяти человѣкъ являлись одновременно. Однажды я представлялъ А. И. Италинскаго [64]), возвращавшагося изъ Константинопольскаго посольства и Леонтія Магницкаго отца, пріѣхавшаго изъ Москвы, гдѣ онъ служилъ прокуроромъ Синодальной Конторы. Одинъ не видалъ Петербурга 40, а другой 42 года. Крайне интересно было слушать ихъ разсказы: судя по словамъ ихъ, городъ въ этотъ промежутокъ времени баснословно измѣнился.

Скучая бездѣйствіемъ, я желалъ принять участіе въ кампаніи, столь несчастно для насъ кончившейся Аустерлицкимъ пораженіемъ; но дядя мой Кутузовъ [65]) сказалъ матушкѣ, что отецъ мой уже палъ въ его глазахъ на штурмѣ Измаила, и что поэтому онъ опасается взять меня съ собою на войну.

Общественное мнѣніе вызвало на слѣдующій годъ въ предводители нашихъ войскъ фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго. Онъ какъ-то доводился дядею моей матери, и по ея просьбѣ получилъ отъ Государя разрѣшеніе взять меня съ собою, къ неудовольствію барона

---

[64]) Андрей Ивановичъ Италинскій, гувернеръ князя Виктора Павловича Кочубея, потомъ повѣренный въ дѣлахъ въ Неаполѣ и посланникъ сперва въ Константинополѣ, а впослѣдствіи въ Римѣ, гдѣ онъ и умеръ, завѣщавъ богатую свою библіотеку нашему тамъ посольству, съ тѣмъ чтобы ею пользовались пріѣзжающіе въ Римъ Русскіе артисты и ученые. Къ сожалѣнію, почти вся библіотека была растаскана питомцами Музъ. Италинскій былъ одинъ изъ замѣчательныхъ дипломатовъ. Вездѣ, гдѣ онъ находился представителемъ Россіи, нравственное вліяніе его было громадное. Разсказываютъ, что одинъ монахъ Зурла (Zurla) поднесъ черезъ нашу миссію въ Римѣ императору Александру подробную карту Россіи на Итальянскомъ языкѣ. Черезъ министерство дано приказаніе Италинскому выхлопотать у папскаго правительства монаху Зурлѣ какое нибудь повышеніе. Италинскій исполнилъ высочайшую волю, и одного его слова было довольно, чтобы простаго монаха облечь въ Римскую багряницу: таково было въ тѣ времена наше вліяніе. Кардиналъ Зурла сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ учеными своими трудами.

[65]) Т. е. дѣдъ-дядя.

Будберга, человѣка мелкаго и тщеславнаго, занявшаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ мѣсто князя Чарторыжскаго [66].

Армія раздѣлена была на два корпуса. Однимъ командовалъ графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, а другимъ Леонтій Леонтіевичъ Бенингсенъ. Оба генерала враждовали между собою и встрѣтили Каменскаго съ жалобами. Корпуса были далеко не такъ сильны, какъ то думалъ Государь: при нихъ не было ни запасныхъ магазиновъ, ни гошпиталей; въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ дороги были окончательно испорчены и не допускали передвиженія войска. Бонапартъ стоялъ въ виду во главѣ сильной арміи. При малѣйшемъ успѣхѣ онъ могъ войти въ Россію. Чтобы предупредить такую бѣду, фельдмаршалъ рѣшился соединить войска и прикрыть ими нашу границу, для чего предписалъ общее отступленіе, а самъ поѣхалъ въ Вильну, куда сталъ стягивать всѣ разбросанныя силы, находившіяся подъ его командою. Между тѣмъ генералъ Бенингсенъ разбилъ непріятеля при Пултускѣ и Голыминѣ и остановилъ на время наступательное его движеніе. Если бы графъ Буксгевденъ во время явился на подмогу, пораженіе Бонапарта было бы совершенное; но Буксгевденъ не двинулся, хотя стоялъ въ двухъ переходахъ отъ поля сраженія и слышалъ каждый пушечный ударъ. Назначеніе Каменскаго было со стороны Государя только уступкою общественному мнѣнію. Вообще онъ къ фельдмаршалу не благоволилъ, и распоряженія новаго начальника, совершенно противныя высочайшимъ инструкціямъ, окончательно раздражили Александра Павловича. Дѣйствуя, быть можетъ, нѣсколько опрометчиво, онъ приказалъ Каменскому сдать команду, назначилъ ему Гродну мѣстомъ ареста и, вызвавъ Буксгевдена въ Петербургъ, передалъ команду генералу Бенингсену.

Оставшись одинъ при графѣ Каменскомъ, съ того дня какъ онъ въ Остроленкѣ покинулъ армію, я сдѣлался за разъ начальникомъ его штаба, дежурнымъ его генераломъ, директоромъ его канцеляріи, его секретаремъ, его писцомъ и его компаніономъ. Тяжкія минуты провелъ я съ этимъ желчнымъ старикомъ; но за то успѣлъ изучить нравъ его. У него было много природнаго ума; онъ имѣлъ обширныя познанія, отлично говорилъ пофранцузски и понѣмецки, воспитавшись во Франціи и тамъ проходивъ даже военную службу. Онъ съ отличіемъ служилъ при Екатеринѣ, извѣстенъ былъ храбростью и былъ замѣчательный тактикъ. Вообще графъ Каменскій пользовался блестящею военною репутаціею. Но при этомъ онъ былъ горячъ и вспыльчивъ, характеръ имѣлъ несносный, сердился за всякую бездѣлицу и былъ требователенъ до мелочности. Совѣсть запрещала мнѣ покинуть его въ невзгодѣ, но мнѣ нечего было дѣлать при смѣщенномъ полководцѣ, и я понапрасну терялъ время. Къ счастію, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, отправляясь въ армію, проѣхалъ черезъ Гродну и, явившись къ фельдмаршалу, не безъ труда добился того, чтобы себялюбивый старикъ согласился отпустить меня.

Я отправился къ генералу Бенингсену и вмѣстѣ съ графомъ К. В. Нессельроде сдѣлалъ всю кампанію въ качествѣ дипломатическаго комисара. Послѣ битвы при Прейсишъ-Эйлау, Нессельроде отправленъ былъ къ графу Разумовскому, съ тѣмъ чтобы посолъ этотъ

---

[66]) Въ 1806 и 1807 годахъ графъ Рибопьеръ состоялъ при главнокомандующемъ арміями въ званіи дипломатическаго комисара.

всѣми силами старался уговорить Вѣнскій дворъ стать на нашу сторону. Въ это время раздоръ поселился среди нашего лагеря. Генералы баронъ Ф. В. Остенъ-Сакенъ вмѣстѣ съ графомъ П. А. Толстымъ и графомъ А. И. Остерманомъ (всѣ трое были начальниками дивизій), открыто не повиновались Бенингсену. Если бы Сакенъ выступилъ во время, какъ ему было приказано, Гутштадское дѣло было бы блестящею побѣдою. Бенингсенъ хотя и храбрый воинъ, былъ однако слабъ характеромъ и не умѣлъ держать въ рукахъ подчиненныхъ. Онъ сообщилъ о своихъ затрудненіяхъ князю Багратіону. Мы составили совѣтъ, на которомъ рѣшено было, что князь Петръ Ивановичъ передастъ Государю о настоящемъ положеніи дѣлъ. Багратіонъ поѣхалъ съ секретнымъ рапортомъ, который былъ мною составленъ и написанъ и который произвелъ такое впечатлѣніе на Государя, что онъ отправилъ въ армію Н. Н. Новосильцова, самаго приближеннаго къ себѣ человѣка, чтобы возстановить порядокъ и дисциплину. Такимъ образомъ имѣю полное право сказать, что я уничтожилъ затѣянный противъ главнокомандующаго заговоръ и убѣдилъ Бенингсена довести о немъ до свѣдѣнія Государя. Новосильцовъ привезъ Андреевскіе знаки Бенингсену и съ успѣхомъ исполнилъ порученіе. Баронъ Остенъ-Сакенъ послѣ кампаніи былъ отданъ подъ судъ. Дѣло затянулось и ничѣмъ не кончилось: неосужденный и неоправданный Сакенъ въ послѣдствіи снова получилъ корпусъ, во главѣ котораго одержалъ блестящія побѣды въ 1813 году и былъ комендантомъ Парижа во время перваго занятія. Между тѣмъ непріятель осаждалъ Данцигъ, и положено было обратиться за помощью къ Швеціи. Я отправленъ былъ къ Государю, выступавшему во главѣ гвардейскихъ полковъ и находившемуся на границѣ. Государь не только одобрилъ эту мысль, но пожелалъ, чтобы предложеніе это пошло отъ него и вручилъ мнѣ собственноручное письмо къ королю Шведскому.

Я засталъ короля въ Малмё, и онъ принялъ меня крайне милостиво. Я былъ при немъ дней восемь. Въ это время я установилъ всѣ подробности той экспедиціи, которую король брался предпринять противъ Французовъ. Приписываю двумъ причинамъ хорошій пріемъ мнѣ сдѣланный, а равно и готовность, съ которою согласились на всѣ мои представленія. Мое нежданное появленіе сперва всѣхъ крайне напугало. Король, всегда пылкій и своевольный, захватилъ, не смотря на представленія министровъ, ту часть субсидій платимыхъ Англіею, которая по праву принадлежала Россіи. Онъ вообразилъ, что я пріѣхалъ требовать этихъ денегъ. Секретарь короля по иностраннымъ дѣламъ г. фонъ-Ветерштедтъ служилъ нѣкогда при Штедингѣ, Шведскомъ послѣ въ Петербургѣ. Этотъ Ветерштедтъ былъ очень застѣнчивъ, мало выѣзжалъ въ свѣтъ и жилъ весьма уединенно. Я случайно съ нимъ познакомился и имѣлъ случай доказать ему дружбу. Возвратясь на родину, Ветерштедтъ понравился королю, который приблизилъ его къ себѣ и въ отсутствіе министровъ съ нимъ однимъ занимался дѣлами. Ветерштедтъ принялъ меня въ Малмё какъ стараго друга, давалъ мнѣ полезные совѣты, много обо мнѣ говорилъ своему Государю и склонилъ его на мою сторону. Я каждое утро проводилъ у короля. По цѣлымъ часамъ мы ходили вдоль и поперекъ его кабинета. Онъ меня распрашивалъ обо всемъ, говорилъ про политику, про дѣла Шведскія, про Россію, очень много разсказывалъ про Павла I, къ которому высказывалъ большую сим-

патію, тѣмъ болѣе странную, что этотъ же самый Павелъ I, никогда не забывавшій разрыва его съ великою княжною Александрою Павловною, крайне рѣзко съ нимъ обошелся во время втораго его пріѣзда въ Петербургъ и даже приказалъ ему доложить, что лошади его готовы для обратнаго пути. Король зналъ все, что я претерпѣлъ отъ Павла Петровича, и ему, кажется, понравилась сдержанность, съ которою я говорилъ о покойномъ Императорѣ.

Онъ мнѣ передалъ свой отвѣтъ Государю, и въ отвѣтѣ этомъ крайне лестно обо мнѣ отзывался. Впрочемъ экспедиція, которой я добился, лишь на нѣкоторое время отсрочила окончательное паденіе Данцига. Городъ сдался войску, предводимому маршаломъ Лефебромъ. Въ Мальмё я ежедневно видѣлъ Шведскую королеву, которую знавалъ отроковицею, когда она сопровождала сестру свою императрицу Елисавету Алексѣевну въ Петербургъ; мой гувернеръ, г. Дюпюже давалъ ей въ то время уроки Французскаго языка. Во время моего пребыванія въ Мальмё, я ежедневно обѣдалъ сидя между королемъ и королевой. Придворный этикетъ былъ строжайше соблюдаемъ. Гофмаршалъ графъ Пиперъ, въ Шведскомъ костюмѣ, подносилъ каждый разъ на золотомъ подносѣ чашку кофею, хотя король никогда кофею не пилъ. Музыка играла во время обѣда. Принцесса Марія Брауншвейгская, сестра королевы, нашла себѣ въ то время убѣжище отъ Наполеона при Шведскомъ дворѣ. Она была необыкновенной красоты. Я засталъ тоже въ Мальмё Страттона, Англійскаго посланника, котораго я близко знавалъ въ Вѣнѣ. Я привезъ къ нему письмо отъ Гутчинсона (Hutchinson), Англійскаго посланника въ Пруссіи, который мнѣ выдалъ паспортъ на проѣздъ въ Швецію. Этотъ проклятый Англичанинъ, котораго я засталъ въ Мемелѣ (гдѣ я сѣлъ на корабль), зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ хотѣлъ заставить меня высказаться, и потому за столомъ далъ мнѣ выпить рюмку какого-то питія, отъ котораго у меня внезапно зашумѣло въ головѣ, и языкъ сталъ до того тяжелъ, что я не могъ вымолвить ни единаго слова. Этотъ первый опытъ Британской честности произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе и, признаюсь, дальнѣйшее обхожденіе всѣхъ Англичанъ, съ коими имѣлъ я дѣло, нисколько впечатлѣнія этого не ослабило.

По возвращеніи моемъ изъ Швеціи, я провелъ нѣсколько дней въ Кенигсбергѣ, гдѣ находилась тогда королева Прусская съ сестрою своею принцессою Сольмсъ, впослѣдствіи королевою Ганноверскою. Я поѣхалъ туда вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, графомъ П. А. Строгановымъ и Н. Н. Новосильцовымъ, моими благопріятелями. Вильсонъ, о которомъ впослѣдствіи такъ много говорили, пріѣхалъ тоже туда. Мы всѣ были въ восторгѣ отъ королевы, но восторгъ нашъ выказывали крайне умѣренно, на сколько то дозволяло приличіе; что же касается до Вильсона, то онъ предавался ему какъ безумный, и потому сталъ предметомъ нашихъ насмѣшекъ. Въ то время я занимался музыкою и пѣвалъ недурно и охотно. По утрамъ я хаживалъ къ госпожѣ Труксесъ, одной изъ штатсъ-дамъ; туда же приходила и королева, чтобы вмѣстѣ заниматься музыкою. Мы ежедневно обѣдали у ея величества, а вечеромъ катались или на лодкахъ, или въ каретахъ. Королева брала съ собою гитару и пѣла во время плаванія. Веселые дни эти недолго продолжались; мы вернулись въ армію при возобновленіи военныхъ дѣйствій, пріостановленныхъ безъ перемирія.

За выигранною нами Гейльсбергскою битвою вскорѣ послѣдовало пораженіе, которое повело къ Тильзитскому свиданію и миру. Я поѣхалъ за Государемъ въ Шавли и засталъ его тамъ. Онъ стоялъ на дворѣ дома, принадлежавшаго князю Зубову. Домъ наскоро очищали отъ невѣроятной грязи, его наполнявшей. Увидавъ меня, Государь сказалъ: «Посмотри, въ какомъ видѣ домъ его свѣтлости; нѣтъ возможности войти въ него». (Онъ еще питалъ къ Зубову, ухаживавшему нѣкогда за М. А., чувство досады). Государь пробылъ въ Шавляхъ всего дня два; прискакавшій изъ арміи курьеръ объявилъ, что Бонапартъ желаетъ вступить въ переговоры. Его Величество немедля уѣхалъ; я помчался вслѣдъ, получивъ повелѣніе ѣхать въ Тильзитъ, куда князья Куракинъ и Лобановъ только что прибыли въ качествѣ уполномоченныхъ. Дорогою со мною случилось несчастіе: лошадь моя, испуганная выстрѣломъ передоваго Французскаго солдата, который цѣлился въ меня, кинулась въ лѣсъ, и такъ шибко, что я ударился о дерево и ударомъ этимъ расшибъ себѣ переносицу. Я упалъ безъ чувствъ, а ѣхавшій за мною казакъ, вмѣсто того, чтобы помочь мнѣ, поскакалъ въ главную квартиру объявить, что я убитъ. Извѣстіе это всѣхъ напугало, такъ какъ Государь проѣхалъ уже въ Тильзитъ, гдѣ онъ имѣлъ при себѣ всего одинъ баталіонъ. Князь Багратіонъ, возвращавшійся изъ Тильзита, поднялъ меня и перенесъ въ занимаемый имъ домъ, находившійся неподалеку. Луи де Талейранъ [67]), съ которымъ я былъ очень друженъ и графъ де Флао [68]), пользуясь только что заключеннымъ перемиріемъ, навѣстили меня и едва могли меня узнать: до того я былъ обезображенъ покрывшею мое лице опухолью. Черезъ нѣсколько дней я оправился и могъ доѣхать до Тильзита. Бонапарта и свиту его увидалъ я только разъ въ окошко. У князя Куракина встрѣтилъ я Талейрана и маршала Даву. Свиданіе Государя съ Бонапартомъ происходило на плоту, поставленномъ посреди Нѣмана, который отдѣлялъ одну армію отъ другой. По этому случаю сочинены были стихи:

Sur un radeau
J'ai vu deux maîtres de la terre;
Sur un radeau
J'ai vu le plus rare tableau:
J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre,
Et le sort de l'Europe entière.
Un tel radeau
Terminera plus d'une affaire;
Un tel radeau
Vaut mieux que le plus beau vaisseau.
Je parierais que l'Angleterre
Craindrait moins une flotte entière
Q'un tel radeau.

(На плоту видѣлъ я двухъ властелиновъ земли, на плоту видѣлъ я самое рѣдкое зрѣлище: я видѣлъ миръ, я видѣлъ войну и судьбу цѣлой Европы

---

[67]) Виконтъ Августъ-Людовикъ Талейранъ-Перигоръ былъ тогда Французскимъ генералъ-лейтенантомъ. Графъ Рибопьеръ знавалъ его въ Вѣнѣ.

[68]) Графъ Флао де ла Биллардери (Flahault de la Billarderie), блестящій офицеръ и адъютантъ Наполеона, впослѣдствіи посолъ въ Англіи. Отъ королевы Гортензіи онъ имѣлъ сына, герцога Морни. Рибопьеръ знавалъ Флао въ Вѣнѣ.

на плоту. Такой плотъ порѣшитъ много дѣлъ; такой плотъ стоитъ самаго прекраснаго корабля; я увѣренъ, что для Англіи менѣе страшенъ цѣлый флотъ, чѣмъ такой плотъ).

Государь не разъ обѣдалъ у Наполеона; но сей послѣдній, мнительный и недовѣрчивый и къ тому же судившій Александра по тому, на что самъ былъ способенъ, не принялъ отъ него ни одного угощенія. Онъ часто говорилъ Государю: «*Угостите же меня вашимъ прекраснымъ Русскимъ чаемъ;* назначались день и часъ посѣщенія, но каждый разъ, подъ какимъ-нибудь пустымъ предлогомъ, свиданіе отмѣнялось.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого злосчастнаго Тильзитскаго договора, которому Пруссія обязана была грустнымъ своимъ существованіемъ, дарованнымъ ей *ради* императора Александра Павловича, король и королева Прусскіе прибыли въ Петербургъ, чтобы заявить свою благодарность. Они пріѣхали въ Декабрѣ, въ страшный холодъ. Генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, тогдашній придворный острякъ, говорилъ, что, желая достойно чествовать ихъ Прусскія величества, имъ показали 30 баталіоновъ гвардіи, 30 эскадроновъ и 30 градусовъ мороза; что подожгли домъ князя Гагарина, чтобы показать имъ какъ горятъ самые роскошные дворцы, наполненные мраморами, картинами и драгоцѣнными мебелями, и что, наконецъ, уморили самаго знатнаго Русскаго вельможу (графа Шереметева), чтобы доставить ихъ величествамъ рѣдкое зрѣлище богатыхъ похоронъ. Много лѣтъ спустя, пришлось мнѣ передать эту плохую шутку королю, что̀ его очень позабавило. На первомъ придворномъ балѣ, королева пожелала узнать, кто имѣлъ честь танцовать съ Государынею. Императрица Елизавета Алексѣевна первымъ назвала меня, и я, по зову королевы, танцовалъ съ нею. Государь былъ этимъ недоволенъ, такъ какъ онъ всегда ставилъ впередъ военныхъ, и просилъ королеву танцовать съ его генералъ-адъютантами. Въ честь короля и королевы даны были праздники въ зимнемъ и въ Таврическомъ дворцахъ, съ иллюминаціями и фейерверками, а также въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ воспитанницы протанцовали балетъ. Балетъ этотъ далеко оставилъ за собою все, что̀ ставилось на большомъ театрѣ, потому что дѣйствующими лицами были дѣвицы, которыя возбуждали сочувствіе, по родству своему съ знатными особами, и восхищали зрителей дѣвственною своею граціею.

*

Въ 1809 г. графъ Рибопьеръ женился на внучкѣ князя Таврическаго, Екатеринѣ Михайловнѣ Потемкиной. Мать ея Татіана Васильевна, вторично вышедшая замужъ за князя Н. Б. Юсупова, была очень дружна съ Рибопьерами. Молодые люди были знакомы съ ранняго дѣтства. Склонность ихъ была взаимна. Но княгиня Юсупова мечтала для дочери о богатомъ замужествѣ, и бракъ не улаживался. Екатерина Михайловна была красавицею, Александръ Ивановичъ былъ молодецъ собою; ихъ обоихъ очень любили, и романъ ихъ возбуждалъ всеобщее участіе. Двоюродные братья невѣсты, князья Голицыны и графъ Браницкій, были очень дружны съ Александромъ Ивановичемъ и горячо взялись за дѣло. Послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось имъ добиться согласія княгини Юсуповой.

Александръ Васильчиковъ.

Село Коралово. Ноябрь 1876.

(До слѣдующей книги).

Письма графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ его прикащику Кабанову.

«Заслуги графа Орлова-Чесменскаго, какъ слуги царскаго, какъ гражданина, какъ сына Отечества, уже достойно оцѣнены продолжателемъ великихъ дѣлъ Екатерины II-ой, Александромъ II-мъ, и изображеніе героя Чесмы красуется на подножіи памятника величайшей изъ державныхъ правителей, которою гордится не только Россія, но и все человѣчество».

Эти слова были мною сказаны въ 1875 году при торжественномъ празднованіи столѣтняго юбилея графа Орлова Чесменскаго въ Москвѣ, въ которой онъ провелъ послѣднія 35 лѣтъ своей жизни.

Собирая біографическія свѣдѣнія объ этой высокой, симпатичной личности, я между прочими источниками имѣлъ въ рукахъ письма графа къ управляющему его Хрѣновскимъ имѣніемъ и коннымъ заводомъ Ивану Кабанову, изъ которыхъ три особенно замѣчательны. Кабановъ, крѣпостной дворовый человѣкъ, родомъ изъ с. Острова, былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ на рысистыхъ лошадяхъ. Графъ Орловъ самъ училъ его этому искусству. Онъ былъ опредѣленъ управляющимъ въ село Хрѣновое, откуда былъ уволенъ въ 1809 г. дочерью графа, графинею Анною Алексѣевною, выдавшею ему, по кончинѣ графа, отпускную и 15,000 рублей награжденія. Кабановъ купилъ тогда домъ въ Воронежѣ на имя своего зятя Вяхирева, вмѣстѣ съ нимъ снималъ степи въ аренду и завелъ свой собственный конный заводъ. Въ 1853 году онъ еще былъ живъ и, узнавъ, что я занимаюсь изученіемъ коннозаводской дѣятельности графа Орлова, прислалъ мнѣ, черезъ извѣстнаго нашего коннозаводчика Ивана Дмитріевича Ознобишина, цѣлую пачку собственноручныхъ писемъ къ нему графа Орлова.

Передавая печати нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, я счелъ нужнымъ, для удобнѣйшаго чтенія, исправить правописаніе; для поясненія же нѣкоторыхъ выраженій присоединилъ подстрочныя примѣчанія.

Василій Коптевъ.

I.

1801 г. Сентября 23, изъ Москвы.

Кабанову добраго здоровья желаю съ потрохомъ [1]) и со всѣми ему подчиненными. Письмо подъ № 23 и съ приложеннымъ реестромъ о выѣзжаемыхъ тобою лошадяхъ нонче получено; а прежде посланныя тобою ко мнѣ лошади бѣговыя до сихъ мѣстъ доведены благополучно; только не всѣхъ еще видѣлъ: видѣлъ только пятерыхъ, 3-хъ жеребцовъ и двухъ мереновъ. И твой любимецъ такъ учтиво былъ прі-

---

[1]) Т. е. съ семействомъ.

ѣзженъ. Амазонкѣ заплатилъ три калачика [2]), которые Сеня Битюцкій и поднесъ Сенькѣ Дрезденскому [3]), въ которомъ числѣ и я получилъ одинъ калачикъ, сказалъ Битюцкому спасибо, что хорошо ѣзжены лошади. Хотя и есть маленькой недостаточекъ на ѣздѣ, головы низко гнутъ и сильно везутъ; но вообще всѣ лошади ладно ѣзжены. А какъ за всѣмъ онымъ твой присмотръ былъ, за что тебя благодарю много. Иноходца я еще не видѣлъ и самъ въ Островѣ [4]) не былъ, и онъ немного позахромалъ. Я же жеребцовъ къ тебѣ отправлю и оставлю Усана и мереновъ [5]). Признаюсь, и мнѣ хочется у тебя побывать и житье-бытье твое посмотрѣть; только не знаю еще, когда удастся. Знаю, сколько ты безъ меня пострадалъ [6]); а Господь милостивъ къ намъ, и теперь поживемъ во славу святую, сколько Господь поможетъ [7]).

А вотъ и 24 № мною полученъ. Слава Богу, что у васъ все здорово; а какъ теперь у тебя дѣла много, то и оставайся при мѣстѣ начатое дѣло докончивать; а дастъ Богъ впредь увидимся. Боюсь, чтобы почта не ушла. У меня же много теперь разъѣзду и ко мнѣ много пріѣзду. Я же желаю тебѣ благополучія и милости Божіей и есмь съ моимъ доброжелательствомъ доброхотный тебѣ графъ Орловъ-Чесменской. Я, благодаря Господа, довольно здоровъ, и графинѣ слава Богу лучше: поправляется хорошо.

II.

1807 г. Августа 23 дня. Изъ Москвы.

Кабанову добраго здоровья желаю со всѣмъ твоимъ семействомъ. Я доѣхалъ сюда довольно здоровъ; но здѣсь немного позахворалъ, а

---

[2]) «Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій», пишетъ современникъ его въ Запискахъ Студента (1805 года), «держалъ пари на деньги за своихъ скаковыхъ лошадей только съ Ѳ. С. Мосоловымъ, прочіе же заклады онъ всегда держалъ на Московскіе калачи». См. Журн. Коннозаводства за Февраль 1842 № 2, стр. 48.

[3]) У графа между прочими наѣздниками были изъ лучшихъ три *Семена*: Бѣлый (Битюцкій), Черный и Мочалкинъ; сей послѣдній назывался *Дрезденскимъ;* ибо жилъ при графѣ въ г. Дрезденѣ, когда, по волѣ императора Павла I, графъ долженъ былъ жить за границею, не въѣзжая въ Россію. Между прочими лошадьми графомъ были взяты съ собою въ Дрезденъ двѣ рысистыя кобылы Арфа и вышеупомянутая Амазонка, и онъ самъ ѣздилъ на нихъ.

[4]) Село Островъ находится въ 18 верстахъ отъ Москвы.

[5]) Изъ этого видно, что въ то время въ ѣзду употреблялись у насъ въ Россіи, какъ и нынѣ за границею, преимущественно мерена и кобылы; жеребцы же по испытаніи отсылались въ заводъ для расплода. Въ настоящее время у насъ въ ѣздѣ преимущественно употребляются жеребцы.

[6]) Это письмо писано вскорѣ послѣ воцаренія императора Александра I-го и по возвращеніи графа изъ Дрездена, куда онъ былъ сосланъ Павломъ I. Онъ говоритъ здѣсь о притѣсненіяхъ мѣстныхъ властей, которыя они дѣлали въ имѣніи находившагося подъ опалою вельможи.

[7]) Такъ радостно привѣтствовали люди того времени зарю надеждъ, наступившую съ воцареніемъ императора Александра I-го.

вамъ желаю добраго здоровья. Донесеніе твое получено, въ которомъ ты прописываешь бытность твою въ Воронежѣ и что губернаторъ тебя уговаривалъ, чтобъ лошадей ты поставилъ, что будетъ какъ ему, такъ и полковнику пріятно; но я, не видя на оное Государева повелѣнія, не хочу по прихотямъ другихъ дѣлать. Сіе пишу для тебя только, приказъ же мой къ тебѣ посланъ, который ты можешь и губернатору показать; а буде станетъ требовать необходимо правленіемъ, можешь лошадей отобрать и не менѣе полутораста рублей продавать; а буде будутъ браковать и меньше цѣну давать, погони ихъ всѣхъ назадъ. Все оное пишу, чтобы ты все оное зналъ, и если кому не нравится, а мнѣ что за нужда, что они отнесутся. Пусть относятся куда хотятъ; въ ономъ я уже отвѣчаю, а по чужой дудкѣ я не умѣю плясать. Всѣ же лошади, которыхъ ты представишь, должны быть заклеймены: хотятъ берутъ, хотятъ нѣтъ, хотябы они тобою и скуплены были; потому что я знаю, какъ въ таковыхъ случаяхъ лошадей перемѣняютъ въ пользу свою. А буде бы оное угодно было Государю—онъ мой, а я его подданный: такъ и всѣ ему Государю принадлежимъ. А буде что непріятное съ тобою воспослѣдуетъ, присылай ко мнѣ съ нарочнымъ. А что щенята отъ Мошки подохли, пускай оное. На дняхъ Коловечъ не принесетъ ли чего [8]), я же есмь доброхотный тебѣ графъ А. Орловъ-Чесменской. Также никому изъ пріѣзжающихъ къ тебѣ въ заводъ смотрѣть лошадей, никому не показывай; продажныхъ же можешь показывать; назначенныхъ же лошадей для привода въ Москву отправлять, да при благополучной погодѣ. Увѣдомь меня, когда они тобою отправлены будутъ.

III.

1807 Сентября 17 числа. Изъ Острова.

Кабанову Терентьичу добраго здоровья со всѣми тебѣ врученными. Донесенія твои мною получены. Прописываешь объ зятѣ твоемъ, чтобъ дозволилъ ему опять по прежнему бить скотину у меня на сало, и топить сало нынѣшній годъ дозволяю [9]); но впредъ ни подъ

---

[8]) Графъ Орловъ имѣлъ псовую охоту въ селѣ Островѣ, состоявшую изъ 40 гончихъ и 40 борзыхъ собакъ подъ управленіемъ ловчаго Кузьмы Дементьева, перешедшаго къ графу изъ охоты Лопухина (тестя графа, который былъ женатъ на Евдокіи Николаевнѣ Лопухиной). На охоту графъ самъ не ѣздилъ, но держалъ оную для увеселенія гостей, устроивая садки. Тѣмъ не менѣе графъ самъ велъ родословныя клички своихъ собакъ (студъ-бухъ), строго придерживаясь веденія породъ въ чистотѣ. До сихъ поръ еще ведутся усовершенствованныя графомъ породы такъ называемыхъ Орловскихъ голубей, бойцовыхъ гусей и даже канареекъ.

[9]) При Хрѣновскомъ имѣніи находилось на хуторахъ 25 ватагъ овецъ по 2000 головъ въ каждой; ихъ били на мясо, которое солилось, а сало топилось; также было по 20 гуртовъ воловъ. Всѣ эти овцы и волы были Донскіе покупные, и число ихъ каждогодно пополнялось покупкою въ Черноморскихъ степяхъ.

какимъ видомъ онаго не дѣлать. Самъ помнишь, что на тебя въономъ уже доносили, да и я объ ономъ тебя спрашивалъ и дозволялъ, но увидя какъ-бы чисто и осторожно дѣла свои велъ. Но все сумнительства и подозрѣніевъ избѣжать не можешь, чего для запрещаю тебѣ сальный промыслъ вести, а отдавать на чистыя деньги. И въ рощахъ ходить есть вещь непріятная, какъ случилось и съ братомъ Вяхирева, которую къ тебѣ возвращаю. Да нелѣпой купецъ пріѣзжалъ на тебя; и ты ко мнѣ росписки обѣщалъ представить, но я ихъ не видалъ, и еще повторяю осторожну быть и въ разсчетахъ быть осторожнѣе. Зять же твой проситъ меня о степи, чтобы ему впредъ отдать; я ему сказалъ, чтобъ онъ у тебя торговалъ оную и что̀ будутъ другія давать, и ты ему за оную цѣну уступи, хотя-бы одинъ рубль надnесъ.

Въ небытность же мою здѣсь много непорядковъ нашелъ; по старости же моихъ лѣтъ довольно слабости чувствую. Дочь твоя здорова, весела и зачала верхомъ ѣздить, и очень радуется, и все ей хочется, чтобъ поскорѣе; но ей воли не даютъ [10]). Служитъ же она графинѣ усердно и очень благонравна. «Фарфороваго» я продалъ и взялъ за него восемь сотъ рублевъ. Хорошо, что ты похваляешь молодыхъ въ упряжкѣ; не вели ихъ заторапливать въ ѣздѣ. Взятыя же лошади мною всѣ перемѣнились къ лучшему. Одинъ Холстомѣръ [11]) не совсѣмъ еще исправился, нерѣдко приталкиваетъ; а Воронецъ обѣгаетъ кобылы А. А. Чесменскаго [12]). Дай Боже, чтобъ вы здоровы были. Доброхотный тебѣ графъ А. Орловъ-Чесменской.

---

[10]) При манежѣ Московскаго дома графа находились искусные берейторы Шульцъ, Шредеръ и Кипъ, и производилась верховая ѣзда, въ которой участвовало высшее Московское общество. Графиня Анна Алексѣевна (дочь графа) отлично ѣздила на бѣломъ жеребцѣ Бриллiантѣ высшую школу. С. П. Жихаревъ въ Запискахъ своихъ *(Дневникъ Студента 1805 года)* между прочимъ говоритъ: «о молодой княжнѣ Урусовой, урожденной Хитровой (кн. Ирина «Никитична) и княжнахъ Гагариныхъ (впослѣдствіи кн. Надежда Ѳедоровна «Четвертинская и княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская), о княжнахъ Щерба«товыхъ и Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзиной съ мужемъ» и прибавляетъ, что «сей послѣдній ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моціона». Это нашъ знаменитый исторіографъ, Николай Михайловичъ.

[11]) Одинъ изъ рѣзвѣйшихъ рысаковъ графа.

[12]) Побочный сынъ графа, умеръ въ двадцатыхъ годахъ, въ чинѣ генералъ-маіора, жилъ въ отставкѣ въ своемъ имѣніи Тульской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ, на *Мышкинскомъ* чугунно-плавильномъ заводѣ, куда я ѣзжалъ въ дѣтствѣ съ отцемъ моимъ.

Изъ Старой Записной Книжки начатой въ 1813 году.

Рубини сказалъ мнѣ: «Бѣда наша (т. е. пѣвцовъ) заключается въ томъ, что мы зачинаемъ пѣть хорошо, когда уже голосъ теряемъ».

Оно такъ и быть должно. Пока голосъ свѣжъ, звученъ, послушенъ и силенъ, пѣвецъ на него надѣется и не учится пѣть. Тоже бываетъ и съ жизнью. Молодая жизнь распѣваетъ и наслаждается. Она надѣется на себя, на силы свои. Что̀ ни предпринимай, какія трудности и препятствія ни загораживай дороги: ничего, жизнь вывезетъ! Наука жизни является позднѣе, когда живыя силы уже измѣняютъ: потокъ обмѣлѣлъ, пламень угасаетъ. Все таже старая исторія: возъ орѣховъ дается бѣлкѣ, когда

Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ,

какъ сказалъ Крыловъ.

*

Жуковскій однажды меня очень позабавилъ. Проѣздомъ черезъ Москву жилъ онъ у меня въ домѣ. Утромъ, приходитъ къ нему баринъ, кажется товарищъ его по школѣ или въ года первой молодости. Повидимому, баринъ очень скучный, до невозможности скучный. Разговоръ съ нимъ мается, заминается, процѣживается капля за каплею, слово за словомъ, съ длинными промежутками. Я не вытерпѣлъ и выхожу изъ комнаты. Спустя нѣсколько времени, возвращаюсь: баринъ все еще сидитъ, а разговоръ съ мѣста не подвигается. Бѣдный Жуковскій видимо похудѣлъ. Внутренняя зѣвота першитъ въ горлѣ его; она давитъ его и отчеканилась на блѣдномъ и изможденномъ лицѣ. Наконецъ баринъ встаетъ и собирается уйти. Жуковскій, по движенію добросердечія, можетъ быть совѣстливости за недостаточно-дружескій пріемъ, и вообще радости отъ освобожденія, прощаясь съ нимъ, цѣлуетъ его въ лобъ и говоритъ ему: прости, душка!

Въ этомъ поцѣлуѣ и въ этой *душкѣ* выглядываетъ весь Жуковскій.

Онъ же разсказывалъ Пушкину, что однажды вытолкалъ онъ кого-то вонъ изъ кабинета своего.—«Ну, а тотъ что̀»? спрашиваетъ Пушкинъ —«А онъ, каналья, еще вздумалъ обороняться костылемъ своимъ».

*

У графа Блудова была задорная собаченка, которая кидалась на каждаго, кто входилъ въ кабинетъ его. Когда, бывало, придешь къ

нему, первыя минуты свиданія, вмѣсто обмѣна обычныхъ привѣтствій, проходили въ отступленіи гостя на нѣсколько шаговъ и въ бѣготнѣ хозяина по комнатѣ, чтобы отогнать и усмирить негостепріимную собаченку. Жуковскій не любилъ этихъ эволюцій и уговаривалъ графа Блудова держать забіяку на привязи. Какъ - то долго не видать было его. Графъ пишетъ ему записочку и пѣняетъ за продолжительное отсутствіе. Жуковскій отвѣчаетъ, что заказанное имъ платье еще не готово и что, безъ этой одежды съ принадлежностями, онъ явиться не можетъ. При письмѣ собственноручный рисунокъ: Жуковскій одѣтъ рыцаремъ, въ шишакѣ и съ забраломъ, весь въ латахъ и съ большимъ копьемъ въ рукѣ. Все это, чтобы защищать себя отъ нападеній заносчиваго врага.

*

Спрашивали графа Блудова, какого онъ мнѣнія объ извѣстной личности. C'est toujours une bête, отвѣчалъ онъ, mais souvent une bête féroce (всегда животное, но часто звѣрское).

*

Денисъ Давыдовъ, въ молодости своей, сказалъ о комъ-то:

Возврату твоему съ похода всякъ дивится:
Какъ бѐзъ носу пойти, а съ носомъ возвратиться?

*

А вотъ еще чье-то старое четверостишіе:

Онъ рыцарь, онъ поэтъ, къ томужъ любовникъ пылкой;
Но дѣлаетъ онъ все и вкось и не впопадъ:
Онъ рябчикъ ложкой ѣстъ, онъ супъ хлѣбаетъ вилкой;
Не вѣритъ въ Бога онъ, а въ чорта вѣрить радъ.

*

У насъ слова̀: *ораторъ*, *ораторствовать* вовсе не Латинскаго происхожденія, а чисто Русскаго,—отъ слова *орать*. Послушайте нашихъ застольныхъ и при торжественныхъ случаяхъ витій!

*

Одинъ женатый этимологъ увѣрялъ, что въ Русскомъ языкѣ много сходства и созвучій съ Итальянскимъ. Напримѣръ, Итальянецъ называетъ жену свою: mia cara; а я, про свою, говорю: моя кара.

*

Въ концѣ минувшаго столѣтія было въ Петербургѣ вовсе не тайное, а дружеское и нѣсколько разгульное общество, подъ именемъ *Галера*. Между прочими были въ немъ два Пушкина: Алексѣй Михайловичъ и Василій Львовичъ и Хитровъ, въ свое время ловкій и счастливый волокита. Сей послѣдній былъ что-то въ родѣ Донъ-Жовани. Любовныя похожденія были въ то время въ чести и придавали человѣку извѣстность и нѣкоторый блескъ. Нравы регентства были не чужды намъ, и знаменитый по этой части Ришелье могъ бы найти въ Россіи совмѣстниковъ себѣ, а можетъ быть у кого-бы нибудь и поучиться. Разсказывали про Хитрова, что онъ, на разныя продѣлки въ этомъ родѣ, былъ не очень совѣстливъ. Не удастся ему, напримѣръ, достигнуть гдѣ-нибудь цѣли въ своихъ любовныхъ поискахъ, онъ вымещалъ неудачу, высылая карету свою, которая часть

почи стоитъ не подалеку отъ жительства непокорившейся красавицы. Иные подмѣчали это, выводили изъ того заключенія свои; а съ него было и довольно. Впрочемъ онъ былъ уменъ, блистателенъ и любезенъ; товарищи и молодежъ очень любили его. Онъ былъ образованъ и въ своемъ родѣ литературенъ. Алексѣй Пушкинъ разсказывалъ, что однажды, на военной сходкѣ, замѣтилъ онъ книжку въ гусарской сумкѣ его: это были элегіи Парни, только что изданныя въ Парижѣ. Хитровъ бросился къ Пушкину и говоритъ ему: «Ради Бога, молчи и не губи меня! Товарищи въ полку любятъ меня потому, что считаютъ меня служакой и гулякой и чуть-ли не безграмотнымъ. Какъ скоро провѣдаютъ они, что занимаюсь чтеніемъ Французскихъ книгъ, я человѣкъ пропадшій, и мнѣ въ полку житья не будетъ». Хитровъ былъ очень любимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, который умѣлъ цѣнить умъ и свѣтскую любезность. Пользовался онъ и благоволеніемъ императора Александра. Умеръ онъ въ царствованіе его, кажется, во Флоренціи, посланникомъ при Тосканскомъ дворѣ. Былъ онъ женатъ на дочери князя Кутузова-Смоленскаго, вдовѣ графа Тизенгаузена, незабвенной въ Петербургскихъ преданіяхъ Елисаветѣ Михайловнѣ.

Вотъ еще любезная личность, которую миновать не можетъ сочувственное воспоминаніе. Въ лѣтописяхъ Петербургскаго общежитья имя ея осталось также незамѣнимо, какъ было оно привлекательно въ теченіи многихъ лѣтъ. Утра ея (впрочемъ продолжавшіяся отъ часу до четырехъ по полудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонтъ, неизгладимо врѣзаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастіе въ нихъ участвовать. Вся животрепещущая жизнь Европейская и Русская, политическая, литературная и общественная, имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ родственныхъ салонахъ. Не нужно было читать газеты, какъ у Аѳинянъ, которые также не нуждались въ газетахъ, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались въ портикахъ и на площади. Такъ и въ двухъ этихъ салонахъ можно было запастись свѣдѣніями о всѣхъ вопросахъ дня, начиная отъ политической брошюры и парламентской рѣчи Французскаго или Англійскаго оратора и кончая романомъ или драматическимъ твореніемъ одного изъ любимцевъ той литературной эпохи. Было тутъ обозрѣніе и текущихъ событій; былъ и premier Pétersbourg съ сужденіями своими, а иногда и осужденіями, былъ и легкій фельетонъ, нравоописательный и живописный. А что̀ всего лучше, эта всемірная, изустная разговорная газета издавалась по направленію и подъ редакціей двухъ любезныхъ и милыхъ женщинъ. Подобныхъ издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вѣжливая и себя и другихъ уважающая свобода въ этихъ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ разговорахъ! Даже при выраженіи спорныхъ мнѣній не было спора и слишкомъ кипучихъ преній: это былъ мирный обмѣнъ мыслей, воззрѣній, оцѣнокъ, система: free trade, приложенная къ разговору. Не то, что̀ въ другихъ обществахъ, въ которыхъ задирчиво и стѣснительно господствуетъ запретительная система: прежде, чѣмъ выпустить свой товаръ, свою мысль, справляешься съ тарифомъ; вездѣ заставы и таможни

Въ числѣ сердечныхъ качествъ, отличавшихъ Елизавету Михайловну Хитрову, едва-ли не первое мѣсто должно занять, что она была неизмѣнный, твердый, безусловный другъ друзей своихъ. Друзей своихъ любить немудрено; но въ ней дружба возвышалась до степени доблести. Гдѣ и когда нужно было, она за нихъ ратовала, отстаивала ихъ, не жалѣя себя, не опасаясь за себя неблагопріятныхъ послѣдствій, личныхъ пожертвованій отъ этой битвы не за себя, а за другаго. Несчастная смерть Пушкина, окруженная печальною и загадочною обстановкою, породила много толковъ въ Петербургскомъ обществѣ; она сдѣлалась какимъ-то интернаціональнымъ вопросомъ. Вообще жалѣли о жертвѣ; но были и такіе, которые прибѣгали къ обстоятельствамъ, облегчающимъ вину виновника этой смерти и, если не совершенно оправдывали его (или, правильнѣе, ихъ) то были за нихъ ходатаями. Извѣстно, что тутъ замѣшано было и дипломатическое лицо. Тайна безъимянныхъ писемъ, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрѣнія, почти неопровержимыя, но нѣтъ положительныхъ юридическихъ уликъ. Хотя Елисавета Михайловна, по семейнымъ связямъ своимъ, и примыкала къ дипломатической средѣ, но здѣсь она безусловно и исключительно была на Русской сторонѣ. Въ Пушкинѣ глубоко оплакивала она друга и славу Россіи. Помню, что при возвращеніи изъ заграницы въ Петербургъ, при выходѣ моемъ съ парохода на берегъ, узналъ я о недавней кончинѣ Елисаветы Михайловны. Грустно было первое впечатлѣніе, привѣтствовавшее меня на родинѣ: не стало у меня внимательной, доброй пріятельницы; вырвано главное звѣно, которымъ держалась золотая цѣпь, связывающая сочувственный и дружескій кружокъ; опустѣлъ, замеръ одинъ изъ Петербургскихъ салоновъ, и такъ уже рѣдкихъ въ то время.

*

Великій князь Михаилъ Павловичъ, однажды, указывая на лицо, которое отправлялось въ Америку съ дипломатическимъ назначеніемъ, сказалъ мнѣ: Jamais le comte Nesselrode n'a montré plus de perspicacité et de tact, que dans cette nomination: c'est bien là une figure de l'autre monde (никогда графъ Нессельроде не выказывалъ столько проницательности и такта, какъ въ этомъ назначеніи: вотъ по истинѣ фигура съ того свѣта).

*

Много толкуютъ вездѣ, слѣдовательно и у насъ, *о печати* (la presse), о силѣ, о всемогуществѣ ея, объ ея обязанностяхъ и правахъ, вліяніи и о прочихъ свойствахъ и принадлежностяхъ ея. Оно такъ, но и не такъ. Печать не есть самобытная и нераздѣльная власть; напротивъ, она на дѣлѣ многосложна, многообразна. Это не самородный слитокъ, а наборная—безъ каламбура—штучная, мозаическая работа. Печать—орудіе, машина сама по себѣ бездѣйственная и приводимая въ движеніе и дѣйствіе только мыслію и рукою двигателя; слѣдовательно, все дѣло въ двигателѣ. Какова мысль, какова рука, такова и печать. Печать равнодушно, равно послушно и машинально печатаетъ истину и ложь, мудрость и нелѣпость. Пе-

чать ничто иное, какъ устное слово, переложенное на бумагу и закрѣпленное ей: изобрѣтеніе великое, едва-ли не высшее изъ всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній. Порохъ, паровая сила, электричество ей въ подметки не годятся. Она даетъ улетучивающемуся слову осѣдлость вѣковѣчную. Но все же, въ сущности своей, она тоже устное слово, застывшее, хотя оно и «тверже металловъ и выше пирамидъ» (Державинъ). А кажется—повторимъ мысль свою—никто спорить не будетъ, что какъ бываютъ умныя слова, такъ могутъ быть и глупыя, какъ бываютъ полезныя и назидательныя, такъ бываютъ вредныя и разрушительныя. Слѣдовательно, печати обобщать нельзя. Она не отвѣтственное, единичное лицо. Она цифра милліонъ. Имя ея легіонъ. Бѣда или недоумѣніе въ томъ, что каждый газетчикъ, каждый фельетонистъ, каждый борзописецъ говоритъ именемъ печати, какъ будто вся печать въ рукахъ его, какъ будто весь міръ печати лежитъ на плечахъ его. Онъ забываетъ, что чрезъ улицу отъ него есть другой журналистъ, другая печать, которые также носятъ на плечахъ своихъ міръ печати, но что эта печать говоритъ совсѣмъ другое, нежели та; не только совсѣмъ другое, но и діаметрально противорѣчащее ей. Эти два міра, и не два, а десять и двадцать, борятся между собою, силятся подорвать другъ друга, а если не подорвать, то осмѣять, обхаять, часто опозорить; и все во имя той-же печати, во славу и въ охраненіе достоинства ея. Журналистика въ наше время, какъ у насъ, такъ и вездѣ, является одною изъ богатѣйшихъ, многоплоднѣйшихъ вѣтвей того дерева познанія блага и зла, дерева, которое широко разрослось и глубоко укоренилось подъ именемъ печати. А потрудитесь внимательно и ближе посмотрѣть: вы увидите, что на этой вѣтви нѣтъ двухъ листьевъ совершенно другъ съ другомъ сходныхъ ни тканью, ни краскою, ни запахомъ. Вѣтвь эта полосатая, пестрая, арлекинская. Можно представить себѣ, какъ зарябитъ въ глазахъ и въ умѣ, если прилежно вглядѣться въ эту разноцвѣтность и пестроту. Печать, особенно журнальная, бдительная, боевая, выдаетъ себя въ своемъ разнообразіи за уполномоченнаго присяжнаго повѣреннаго отъ лица общественнаго мнѣнія, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ ей выдавать себя и за опекуна, за предводителя этого же общественнаго мнѣнія; а между тѣмъ у каждой газеты есть свое доморощенное, крѣпостное, къ газетѣ, какъ къ землѣ, приписное общественное мнѣніе. Что̀ городъ, то норовъ; что̀ газета, то мнѣніе. Этимъ мнѣніемъ она преподаетъ, проповѣдуетъ, устрашаетъ, обнадеживаетъ, пророчитъ, законодательствуетъ, казнитъ, милуетъ. Все это дѣйствуетъ на толпу: она увлекается печатью, идолопоклонствуетъ предъ нею, вѣруетъ въ нее или боится ея; а все потому, что кажется ей, что печать власть, воплощенная въ одно живоначальное и нераздѣльное цѣлое. Да, помилуйте, господа, успокойтесь и отрезвитесь; всмотритесь въ эту всемогущую, таинственную, роковую печать, и вы увидите, что здѣсь и тамъ стоятъ за нею все знакомые вамъ люди: Сидоръ Сидоровичъ, Пафнутій Пафнутьевичъ, а можетъ быть и Петръ Ивановичъ Бобчинскій. — Какъ Бобчинскій? Какой Бобчинскій? — Да все тотъ же, который въ уѣздномъ городкѣ своемъ тѣмъ

извѣстенъ, что онъ пѣтушкомъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣгаетъ за дрожками городничаго. Нынѣ онъ издаетъ газету—и почему не издавать бы ему газеты? И онъ сдѣлался частичкою печати, той всемірной и громадной паровой машины, которая завѣдываетъ и ворочаетъ судьбами частныхъ лицъ и народовъ. Пока вы не были подписчиками этихъ господъ, пока не платили имъ абонементнаго оброка, вѣдь вы мнѣніями ихъ не дорожили, не совѣтовались съ ними, не признавали за ними всевѣдѣнія и всемогущества, даже, можетъ статься, считали ихъ людьми довольно посредственными; а теперь, что они пріютились за волшебными ширмами и кулисами печати, вы съ трепетомъ, съ идолопоклонствомъ внимаете голосу ихъ, какъ голосу оракула. Право, за васъ смѣшно. Въ самообольщеніи своемъ вы забываете, что не боги горшки обжигаютъ, не они обжигаютъ и газеты и журналы, а все тѣже люди; въ людяхъ же есть всячина: человѣкъ человѣку рознь. Есть люди, которые и горшковъ не умѣютъ обжигать, не только что журналы. Но пора однакоже мнѣ оговорить себя. Я, можетъ быть, слишкомъ далеко зашелъ. Пожалуй, добрые люди подхватятъ и Богъ вѣсть какую напраслину на меня наклеплятъ: обзовутъ меня дикаремъ, ненавистникомъ просвѣщенія и проч. и проч. Напротивъ, люблю печать вообще и журналистику въ особенности не менѣе каждаго порицателя моего и уважаю ихъ вѣроятно болѣе, нежели многіе, но именно потому, что уважаю, то я и взыскателенъ, и разборчивъ, и мнителенъ. Отъ всей души желаю журналамъ здравствовать; молю Провидѣніе о благоденствіи и долгоденствіи ихъ. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобы находилъ я, что всѣ журналы хороши. Не слѣдуетъ и то, что я врагъ журналистики, когда говорю, что такой-то журналистъ взялся не за свое дѣло; а если за свое, то жаль, что это дѣло не литературное и не общеполезное. Вполнѣ признаю заслуги и благодѣянія, которыя можетъ оказать обществу печать и въ особенности періодическая, когда она честно и добросовѣстно направлена и съ умѣлостію ведена. Да къ тому же въ любви и въ уваженіи моемъ нѣтъ безкорыстія. Есть тутъ и расчетъ: хорошо или худо, я самъ принадлежу къ этой силѣ; радуюсь и горжусь тѣмъ, что ей принадлежу. Лично обязанъ я ей многими свѣтлыми радостями, можетъ быть, и нѣкоторыми сочувствіями со стороны благосклоннаго ближняго. Но признаемся, мы ни въ чемъ не любимъ крайностей и преувеличенія: скажемъ прямо, не любимъ надувательства ни свыше, ни снизу, ни съ боку. Не любимъ, когда словами отвлеченными, абстрактными, эластическими опутываютъ и съ толку сбиваютъ мысль и маскируютъ правду. Пускай печать остается тѣмъ, чѣмъ она есть, чѣмъ быть должна. Призваніе и значеніе ея достаточно велики и въ границахъ болѣе умѣренныхъ и узаконенныхъ. Не зачѣмъ выбѣгать ей за границы съ контрабандою. Она большая, необходимая, незамѣнимая пособница въ умственномъ развитіи и дѣятельности человѣчества; но эта дѣятельность опять же въ ней одной заряждается и сосредоточивается. Печать не жизнь, а отголосокъ жизни, самый звучный и продолжительный изъ всѣхъ отголосковъ. Для лучшаго упроченія и оправданія силы, выпавшей

на долю ея, въ виду собственной пользы своей, своего собственнаго достоинства, печать, особенно періодическая, должна отказаться отъ притязаній самовластія и самозванства; не должна она ни себя обманывать, ни морочить другихъ. Пусть она свое повелительное *я* или *мы* спуститъ нѣсколькими градусами пониже; голосъ ея этимъ окрѣпнетъ и просвѣтлѣетъ. Много чувствуемъ мы ея благодѣянія и много благодарны ей, но она слишкомъ часто сама провозглашаетъ себя благодѣтельницею и спасительницею человѣчества. Это по крайней мѣрѣ неловко. Еще одно: не слѣдуетъ каждому журналу, каждой газетѣ преподавать мнѣнія и приговоры свои отъ имени коллективной печати; таковой печати нѣтъ. Есть ихъ много, и каждая отвѣчай за себя. Не лучше ли будетъ, когда окажется въ томъ надобность, сказать напр., вотъ такъ: «высокія обязанности и права, возложенныя на такую-то типографію (назвать ее по имени) даютъ намъ смѣлость сказать то́-то и то-то». Оно будетъ скромнѣе, но вѣрнѣе; каждая типографія—часть печати, а не обсолютная печать. А теперь выходитъ, что каждый командующій взводомъ, каждый газетчикъ, говоритъ какъ будто Наполеонъ I, отъ имени всего побѣдоноснаго войска и, какъ онъ въ Египтѣ, возглашаетъ: «Воины, не забывайте, что съ высоты сихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ!»

*

«Какъ это тебѣ никогда не вздумалось жениться?» спрашивалъ посланника Шредера императоръ Николай, въ одинъ изъ проѣздовъ своихъ чрезъ Дрезденъ. — «А потому, отвѣчалъ онъ, что я никогда не могъ бы дозволить себѣ ослушаться Вашего Величества».—«Какъ же такъ»?—«Ваше Величество строго запрещаете азартныя игры, а изъ всѣхъ азартныхъ игоръ женитьба самая азартная».

Онъ не только оставался до конца старымъ холостякомъ, но и секретарей своихъ присуждалъ на схимническую холостую жизнь. Имѣть при себѣ женатаго секретаря казалось ему дипломатическою неблагопристойностью, чуть ли не преступленіемъ. Онъ былъ совершенный образецъ дипломата стараго покроя, старыхъ вѣрованій и обычаевъ. Въ числѣ хорошихъ его оффиціальныхъ качествъ было убѣжденіе, что хорошій дипломатъ долженъ имѣть хорошаго повара. Обѣды его славились въ Европѣ. Онъ умѣлъ кормить, но и любилъ кормить; умѣлъ придавать предлагаемому особый колоритъ, особенную смачность. За столомъ его вкусное блюдо было вдвое вкуснѣе, чѣмъ за другимъ столомъ. Дѣло мастера боится. Le style c'est l'homme. Онъ долго былъ въ царствованіе Александра I второстепенною пружиною въ нашей дипломатической администраціи: много лѣтъ совѣтникомъ при Парижскомъ посольствѣ, еще болѣе лѣтъ посланникомъ при Саксонскомъ дворѣ. Онъ такого былъ сложенія и строя, что не могъ не быть долго на томъ мѣстѣ, куда его сажали судьба и начальство. Подвижности никакой въ немъ не было, даже матеріальной. Онъ не признавалъ законности желѣзныхъ дорогъ и совершалъ поѣздки свои въ уютной и покойной дормезѣ, запряженной лошадьми. Онъ былъ человѣкъ образованный и пріятнаго разговора, многое и многихъ зналъ; но, разумѣется, сочныхъ и жирныхъ нескромностей ждать отъ него было

нельзя, а все же было что послушать и чѣмъ поживиться. Какъ въ политикѣ держался онъ преданій и узаконенныхъ авторитетовъ, такъ равно и въ общежитіи, въ искусствѣ, и литературѣ. Въ драматическомъ отношеніи, вкусъ и сочувствія его долгимъ пребываніемъ въ Парижѣ были воспитаны такими знаменитостями, какъ актрисы Жоржъ, Марсъ, какъ трагикъ Тальма. Онъ не признавалъ, не могъ и не хотѣлъ признавать, что искусство способно идти иначе и дальше. Когда явилась Рашель, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на мятежницу, на самозванку; онъ не признавалъ за нею права, какъ отрицалъ право желѣзной дороги. Однажды въ Дрезденѣ, за обѣдомъ у него, говорили о Рашели. Всѣ превозносили дарованіе ея; онъ одинъ оставался непреклоннымъ Сикамбромъ. Наконецъ кто-то сказалъ: «Конечно, нужно прислушаться, привыкнуть къ новой дикціи ея».— «Вы говорите, привыкнуть», прервалъ съ живостію Шредеръ, «но привыкнуть можно ко всему. Дерите каждый день кошку за хвостъ, и вы тѣмъ кончите, что привыкнете къ ея жалобному мяуканію и визгу». Вы видите, онъ до смѣлой оригинальности доводилъ независимость мнѣній своихъ. — Личнымъ врагомъ его въ жизни и въ міросозданіи былъ вѣтеръ сѣверо-восточный (Nord-Est). Онъ не выносилъ его, не могъ равнодушно и спокойно говорить о немъ. Надобно было видѣть, какъ въ большомъ Дрезденскомъ саду онъ защищался отъ него, лавировалъ и боролся съ нимъ. Кажется, у него были особенныя платья, сюртуки, бекеши, шляпы именно на то приспособленные, чтобы выходить на бой съ противникомъ своимъ. Само собою разумѣется, что онъ ненавидѣлъ сигары, какъ предосудительное нововведеніе въ Европейскіе нравы. Но за то съ сапогами обращался онъ, какъ лакомый куритель обращается съ сигарами. Онъ, прежде чѣмъ обновить сапоги, давалъ имъ годъ и два хорошенько выстояться и высохнуть; и все это въ виду сохраненія здоровья.

Безсемейный, одинокій, всѣ домашнія заботы устремилъ онъ на сбереженіе себя. И что же? Оно довольно благоразумно и никому необидно. Кончина его представляетъ психическое явленіе, довольно странное. У него часто обѣдали два Дрезденскіе пріятеля его. Въ теченіи времени, одинъ изъ нихъ умеръ, другой заболѣлъ. Занемогъ легко и Шредеръ, но онъ былъ на ногахъ и, казалось, соблюдалъ порядокъ дня своего по обыкновенному. Однимъ утромъ, приказываетъ онъ дворецкому накрыть столъ къ обѣду на три прибора, прибавляя, что два поименованные пріятеля будутъ съ нимъ обѣдать. Дворецкій удивился, но не осмѣлился сдѣлать возраженіе. Въ урочный часъ Шредеръ садится за столъ одинъ; во все время обѣда живо говоритъ онъ, то направо, то налѣво, какъ будто съ сидящими около него пріятелями. Къ вечеру обнаружилась въ немъ сильная воспалительная болѣзнь. Кажется, на другой день его уже не стало. Это было мнѣ разсказано его и моимъ докторомъ, знаменитымъ въ Дрезденѣ Геденусомъ. Кажется, очень скоро затѣмъ умеръ и третій заочный и таинственный собесѣдникъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ записокъ Ипполита Оже *).

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Когда я познакомился съ Лунинымъ, ему было лѣтъ 26. Рана, которую онъ получилъ на дуэли, была довольно опасна: пуля засѣла въ паху, и онъ долженъ былъ перенести трудную операцію. Его блѣдное лицо, съ красивыми, правильными чертами, носило слѣды страданій. Спокойно-насмѣшливое, оно иногда внезапно оживлялось и также быстро снова принимало выраженіе невозмутимаго равнодушія; но измѣнчивая физіономія выдавала его больше, чѣмъ онъ желалъ. Въ немъ чувствовалась сильная воля, но она не проявлялась съ отталкивающей суровостью, какъ это бываетъ у людей дюжинныхъ, которые непремѣнно хотятъ повелѣвать другими. Голосъ у него былъ рѣзкій, пронзительный; слова, точно сами собой, срывались съ насмѣшливыхъ губъ и всегда попадали въ цѣль. Въ спорахъ онъ побивалъ противника, нанося раны, которыя никогда не заживали; логика его доводовъ было также неотразима, какъ и колкость шутокъ. Онъ рѣдко говорилъ съ предвзятымъ намѣреніемъ; обыкновенно же мысли, и серьезныя, и веселыя, лились свободной, неизсякаемой струей; выраженія являлись сами собой, не придуманныя, изящныя и замѣчательно-точныя. Онъ былъ высокаго роста, стройно и тонко сложенъ, но худоба его происходила не отъ болѣзни: усиленная умственная дѣятельность рано истощала его силы. Во всемъ его существѣ, въ осанкѣ, въ разговорѣ сказывались врожденное благородство и искренность. При положительномъ направленіи ума, онъ не былъ лишенъ нѣкоторой сантиментальности, жившей въ немъ помимо его вѣдома: онъ не старался ее вызвать, но и не мѣшалъ ея проявленію. Это былъ мечтатель, рыцарь, какъ Донъ-Кихотъ, всегда готовый сразиться съ вѣтряною мельницою, чему доказательствомъ могла служить послѣдняя дуэль.

Хотя я съ перваго раза не могъ оцѣнить этого замѣчательнаго человѣка, но наружность его произвела на меня чарующее впечатлѣніе. Рука, которую онъ мнѣ протянулъ, была маленькая, мускулистая, аристократическая; глаза, неопредѣленнаго цвѣта, съ бархатистымъ блескомъ, казались черными; мягкій взглядъ обладалъ притя-

---

*) См. выше, стр. 240: Эта часть записокъ Оже (Hippolyte Auger) вся посвящена воспоминаніямъ о знакомствѣ его съ Михаиломъ Сергѣевичемъ Лунинымъ, извѣстнымъ Декабристомъ, роднымъ племянникомъ славнаго въ исторіи Русскаго просвѣщенія Михаила Никитича Муравьева, отъ единственной, нѣжно любимой сестры его Ѳеодосіи Никитичны. Намъ случилось читать переписку Муравьева съ этою сестрою, относящуюся еще къ прошлому столѣтію. Это были чистыя, возвышенныя сердца. Дѣти обоихъ погибли въ Сибири. Лунинъ, уже въ ссылкѣ, потерпѣлъ страшное наказаніе за безумную попытку возмутить Сибирскихъ жителей. П. Б.

гательною силою. Я не чувствовалъ ни страха, ни смущенія, но онъ сильно возбудилъ мое любопытство. Обращался онъ со мной съ ласковою снисходительностію; но разговоръ, начавшійся шуткой, оживилъ насъ и сразу сблизилъ: не высказываясь еще вполнѣ, мы невольно почувствовали, что въ насъ много общаго, не смотря на его очевидное превосходство. Мы оба отличались отважнымъ характеромъ, понимали и чувствовали одинаково. Но разница въ общественномъ положеніи дѣлала то, что мы на многое смотрѣли различно; разногласіе выразилось съ самаго начала по поводу Россіи и моего поступленія въ Русскую армію. Русскій не могъ судить о причинахъ, побудившихъ меня къ тому, да я и не считалъ пока нужнымъ говорить ему о нихъ; онъ же не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ Французъ могъ покинуть свое отечество и ѣхать въ варварскую страну. Французъ съ своей стороны не могъ понять, какъ это Русскій считалъ себя варваромъ, когда все въ немъ умственное развитіе, языкъ, манеры, привычки, служили опроверженіемъ этого мнѣнія и свидѣтельствовали о существованіи высшей, утонченной цивилизаціи.

Послѣ перваго свиданія я уже не покидалъ Лунина, до самаго моего отъѣзда изъ Вильны. Намъ было хорошо вмѣстѣ, и я былъ счастливъ, что могъ доставить ему развлеченіе. Впрочемъ онъ не оставался въ одиночествѣ: офицеры часто навѣщали его; но я чувствовалъ по особенному тону, который онъ принималъ въ такихъ случаяхъ, что онъ покорялся своей участи, выслушивая ихъ пустую, шумливую болтовню. Не то, чтобы онъ хотѣлъ казаться лучше ихъ; напротивъ, онъ старался держать себя какъ и всѣ, но самобытная натура брала верхъ и прорывалась ежеминутно, помимо его желанія. Ему и въ голову не приходило, чтобъ я могъ наблюдать за нимъ. У него этой способности не было; онъ не тратилъ времени на размышленіе; мысли у него являлись по вдохновенію огненнаго воображенія; онъ безстрашно покидалъ міръ извѣстнаго, стремясь къ новому, неизвѣданному; онъ смѣло шелъ впередъ, вѣря, какъ Колумбъ, что земля кругла, и что, плывя, можно куда нибудь доплыть. Вотъ отчего и происходили всѣ его эксцентричныя выходки, кончившіяся плохо для него. Когда я во второй разъ пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ найти средства къ независимому существованію, я долженъ былъ явиться къ графу Бенкендорфу, бывшему тогда шефомъ жандармовъ. Первый вопросъ, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ былъ:

— Вы, кажется, хорошо были знакомы съ Лунинымъ?

— Да, ваше сіятельство. Мы жили вмѣстѣ въ Парижѣ, но съ тѣхъ поръ я не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій, такъ что мнѣ казалось, что онъ забылъ меня, и я обвиняю его за то.

— Это доказательство, что онъ васъ уважалъ.

— Я узналъ, что онъ былъ замѣшанъ въ возмущеніи 14-го Декабря.

— Точнѣе сказать, онъ замѣшалъ туда другихъ.

— Будьте такъ добры: скажите мнѣ, какая участь постигла его?

— Онъ умеръ.... въ рудникахъ.... И тамъ онъ продолжалъ предаваться безумнымъ надеждамъ.... Онъ былъ неисправимъ.

— Ваше сіятельство, могу васъ увѣрить, что я ничего не зналъ о его планахъ.

— Не тревожьтесь: намъ все извѣстно. Можете жить спокойно.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Лунинъ выздоравливалъ; онъ уже могъ садиться и вставать. Я ухаживалъ за нимъ, поддерживалъ его слабые шаги, но самое главное — я служилъ для него развлеченіемъ: со мной онъ могъ говорить обо всемъ. Онъ былъ въ Парижѣ въ 1814 году и воспользовался этимъ, чтобы изучить соціальное положеніе или, лучше сказать, организацію Франціи, сравнительно съ Россіей. Въ то время, какъ другіе наслаждались Парижскою жизнію, онъ изучалъ ее, стараясь все понять и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что зовется цивилизаціей. Вниманіе его равно привлекали какъ лица, стоявшія во главѣ правленія, такъ и низшіе управляемые классы народа. Ему все хотѣлось видѣть, знать, понимать, чтобъ потомъ разсказать на родинѣ. Видя, какъ онъ интересуется моимъ дѣтствомъ и юностью, о которыхъ онъ заставлялъ меня разсказывать, я понялъ, что для него мелкія житейскія подробности казались также существенными, какъ и крупныя стороны жизни.... Онъ заставилъ меня также прочесть ему мои стихи, предупредивъ, впрочемъ, что онъ хотя любитъ поэзію, но врагъ стиховъ. Въ разсужденіяхъ его по этому поводу была своя доля правды; онъ говорилъ: «Стихи—большіе мошенники; проза гораздо лучше выражаетъ тѣ идеи, которыя составляютъ поэзію жизни; она больше говоритъ сердцу развитыхъ и умныхъ людей, чѣмъ плохо риѳмованныя строчки, въ которыя хотятъ заковать мысль, въ угоду придуманнымъ правиламъ и въ ущербъ смыслу: двигаются бѣдныя мысли по командѣ, точно солдаты на парадѣ, но на войну не годятся; побѣды одерживаетъ только проза. Наполеонъ побѣждалъ и писалъ прозой; мы же, къ несчастію, любимъ стихи. Наша гвардія это отлично переплетенная поэма, дорогая и непригодная. Я знакомъ со всѣми замѣчательными произведеніями Французской литературы, но люблю только стихи Мольера и Корнеля за ихъ трезвость; риѳма у нихъ не служитъ помѣхою. Въ прозѣ же Шатобріана, наоборотъ, я все ищу риѳмы и не нахожу конечно; оттого я и не люблю ея. То что называютъ поэзіей, т. е. стихи, годится какъ забава, для народовъ, находящихся въ младенчествѣ. У насъ, Русскихъ, поэты играютъ еще большую роль: намъ нужны образы, картины; Франція уже не довольствуется созерцаніемъ, она разсуждаетъ. Впрочемъ, продолжалъ онъ, я человѣкъ справедливый и не требую невозможнаго». И тотчасъ же послѣ такого предисловія Лунинъ потребовалъ, чтобы я ему прочелъ описаніе въ стихахъ дороги отъ Петербурга до Вильны, сочиненное мною отъ нечего дѣлать.

— Ну, сказалъ онъ, это я еще понимаю: содержанія тутъ нѣтъ никакого, потому что вамъ нечего сказать; стало быть вы и занялись обработкой формы, чтобъ даромъ не пачкать бумаги. Стихъ у васъ бойкій, живой; но какая цѣль? И сколько чернилъ даромъ потрачено! Нѣтъ, я вижу, у васъ большой умъ; надо васъ вылѣчить и сдѣлать достойнымъ писать прозой. Прочтемте вмѣстѣ Боссюэта и Вольтера, самаго умнаго между всѣми вашими писателями, не смотря на то, что онъ писалъ иногда стихами, какъ напримѣръ, объ Іоаннѣ Д'Аркъ: это ваша единственная эпическая поэма. Сравниваютъ поэзію съ музыкой; да развѣ это возможно? Музыка свободна, она можетъ быть и туманной, и вполнѣ ясной; поэзія, т. е. стихи, всегда связана; ей выбора нѣтъ, она всегда туманна, даже когда желаетъ быть ясной. Я тоже поэтъ, но поэтъ безъ словъ: я никому не навязываюсь, но предоставляю каждому понимать меня, какъ онъ хочетъ

и какъ онъ можетъ Вотъ я велю привезти фортепьяно и познакомлю васъ съ своею поэзіей.

— Развѣ вы музыкантъ?

— Въ обыкновенномъ смыслѣ слова — нѣтъ. Инструментъ для меня тоже, что для васъ перо — средство для выраженія мыслей и чувствъ. Я не знаю ни одной ноты; но, не смотря на это, я заставлю васъ прочувствовать то, что самъ чувствую. Я думаю, когда люди еще не умѣли говорить, то музыка служила вмѣсто словъ.... Первыя сношенія между ними начались такимъ образомъ. Впрочемъ, вы не дурно пишете стихи, мой юный другъ; только, если хотите подражать, то подражайте Мольеру и Корнелю, но никакъ не Парни. Я допускаю легкіе стишки, для которыхъ необходима музыка: пустяки, которые не стоитъ говорить, можно пропѣть. Но когда затянутъ скучную исторію безъ конца, то по неволѣ задумаешься о своихъ собственныхъ дѣлахъ, а это непріятно, если дѣла плохи. Напишите мнѣ какую хотите шансонетку или романсъ, и когда у меня будетъ фортепьяно, я ручаюсь, что съумѣю сдѣлать ее сносной.

«Les vers sont enfants de la lire,
Il faut les chanter, non les dire» [1]

Я долженъ предупредить читателя, что какъ бы подробно я ни описывалъ Лунина, все-таки я не въ состояніи дать о немъ полнаго понятія: эта многосторонняя, причудливая натура была неуловима въ своихъ проявленіяхъ, хотя въ глубинѣ ея лежала одна неизмѣнная мысль. Онъ нарочно казался пустымъ, вѣтреннымъ, чтобъ скрыть ото всѣхъ тайную душевную работу и цѣль, къ которой онъ неуклонно стремился.

На другой день, когда я вошелъ къ Лунину, настройщикъ приводилъ въ порядокъ только что привезенное фортепьяно. Какъ только онъ ушелъ, Лунинъ сѣлъ за инструментъ и спросилъ: сдержалъ ли я слово и готовъ ли мой трудъ?

— Лучше не называть это трудомъ, отвѣчалъ я; я импровизировалъ романсъ, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

— Въ такомъ случаѣ, если мы откроемъ лавочку, то фирма будетъ называться: *соединенное общество импровизаторовъ*. Ну, говорите: я слушаю. Какъ называется вашъ романсъ?

— Вы одинъ изъ сотрудниковъ, вы и придумайте названіе.

Я проговорилъ три куплета, каждый оканчивался припѣвомъ: *Я слишкомъ старъ: мнѣ семнадцать лѣтъ.*

— Названіе найдено: *Русскій въ 1815 году*.

— Если такъ, то я слагаю съ себя всякую отвѣтственность.

— Какъ! вскричалъ онъ, вы не знаете, что сказалъ Наполеонъ: *не созрѣли, а уже сгнили*. Мы..... потомки Екатерины II-й.

— Которую Вольтеръ назвалъ Екатерина Великій, полковникъ!

— Великій! А дальше что? Вольтеръ былъ льстецъ. А впрочемъ и для этого прозванія, съ мужскимъ окончаніемъ, можно, пожалуй, подыскать причины...

Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, сдѣлалъ прелюдію и перешелъ въ какой-то мотивъ. Въ игрѣ его была замѣчательная твердость и быстрота.

— Вы музыкантъ, не отрицайте этого!

---

[1] Стихи — дѣти лиры; ихъ нужно пѣть, говорить нельзя.

— Ну да! Я играю, все равно какъ птицы поютъ. Одинъ разъ при мнѣ Штейбельтъ давалъ урокъ музыки сестрѣ моей. Я послушалъ, посмотрѣлъ; когда урокъ кончился, я все зналъ, что было нужно. Сначала я игралъ по слуху, потомъ вмѣсто того, чтобъ повторять чужія мысли и напѣвы, я сталъ передавать въ своихъ мелодіяхъ собственныя мысли и чувства. Подъ моими пальцами послушный инструментъ выражаетъ все, что я захочу: мои мечты, мое горе, мою радость. Онъ и плачетъ и смѣется за меня. Я бы могъ назвать вашъ романсъ: *Разочарованный Михаилъ*, но не рѣшаюсь изъ скромности.

Такъ прошло нѣсколько дней. Но скоро былъ объявленъ обратный походъ въ Петербургъ.

— До свиданія! сказалъ онъ на прощаньи; я никогда не забуду, что выздоровѣлъ, благодаря вамъ.

— А я буду помнить, что не захворалъ, благодаря вамъ.

Двѣ недѣли, проведенныя съ Лунинымъ, имѣли на меня сильное вліяніе: я сталъ трезвѣе смотрѣть на жизнь, и это было къ лучшему, потому что мечты иногда мѣшаютъ жить. Я ясно почувствовалъ неопредѣленность своего положенія, и мнѣ вспоминался стихъ: «Теперь свѣтъ идетъ съ Сѣвера». Молодой наставникъ, въ которомъ никто не могъ предполагать педагогическихъ способностей, нанесъ жестокій ударъ моимъ стихотворнымъ наклонностямъ; но поэтическое чувство продолжало жить во мнѣ, хотя уже не на прежнихъ основаніяхъ: я понялъ, что способъ выраженія и отдѣлка не составляютъ геніальности, хотя и необходимы ей какъ орудія. Парадоксы Лунина, въ противоположность его поэтической натурѣ, еще рельефнѣе обрисовали его оригинальную личность. Я все продолжалъ думать о немъ и о его словахъ. Въ мои лѣта, при легковѣсности моей натуры, всякая новая идея находила для себя готовую почву и быстро пускала ростки... До самаго Полоцка я продолжалъ думать въ прозѣ, хотя иногда невольно, по привычкѣ, проскальзывали и стихи. Но случилось, что я вновь поддался искушенію и вотъ какимъ образомъ. Въ Полоцкѣ я захворалъ лихорадкой и долженъ былъ остаться до выздоровленія. Къ несчастію, капитанъ мой покидалъ меня, потому что собственныя дѣла заставляли его ѣхать довольно далеко, и у него уже все было готово къ отъѣзду.

— Живите здѣсь до выздоровленія, сказалъ онъ, уѣзжая. Я отдалъ приказанія своимъ людямъ, такъ что вамъ ни о чемъ не нужно будетъ заботиться. Лошадей своихъ я оставляю вамъ, и вы всегда успѣете догнать полкъ. Я вамъ напишу изъ Москвы; въ Петербургѣ вы тоже найдете отъ меня письмо. Всѣ наши друзья будутъ о васъ заботиться.

Полкъ ушелъ, и я остался одинъ между людьми, которые меня не понимали и которыхъ я тоже не понималъ. Тогда мнѣ пришла мысль попросить гостепріимства у Іезуитовъ. Въ то время они пользовались большимъ значеніемъ, и въ школѣ ихъ воспитывались дѣти знатнѣйшихъ фамилій. Отцы Іезуиты, которымъ я объяснилъ свое положеніе, съ готовностью приняли меня, и я скоро поправился, благодаря ихъ хорошему уходу. Опасаясь возврата болѣзни, они меня оставили еще на нѣсколько времени у себя, и я присутствовалъ при урокахъ воспитанниковъ, обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, проводилъ рекреаціонное время, какъ будто и самъ былъ изъ числа ихъ. Чтобъ отблагодарить радушныхъ, образованныхъ отцовъ, я вздумалъ напи-

сать небольшое стихотвореніе и напечатать въ типографіи, принадлежавшей къ ихъ заведенію. Кромѣ того мнѣ также хотѣлось доказать свое умѣнье. Въ нашихъ разговорахъ литература часто служила средствомъ для поученій, выраженныхъ всегда въ очень тонкой формѣ; отцы, хорошо знакомые съ обычаями и условіями большаго свѣта, къ которому принадлежали ихъ воспитанники, нисколько не желали сдѣлать изъ нихъ ханжей; но вліяніе было прочно, и воспитанники, выйдя изъ ихъ рукъ, дѣлались вѣрными союзниками. Мнѣ не нужно было притворяться передъ ними, потому что я былъ дѣйствительно религіозенъ: религіозное чувство образовало почву, на которой развивались всѣ понятія объ общественныхъ отношеніяхъ. И такъ мнѣ было не трудно перефразировать текстъ о христіанской любви, примѣняя его къ моему положенію. Я обратился къ Іезуиту, завѣдывавшему типографіей, съ просьбою напечатать небольшое стихотвореніе, плодъ безсонницы, которое должно было служить воспоминаніемъ о моемъ пребываніи у нихъ. Онъ согласился, и вечеромъ я уже могъ поднести отцамъ свое произведеніе. Они заставили меня прочесть его два раза, и потомъ профессоръ литературы Французъ обратился ко мнѣ съ рѣчью. Это была цѣлая лекція о поэзіи и ея правилахъ, отлично составленная и прекрасно прочитанная.

Прощаясь со мной, Іезуиты просили меня побывать въ ихъ домѣ въ Петербургѣ и познакомиться съ отцемъ Гривелемъ, который не откажется быть мнѣ полезнымъ въ случаѣ необходимости. Я попросилъ рекомендательнаго письма; но мнѣ отвѣчали, что обо мнѣ уже тамъ все извѣстно. Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ недюжинный человѣкъ впослѣдствіи пользовался во Франціи огромнымъ вліяніемъ. У него я встрѣчалъ князей Голицыныхъ, служившихъ въ Семеновскомъ полку. Мать ихъ перешла въ Римско-католическую вѣру, что произвело скандалъ въ обществѣ. Однажды въ Петербургѣ, когда я пришелъ къ отцамъ, мнѣ сказали, что наканунѣ ихъ всѣхъ съ жандармами выслали за границу. Объ этомъ событіи громко никто не осмѣливался говорить, какъ и вообще обо всемъ, что дѣлалось властію самодержца. Въ 1817 году, когда я жилъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Лунинымъ, я предложилъ ему отправиться къ отцу Гривелю. Когда я представилъ Лунина какъ эмигранта, изгнанника, даже перебѣжчика, Гривель обошелся съ нимъ чрезвычайно вѣжливо: онъ не могъ простить обиды, нанесенной ему Россіей. Мы долго и серіозно говорили о текущихъ событіяхъ, о томъ, чего можно ожидать, чего желать, и какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Пригласивъ насъ посѣщать его, Гривель простился съ нами, говоря: «Такіе люди какъ вы намъ нужны!» Это было передъ событіями 1817 года. Но мы съ Лунинымъ тогда думали, что не къ чему намъ дѣлаться Іезуитами à robe courte: у насъ было другое дѣло въ жизни. Мы не предполагали, чтобъ общество Іисуса пользовалось такимъ огромнымъ тайнымъ вліяніемъ, а между тѣмъ они были очень сильны и могли бы дать намъ средства къ достиженію какой угодно цѣли.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Вернувшись въ Петербургъ, я скоро почувствовалъ свое одиночество: моего друга, капитана, не было въ Петербургѣ. Я очутился въ затруднительномъ положеніи и вздумалъ обратиться за совѣтомъ къ Вигелю. Въ расположеніи его ко мнѣ я не сомнѣвался, но этотъ замѣчательно умный человѣкъ оказался несостоятельнымъ въ практической жизни: онъ и съ своими дѣлами не зналъ, какъ справиться. Пришлось выпуты-

ваться самому, и это умѣнье, пріобрѣтенное мною тогда, пригодилось мнѣ и впослѣдствіи. Я чувствовалъ себя одинокимъ, но не упалъ духомъ, хотя прежняго спокойствія и увѣренности во мнѣ уже не было: я чувствовалъ, что плыву по бурному морю и каждую минуту могу разбиться о нежданные подводные камни, называемые случайностями. Опытности у меня еще быть не могло, но уже поступками моими начала управлять инстинктивная осторожность и благоразуміе. Пока я странствовалъ, молодые мои друзья вышли изъ Пажескаго корпуса. Тухачевскіе и Киреевскіе поступили въ кавалергарды, а братья Хрущовы въ Преображенскій полкъ. Ихъ примѣръ могъ бы ободрить меня, еслибы наше положеніе было одинаково; но я не чувствовалъ въ себѣ призванія къ военной службѣ, да и въ будущемъ видѣлъ для себя много препятствій, отъ которыхъ должно было страдать мое тщеславіе. Впрочемъ моя нерѣшительность еще оставалась тайной для всѣхъ. Я старался держаться кружка людей серьезныхъ, и потому гостиная Блудовой получила для меня значеніе храма, гдѣ воздавалось поклоненіе уму и внутреннимъ достоинствамъ человѣка. Я понималъ, что недостаточно быть богатымъ или знатнымъ, чтобы имѣть значеніе въ свѣтѣ. Въ обществѣ людей умныхъ, образованныхъ, я не такъ сильно чувствовалъ свое ничтожество, потому что могъ у каждаго заимствовать что нибудь, чтобы хоть отчасти возвыситься до ихъ уровня, или по крайней мѣрѣ оправдать свое присутствіе между этими высоко развитыми людьми. И это заимствованіе благотворно дѣйствовало на мое собственное развитіе. При этомъ воспоминаніе о Лунинѣ не покидало меня; чѣмъ болѣе видѣлъ я людей, тѣмъ болѣе начиналъ цѣнить его оригинальность и зрѣлость мысли. Въ разлукѣ, его вліяніе, подкрѣпляемое собственнымъ размышленіемъ, получало еще бо́льшую силу. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я его пріѣзда, распрашивалъ всѣхъ и каждаго, и никто не могъ мнѣ ничего сказать. Наконецъ я рѣшился освѣдомиться о немъ чрезъ письмо къ сестрѣ его Уваровой, горячо любившей брата. Она пригласила меня пріѣхать къ ней. Прежде всего она меня поблагодарила за брата.

— Миша писалъ мнѣ, какъ вы ухаживали за нимъ, и какъ полезно было для него ваше общество. Я вамъ очень благодарна и весьма рада, что могу это высказать.

— Напротивъ, я долженъ быть благодаренъ вашему брату; съ нетерпѣніемъ жду его пріѣзда. Здоровъ онъ?

— Да, рана его совсѣмъ зажила, но ему совѣтовали проѣхаться. Мы его ждемъ каждый день.

Въ эту минуту вошелъ ея мужъ.

— Вотъ, кто такъ хорошо ухаживалъ за моимъ братомъ, сказала она, обращаясь къ нему.

Обращеніе Уварова, отличавшееся искренностію, произвело на меня очень хорошее впечатлѣніе.

— Благодарю васъ за него, сказалъ онъ; вы много сдѣлали для него; я знаю, какъ дорого участіе въ минуты страданія.

Генералъ Уваровъ былъ тяжело раненъ въ послѣднюю войну, и на лицѣ его были еще видны слѣды недавней болѣзни.

Что касается до Уваровой, то она была лучше чѣмъ красавица: умная, милая, изящная, вся въ брата.

Я былъ вполнѣ счастливъ, когда они пригласили меня бывать у нихъ почаще. Недѣлю спустя, Лунинъ извѣстилъ меня о своемъ пріѣздѣ.

Послѣ радостныхъ минутъ встрѣчи, я замѣтилъ, что онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ; но распрашивать его я не рѣшался. Вскорѣ непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня высказаться совершенно откровенно, а это вызвало и его на откровенность.

Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ своимъ капитаномъ, я получилъ отъ него только одно письмо, заботливое и дружеское по обыкновенію. Теперь я получилъ второе, длинное и многословное, очевидно написанное подъ впечатлѣніемъ грустныхъ обстоятельствъ, не допускавшихъ никакого выбора. Бѣдный мой капитанъ! Какъ онъ долженъ былъ страдать! Ему вѣроятно было легче принять рѣшеніе, измѣнившее всю его жизнь, чѣмъ написать письмо такого содержанія. Онъ писалъ, что денежныя дѣла его, по недобросовѣстности лица, завѣдывавшаго ими, пришли въ такой безпорядокъ, что ему невозможно болѣе оставаться въ гвардіи, особенно теперь, когда съ заключеніемъ мира уничтожились надежды на скорое повышеніе, и что ему выгоднѣе перейти въ армію съ чиномъ полковника, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ можетъ снова поступить въ гвардію съ тѣмъ же чиномъ; жить же въ Петербургѣ для него было бы тяжело; потому онъ, не колеблясь, долженъ поступить такъ, какъ велитъ благоразуміе. Потомъ онъ говорилъ обо мнѣ, о моемъ положеніи, въ случаѣ если бы я вздумалъ продолжать военную службу. Онъ дарилъ мнѣ нашу мебель, своихъ лошадей, сани и дрожки, совѣтуя все это продать какъ ненужное. Онъ зналъ, что вырученная сумма будетъ очень незначительна и мнѣ придется сократить свои расходы. Онъ прибавлялъ, что у него осталась часть принадлежащей мнѣ суммы денегъ, и что онъ немедленно ее вышлетъ. Въ заключеніе, онъ совѣтовалъ, если мнѣ не удастся устроиться такъ, какъ бы мнѣ желалось, уѣхать обратно во Францію, а на время, проведенное внѣ отечества, смотрѣть какъ на заграничное путешествіе.

У меня это письмо цѣло до сихъ поръ, и теперь еще, послѣ многихъ лѣтъ, я не могу читать его безъ волненія: въ немъ высказывается вся честность, благородство и великодушіе человѣка, считавшаго себя отвѣтственнымъ за мой сумасбродный поступокъ. Я до сихъ поръ еще не назвалъ его, но ему принадлежитъ почетное мѣсто въ моемъ разсказѣ, который я могъ бы назвать его именемъ: его звали

НИКОЛАЙ ЕВРЕИНОВЪ.

Письмо это нисколько не поразило меня, точно я его ожидалъ; оно возбудило во мнѣ чувство благодарности къ моему другу. Однако нужно было съ кѣмъ нибудь посовѣтоваться. Вигель былъ стариннымъ, вѣрнымъ другомъ, но невольная симпатія влекла меня высказаться передъ Лунинымъ, котораго я узналъ только недавно, и который былъ самымъ легкомысленныхъ и взбалмошнымъ между всѣми моими знакомыми.

— Ну, сказалъ онъ, выслушавъ мой краткій, но правдивый разсказъ: вотъ вы и свободны! Капитанъ вашъ умно поступилъ, сбросивъ съ себя цѣпи, приковывавшія его ко двору. Должно быть, и я скоро тоже сдѣлаю.

— Вы? Кавалергардскій полковникъ!

— Я еще болѣе на виду: у меня парадный мундиръ бѣлый, а полуформенный красный.

— Вы откажетесь отъ всѣхъ выгодъ, ожидающихъ васъ на службѣ?

— Очень выгодно раззоряться на лошадей и на подобныя тому вещи! Еще еслибъ я могъ раззоряться! Но у меня отецъ находитъ воз-

можность все болѣе и болѣе урѣзывать назначенное имъ содержаніе. Я денно и нощно проклинаю мое положеніе.

— Дѣйствительно, вы иногда бываете задумчивы.

— Поневолѣ задумаешься, мой милый! Меня держатъ впроголодь. Вы вѣроятно замѣтили, какъ я похудѣлъ.

— Да, я нахожу, вы блѣдны.

— Блѣденъ! Вамъ, должно быть, словъ жалко. Придумайте что нибудь посильнѣе. На пиру жизни меня угощаютъ квасомъ.

— Говорятъ, отъ него толстѣютъ....

— Дураки одни; тѣ и отъ скуки толстѣютъ. Квасъ возбуждаетъ сильнѣйшее желаніе сдѣлаться отшельникомъ.

— Вы еще не дожили до такихъ лѣтъ.

— Черти только въ молодости и бываютъ набожны. Мнѣ нужны уединеніе и пустыня. Знаете ли, что̀ мнѣ иногда приходитъ въ голову? Хорошо бы было отправиться въ Южную Америку къ взбунтовавшимся молодцамъ.... Вы Французъ, слѣдовательно должны знать, что бунтъ—это священнѣйшая обязанность каждаго.

— Вамъ стало быть желательно, чтобъ васъ повѣсили на счетъ Испанскаго короля?

— Ну довольно объ этомъ. Вамъ нужна помощь, т. е. добрый совѣтъ; это я могу. Что-же вы будете теперь дѣлать, если намѣреваетесь что нибудь дѣлать вообще?

— Что̀ вы мнѣ посовѣтуете?

— Да я вамъ бы совѣтовалъ ничего не дѣлать: это безопаснѣе..

— Я не могу ничего не дѣлать.

— Вы можете ждать. У васъ есть мебель... Я знаю, чего стоитъ мебель въ казармахъ: за нее дадутъ грошъ.. Еще у васъ пара лошадей... Каковы онѣ?

— Онѣ пожираютъ пространство.

— Это прекрасно, но ихъ нужно еще кромѣ того кормить.

— Хорошенькія, сѣренькія, породистыя Малороссійскія лошадки.

— Если онѣ на что нибудь годны, то за нихъ ничего не дадутъ... А экипажи...

— Имѣютъ то достоинство, что цѣлы.

— Въ суммѣ получится довольно, чтобъ заплатить за хорошій завтракъ! Раздѣлайтесь поскорѣе съ обломками роскоши и приходите всякій день завтракать ко мнѣ. Но предупреждаю васъ—мой поваръ изъ Спартанцевъ. Вы можете нанять маленькую комнатку съ мебелью и недорогаго лакея, такъ какъ прислуга вашего капитана должна отправиться назадъ къ барину, и все будетъ прекрасно.

Планъ этотъ мнѣ понравился, тѣмъ болѣе, что я уже начиналъ считать независимость первымъ условіемъ счастія. Прежде всего я написалъ капитану, чтобъ снять съ него отвѣтственность за свою судьбу, успокоить его и поблагодарить за дружбу. Я обѣщалъ письмами поддерживать дорогія для меня отношенія и, исполнивъ свой долгъ, какъ приказывали и сердце, и совѣсть, принялся за продажу подареннаго мнѣ имущества. Благодаря посредничеству моихъ друзей, мнѣ удалось выручить больше, чѣмъ я предполагалъ. На эту сумму я могъ безбѣдно прожить нѣсколько времени, конечно, не позволяя себѣ ничего лишняго. Одинъ Французъ, жившій на Малой Морской, уступилъ за недорогую цѣну двѣ комнаты. Военной службой я совсѣмъ не занимался и даже почти уже рѣшился при первой возможности выйти въ отставку.

Зиму я провелъ подъ руководствомъ двухъ людей діаметрально противуположныхъ одинъ другому, такъ что ихъ вліяніе, взаимно уравновѣшиваясь, поддерживало меня въ переходномъ состояніи. Въ разговорахъ съ Вигелемъ мы выходили изъ сферъ дѣйствительности; но онъ, съ необычайнымъ коварствомъ, переходя отъ одного вопроса къ другому и остроумно обсуждая мелочи жизни, мѣшалъ составить мнѣніе о чемъ бы то ни было. Все таки онъ былъ очень милъ. Лунинъ же поражалъ своею оригинальностью и искренностью. Его огненная фантазія, стремившаяся за предѣлы существующаго, неудержимо увлекала и меня въ міръ призраковъ, къ цвѣтущимъ берегамъ невѣдомой страны: мы носились въ пространствѣ, то поднимаясь подъ небеса, то опускаясь въ самую глубину земли.

Способности его были блестящи и разнообразны: онъ былъ поэтъ и музыкантъ и въ тоже время реформаторъ, политико-экономъ, государственный человѣкъ, изучившій соціальные вопросы, знакомый со всѣми истинами, со всѣми заблужденіями. Таковъ былъ этотъ необыкновенный человѣкъ.

Однажды утромъ мнѣ принесли записку отъ Уваровой. Она просила меня придти къ ней.

— Ради Бога, сказала она, подите къ Мишѣ, успокойте его.

— Что̀ такое случилось?

— У него была ужасная сцена съ отцемъ; отецъ отказался платить долги за него.

— Развѣ они такъ велики?

— Совсѣмъ нѣтъ; вы сами знаете его жизнь. Но, конечно, есть траты неизбѣжныя въ его лѣта и въ его положеніи. Отецъ ничего не хочетъ слышать, братъ тоже упрямъ. Мужу моему не слѣдъ вмѣшиваться въ это дѣло, а мои слёзы тутъ не помогутъ. Постарайтесь успокоить вашего друга; вы на него имѣете вліяніе, хоть онъ и не сознается въ этомъ.

— Если вы такъ думаете, я попробую.

— Но какимъ образомъ, что̀ вы ему скажете? Не нужна ли тутъ моя помощь?

— Ни подъ какимъ видомъ! Я могу сказать и сдѣлать то, чего вы не можете. Зная горячее сердце, ясный умъ и пылкое воображеніе вашего брата, я вижу только одно средство потушить его гнѣвъ: это—разжечь его сильнѣе.

— Что̀ вы говорите?

— Непремѣнно такъ. Я видѣлъ, какъ нашъ трагикъ Тальма изображалъ бѣшеную ярость Ореста, какъ онъ неистовствовалъ и какъ внезапно наступало затишье. Я буду предлагать вашему брату такія сумасбродныя средства, что онъ поневолѣ образумится, слушая меня. Тутъ необходимы сильныя лѣкарства. Видя мое безуміе, онъ успокоится; совѣтовать же, уговаривать невозможно. Дѣйствительно только то, что̀ идетъ отъ насъ самихъ.. Нужно лишь вызвать это *свое;* въ этомъ вся мудрость.

Уварова, которая была очень набожна, подошла ко мнѣ и, перекрестивши меня три раза, сказала:

— Ну теперь ступайте!

Доро̀гой я раздумывалъ, что̀ бы такое предложить чудовищное, несообразное, что̀ бы сразу отрезвило моего друга, но ничего на находилъ подходящаго; я махнулъ рукой и положился во всемъ не волю Божію

Лунинъ жилъ въ домѣ отца. Не безъ волненія и страха отворилъ я дверь комнаты, гдѣ находился разгнѣванный сынъ. Лунинъ сидѣлъ за фортепьяно и игралъ съ обычнымъ brio.

— Здравствуйте, сказалъ я, подходя, чтобы разглядѣть выраженіе его лица.

Оно было спокойно; пальцы дѣлали свое дѣло. Онъ кивнулъ мнѣ головой, не прерывая игры.

— Чтò это такое? спросилъ я.

— Аррагонскій болеро. Должно быть, я когда нибудь слышалъ этотъ мотивъ, и теперь онъ мнѣ пришелъ на память.

— Нѣтъ, это ваше собственное произведеніе.

— Очень можетъ быть.

Онъ доигралъ до конца, взялъ три заключительныхъ аккорда и потомъ спокойно подошелъ ко мнѣ поздороваться. На столѣ лежала книга. «Полезная это книга», замѣтилъ онъ, подавая ее мнѣ. Это была Испанская грамматика.

— Грамматика васъ вдохновила? Или, наоборотъ, пѣсня заставила васъ обратиться къ грамматикѣ? Въ отвѣтъ онъ съ обычной флегмой, какъ всегда, когда говорилъ смѣшныя вещи, проговорилъ стихи Скаррона:

Don Pascal Zapata
Ou Zapata Pascal: il ne m'importe guère
Que Pascal soit devant ou bien qu' il soit derrière.

Потомъ, съ достоинствомъ указывая на стулъ, онъ произнесъ трагическимъ тономъ, точь въ точь какъ Рокуръ (драматическая актриса, видѣнная имъ въ Парижѣ):

— Asseyez vous, Néron, et prenez votre place.

C'était pendant l'horreur d'une profonde nuit.

— Нѣтъ, истина требуетъ, чтобъ я разсказалъ вамъ все презрѣнной прозой, и въ самыхъ простыхъ словахъ. Вчера, вечеромъ, послѣ вашего ухода.... отецъ мой, иже есть на небеси, надо мной, то есть во второмъ этажѣ, дверь направо.... отецъ соизволилъ снизойти ко мнѣ. Вы не знаете моего отца?

— Я его видѣлъ одинъ разъ.

— Въ праздникъ, вѣроятно?

— Очень красивый старикъ!

Да! Только бы ему бѣлую бороду и синюю мантію!... Ужъ конечно, у меня такихъ полныхъ щекъ никогда не будетъ. Вѣдь мнѣ постоянно приходится голодать.

— Но онъ перестанетъ, наконецъ, держать васъ на полупорціяхъ.

— Вы ошибаетесь. Отецъ мой ничего не дѣлаетъ въ половину: онъ лишаетъ меня всей порціи. Вотъ какъ было дѣло. Онъ послалъ за сестрой; та пріѣхала, испуганная, вмѣстѣ съ мужемъ, и на этомъ семейномъ совѣтѣ, онъ торжественно объявилъ, что не будетъ платить за меня долговъ, чтобъ я такъ и сказалъ своимъ кредиторамъ, которые докучаютъ ему.... Но они по глупости продолжаютъ преслѣдовать меня; а чѣмъ же я имъ заплачу, если отецъ небесный не пошлетъ манны въ пустыню моей жизни?... Я, конечно, представилъ этотъ убѣдительный доводъ и многіе другіе, но виновникъ моихъ злополучныхъ дней пришелъ въ ярость отъ моихъ словъ. Я тоже обозлился, и, чтобъ успокоить его, наговорилъ много вздору, такъ что когда мы разошлись, онъ былъ блѣденъ, а я красенъ, то есть

наперекоръ обыкновенному порядку вещей. Ну вы понимаете, такое нарушеніе правилъ могло произойти только вслѣдствіе сильнѣйшаго душевнаго волненія.

— Но, дорогой мой Мишель; мнѣ всегда казалось, что вы и не надѣялись на иной исходъ.

— Ну да! Дерево скрипитъ, скрипитъ, да наконецъ и не выдержитъ — рухнетъ съ трескомъ, пожалуй и зашибетъ, кто близко.... Сестра пошла за отцомъ.... который на небеси, во второмъ этажѣ, дверь направо.... Уваровъ пошелъ за женой; они хотѣли умилостивить отца, а я легъ спать и не смыкалъ глазъ во всю ночь. Я все старался себѣ представить со всѣми подробностями ужаснѣйшее положеніе кавалергардскаго полковника, отбивающагося съ оружіемъ въ рукахъ отъ полиціи, которая явилась арестовать его за долги!

— Вы не первый и не послѣдній.

— Тѣмъ хуже. Какъ скоро это такая обыкновенная вещь, для меня она ужъ не годится. Если случилось такое несчастіе, то нужно выпутаться изъ него иначе, чѣмъ дѣлаютъ другіе. Когда человѣкъ не спитъ, то онъ размышляетъ. Я и размыслилъ, что не слѣдовало такъ выходить изъ себя, говоря съ отцемъ: лучше бы было предоставить гнѣваться только ему: тогда бы вина была на его сторонѣ, а теперь она на моей. Вспомнилъ я и ариѳметику. Вѣдь чтобы взять двадцать изъ десяти, нужно занять единицу, равняющуюся десяти; если же нѣтъ десяти, то нужно взять двадцать. Нѣтъ ничего на свѣтѣ точнѣе цифръ.

— Ну и вы нашли новаго ростовщика?

— Само собою разумѣется! И разумѣется, ростовщикомъ будетъ мой отецъ.

— Какимъ же чудомъ?

— Чуда нѣтъ: это простая спекуляція.

— Но по какому случаю?...

— И не случай, а отличная спекуляція. Милый другъ, вы чуть не сказали глупости.

— Когда дѣло идетъ о васъ, то глупости въ голову не приходятъ.

— Эхъ, умные-то люди и оказываются чаще всѣхъ дураками, если даже допустить, что я уменъ.... Ну такъ слушайте же мой въ высшей степени интересный разсказъ. Проснувшись, или лучше сказать, не спавши, кликнулъ я своего камердинера. Алексѣй, какъ всегда, подалъ мнѣ туфли, халатъ и трубку. «Алексѣй, сказалъ я ему, ступай на верхъ къ отцу и доложи, что я собираюсь къ нему». Алексѣй на лѣстницѣ встрѣчаетъ Артемья, отцовскаго камердинера, который шелъ ко мнѣ съ такимъ же порученіемъ отъ своего барина. Болваны останавливаются на лѣстницѣ побалагурить. Въ это время, я выхожу и иду на верхъ; отецъ мой спускается внизъ:

Je crois voir vers Louis le Grand.
Philippe Quatre qui s'avance
Vers l'île de la conférence.

Мы встрѣчаемся, лакеи уступаютъ намъ свое мѣсто. Я склоняю голову.

— Отецъ мой, говорю я весьма почтительно, умоляю васъ, простите меня: я виноватъ передъ вами.

— Сынъ мой, отвѣчаетъ онъ мнѣ, я былъ слишкомъ суровъ, это правда... Но подумай, Миша: если я выплачу твои долги, ты опять

надѣлаешь новыхъ.... Нужно какъ нибудь умиротворить твоихъ кредиторовъ.

— Отецъ мой, самое лучшее средство—расплатиться съ ними; инаго исхода нѣтъ.

— Но если я заплачу имъ, они опять тебѣ дадутъ взаймы.

— Батюшка, я боюсь, что именно такъ и будетъ.

— Чортъ возьми, да именно этого-то я и не хочу.

— Ну такъ я вамъ предложу очень разумную вещь.

— Говори, я слушаю.

— Но, дорогой батюшка, вамъ неудобно на лѣстницѣ...

— Мнѣ очень ловко; какое твое разумное предложеніе? Говори.

— Батюшка, вы заплатите за меня долги.

— Да я не хочу платить твоихъ долговъ.

— Позвольте, дайте договорить. Вы заплатите долги, и кромѣ того вы мнѣ еще выдадите небольшую сумму, которая мнѣ необходима.

— Миша, да ты съ ума сошелъ!

— Батюшка, я бы могъ замѣтить тоже самое... (неужели я это сказалъ, великій Боже? Кажется, слова эти вырвались у меня безсознательно, потому что, видя возрастающее волненіе и безпокойство виновника дней моихъ, я и самъ начиналъ терять власть надъ собой, и готовъ былъ на все. Къ счастію, онъ не обратилъ вниманія на мои слова, и я успокоился). Если вы мнѣ не дадите договорить и объяснить мое предложеніе, мы никогда не поймемъ другъ друга. Заплатите мои долги, дайте еще нѣсколько тысячъ, которыя мнѣ необходимы, и я уже никогда у васъ ничего не буду просить: я дѣлаю завѣщаніе въ вашу пользу, и ту часть, которую я долженъ бы получить отъ васъ въ наслѣдство, получаете вы. Вы понимаете, какъ это выгодно для васъ.

— Ты съ ума сошелъ, бѣдный Миша!

— Батюшка, до нѣкоторой степени это вѣрно. Вы увидите сами, дайте договорить: если вы заплатите долги мои и дадите мнѣ еще деньжонокъ, то вы навсегда раздѣлаетесь со мной. Я выйду въ отставку...

— Ты, въ отставку? Кавалергардскій полковникъ!

— Какъ же я могу служить въ кавалергардахъ съ моимъ ничтожнымъ доходомъ, котораго вы меня теперь лишили, и съ долгами, которыхъ вы не хотите платить? И такъ я выхожу въ отставку, отправляюсь въ Южную Америку и поступаю въ ряды тамошнихъ молодцовъ, которые теперь бунтуютъ. Такимъ образомъ я доказываю свою *независимость* и ничѣмъ не рискую кромѣ жизни... Такъ какъ я получилъ ее отъ васъ, то вы выдадите мнѣ росписку. Подумайте! Больше мнѣ ничего не остается, коль скоро вы хотите лишить меня назначеннаго содержанія.... Изъ небольшихъ ручейковъ можетъ образоваться въ сложности такой потокъ... Нѣтъ, лучше раздѣлайтесь со мной теперь же: право, это для васъ всего выгоднѣе.

— Я вижу, что ты неисправимъ.

— Вы правы. Я ставлю все на карту: всѣ козыри у васъ на рукахъ... Выиграю я или проиграю, въ результатѣ получится для меня радикальное исправленіе, чего не въ состояніи сдѣлать никакія отеческія наказанія, хотя вы имѣете въ виду мое благо, точь въ точь какъ воспитатели въ католическихъ школахъ, которые сѣкутъ дѣтей для ихъ же пользы.

— И ты, какъ блудный сынъ, покинешь своего отца?

— Разница та, что блудный сынъ уноситъ съ собою слѣдующую ему по закону часть, а я прошу у васъ только чего нибудь въ зачетъ.

— И сестру, которая тебя такъ любитъ?

— У сестры есть ребенокъ, отецъ, мужъ; она ихъ всѣхъ любитъ: я облегчу ей бремя привязанностей...

— Негодяй! Бездѣльникъ! проговорилъ онъ съ негодованіемъ.

— Да, я къ несчастію никуда негоденъ: весь износился. Батюшка! Мое предложеніе выгодно для васъ: дайте денегъ и отпустите меня на всѣ четыре стороны.

Лунинъ остановился, чтобы отдохнуть и принялъ патетическую позу; въ ней было столько комизма, что я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Смѣйтесь, безчувственный, смѣйтесь, заговорилъ онъ снова. Я ожидаю всевозможныхъ бѣдствій: потопа, Египетскихъ казней, избіенія младенцевъ, Французской революціи... Отецъ изъявилъ свое согласіе!!

— Онъ согласился?

— На той самой ступенькѣ, куда онъ долженъ былъ сѣсть отъ сильнаго волненія. Онъ сидѣлъ, опустя голову на руки, и разсуждалъ самъ съ собою. Очень можетъ быть, что онъ, какъ тотъ отецъ, въ *Продѣлкахъ Скапена*, повторялъ про себя: *за какимъ чертомъ пошелъ онъ на эту проклятую галеру?*

— Стало быть, онъ заплатитъ за васъ долги?

— Не торопитесь: тутъ все дѣло въ второстепенныхъ подробностяхъ; онѣ смѣшны, а развязка очень пошлая.

— Ну говорите, я горю отъ нетерпѣнія.

— Непріятное ощущеніе... И такъ отецъ мой сидѣлъ, думалъ, соображалъ, высчитывалъ, продѣлывалъ уравненія со многими неизвѣстными, и мы долго молчали. Наконецъ онъ первый заговорилъ:

— У тебя десять тысячъ долгу?

— Можетъ быть, даже немного больше.

— Ты хочешь путешествовать?

— Изъ экономіи, батюшка: я соблюдаю ваши выгоды.

— На это потребуется тысячъ пять?

— По крайней мѣрѣ.

— И больше тебѣ ничего не нужно?

— Мнѣ нужно ваше благословеніе. батюшка.

— Благословляю тебя.

— Вы начинаете съ конца, батюшка.

— Я созову твоихъ кредиторовъ и поговорю съ ними....

— Они останутся глухи, какъ всегда.

— Я ихъ образумлю, они выслушаютъ.

— Но не уступятъ ни копѣйки.

— Я поручусь, и они согласятся подождать.

— И причтутъ законные проценты... Старая исторія... А деньги на путешествіе? Если вы хотите, чтобъ я васъ оставилъ въ покоѣ, дайте мнѣ возможность уѣхать.

— Сколько ты сказалъ, тебѣ нужно?

— Пять тысячъ безотлагательно, и ни копѣйки меньше.

— Въ такомъ случаѣ, ты можешь продать мои двѣ кареты: онѣ мнѣ не нужны, доктора совѣтуютъ мнѣ моціонъ.

— А ноги вы у нихъ же возмете? Я думаю, что для васъ будетъ лучше, если вы сами займетесь этой продажей. Я не умѣю ни продавать, ни покупать.

— Ты только умѣешь приводить меня въ отчаяніе.

— Зачѣмъ же отчаяваться? Вы должны, напротивъ, надѣяться.

— Тогда (продолжалъ Лунинъ уже другимъ тономъ), такъ какъ онъ все еще сидѣлъ на ступенькѣ и жалобно смотрѣлъ на меня, съ мольбою простирая руки, я помогъ ему встать. Онъ объявилъ, что принимаетъ мои условія. Я его проводилъ и вернулся къ себѣ. Вотъ моя просьба объ отставкѣ, только что испеченная: еще чернила не успѣли высохнуть! Въ ней моя будущность, моя свобода. Поиспански свобода libertade.

По словамъ Уваровой, я ожидалъ совсѣмъ другаго, а тутъ вдругъ этотъ юмористическій разсказъ съ перемѣной голоса, жесты, интонаціи, игра физіономіи! Я былъ и удивленъ, и обрадованъ. Наконецъ-то мой бѣдный Лунинъ могъ раздѣлаться съ ростовщиками и вздохнуть свободно.

— Я понимаю, что теперь, послѣ капитуляціи, вы уже не можете оставаться въ военной службѣ, сказалъ я ему, и тащиться по избитой колеѣ; но съ вашими блестящими способностями, вы можете быть полезнымъ въ гражданской службѣ и сразу стать превосходительствомъ.

— Мой милый, вскричалъ онъ, для меня открыта только одна карьера—карьера свободы, которая поиспански зовется libertade, а въ ней не имѣютъ смысла титулы, какъ бы громки они ни были. Вы говорите, что у меня большія способности и хотите, чтобъ я ихъ схоронилъ въ какой нибудь канцеляріи изъ-за тщеславнаго желанія получать чины и звѣзды, которыя Французы совершенно вѣрно называютъ crachats... Какъ! Я буду получать большое жалованье и ничего не дѣлать, или дѣлать вздоръ, или еще хуже — дѣлать все на свѣтѣ, и при этомъ надо мной будетъ начальникъ, котораго я буду ублажать, съ тѣмъ чтобъ его спихнуть и самому сѣсть на его мѣсто? И вы думаете, что я способенъ на такое жалкое существованіе! Да я задохнусь, и это будетъ справедливымъ возмездіемъ за поруганіе духа. Избытокъ силъ задушитъ меня. Нѣтъ, нѣтъ мнѣ нужна свобода мысли,—свобода воли, свобода дѣйствій. Вотъ это настоящая жизнь! Прочь обязательная служба! Я не хочу быть въ зависимости отъ своего оффиціальнаго положенія; я буду приносить пользу людямъ, тѣмъ способомъ, какой мнѣ внушаютъ разумъ и сердце. Гражданинъ вселенной—лучше этого титула нѣтъ на свѣтѣ. Свобода! Libertade! Я уѣзжаю отсюда. Поѣдемъ вмѣстѣ! Ваше призваніе быть волонтеромъ: я васъ вербую въ наши ряды.

Тутъ я поспѣшилъ прервать его, чтобъ немного охладить порывъ увлеченія:—Вы думаете, что я достоинъ быть вашимъ Санхомъ Пансою, благородный Ламаншскій герой? Я уже теперь вижу, какъ будетъ сіять на вашей головѣ бритвенный тазъ! Да, я послѣдую за вами, и всякій разъ послѣ неудачной борьбы съ вѣтряными мельницами, которыя зовутся дѣйствительностью, буду напоминать вамъ пословицы, изреченія народной мудрости. Я тоже не хочу больше носить оружія, но вмѣсто него я вооружусь перомъ и тамъ, на цвѣтущихъ берегахъ Сены, буду осмѣивать людскія слабости.

— Прелестная Дезульеръ, вы все еще мечтаете о стихахъ! Это не къ добру.

— Какъ, при вашемъ вольнодумствѣ вы суевѣрны?

— Какъ фаталистъ, я долженъ быть суевѣренъ. Развѣ я вамъ не говорилъ, что въ Парижѣ я былъ у Ленорманъ?

— Ну и чтòже вамъ сказала гадальщица?

— Она сказала, что меня повѣсятъ. Надо постараться, чтобъ предсказаніе исполнилось.

Мы разошлись: онъ съ лицомъ, сіяющимъ отъ восторга, отправился къ сестрѣ подѣлиться своими мечтами и счастіемъ; а я пошелъ домой, подумывая о скоромъ отъѣздѣ. Мною овладѣла тоска по родинѣ: перемѣна воздуха становилась для меня необходима.

Разъ рѣшившись выйти въ отставку, мы съ Лунинымъ больше не раздумывали; мысль объ освобожденіи всецѣло овладѣла нами, и мы, каждый про себя и вмѣстѣ, разработывали ее во всѣхъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ. При всемъ томъ цѣли у насъ были различныя.

Желаніе снова увидать родину одерживало во мнѣ верхъ надъ остальными неясными стремленіями и надеждами. Къ тому же жизнь искателя приключеній, странствующаго по бѣлу свѣту, не особенно прельщала меня; да и къ бунтамъ я не чувствовалъ природнаго влеченія. Я старался представить себѣ будущее, разсчитать шансы успѣха; мнѣ казалось лучше, если бы экспедиція наша имѣла другую цѣль, или по крайней мѣрѣ, еслибъ она направилась въ другую часть земнаго шара, а не туда, куда предполагалъ Лунинъ. Я сталъ отговаривать его.

— Неужели, говорилъ я ему, наша дѣятельность можетъ проявиться съ успѣхомъ только подъ экваторомъ? Разсмотримъ этотъ вопросъ. Старый свѣтъ износился и обветшалъ; новый еще не тронутъ. Америкѣ нужны сильныя руки; Европѣ, старой, беззубой, съ ея центромъ, вѣчно обновляющимся Парижемъ, нужны развитые умы. Куда же мы пойдемъ? Физической силой похвалиться мы не можемъ. Конечно до Орфея мнѣ далеко; но все таки я думаю, что слово окажется болѣе сильнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ, чѣмъ кинжалъ. Ловкій софизмъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ въ средѣ стараго общества, чѣмъ проповѣдь съ оружіемъ въ рукахъ среди дикихъ народовъ. Прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, слѣдуетъ подумать; не мѣшаетъ также посовѣтываться и съ желудкомъ и принять въ разсчетъ пищеварительныя способности: я нисколько не желаю пробовать человѣческаго мяса, и голодать тоже не хочу, тѣмъ болѣе, что я почти увѣренъ, что, пользуясь всѣми припасами, доставляемыми цивилизаціей, я съумѣю при помощи познаній состряпать себѣ очень порядочный обѣдъ.

— Вы Византіецъ-Французъ и больше ничего, отвѣчалъ Лунинъ.

Лунина всѣ побаивались за его смѣлые поступки и слова. Онъ не щадилъ порока, и иногда его меткія остроты бывали направлены противъ высокопоставленныхъ лицъ. Онѣ никогда не заходили такъ далеко, чтобъ навлечь на него наказаніе; онѣ возбуждали смѣхъ, но иногда могли оскорбить. Его рѣшеніе выйти въ отставку было принято съ затаеннымъ удовольствіемъ: препятствій не оказалось никакихъ; напротивъ, спѣшили все уладить поскорѣе.

Доложили Государю, что кавалергардскій полковникъ Лунинъ желаетъ выйти въ отставку.

— Это самое лучшее, что̀ онъ можетъ сдѣлать, отозвался Императоръ.

— Онъ проситъ позволенія ѣхать за границу.

— Позволяю: съ Богомъ!

Эти рѣзкіе отвѣты Государя, отличавшагося кротостью и ласковымъ, вѣжливымъ обращеніемъ, объясняются небольшимъ происшествіемъ, случившимся въ 1812 году, до нашествія Французовъ. Лунину вздумалось нанять въ Кронштадтѣ лодку и ѣхать одному въ море, чтобы снимать планы укрѣпленій. Его замѣтили въ зрительную трубу, нагнали и арестовали. Государь потребовалъ у него объясненія этого дерзкаго поступка.—Ваше Величество, отвѣчалъ онъ, я серьезно интересуюсь военнымъ искусствомъ, а такъ какъ въ настоящее время я изучаю Вобана, то мнѣ хотѣлось сравнить его систему съ системой вашихъ инженеровъ.

— Но вы могли бы достать себѣ позволеніе; вамъ бы не отказали въ просьбѣ.

— Виноватъ, Государь: мнѣ не хотѣлось получить отказъ.

— Вы отправлялись одинъ въ лодкѣ, въ бурную погоду: вы подвергались опасности.

— Ваше Величество, предокъ вашъ Петръ Великій умѣлъ бороться со стихіями. А вдругъ бы я открылъ въ Финскомъ заливѣ неизвѣстную землю? Я бы водрузилъ знамя Вашего Величества.

— Говорятъ, вы не совсѣмъ въ своемъ умѣ, Лунинъ.

— Ваше Величество, про Колумба говорили тоже самое.

— Я прощаю сумашедшихъ; но прошу, чтобъ въ другой разъ этого не было.

Уварова, горячо любившая брата, была огорчена его намѣреніемъ покинуть Россію, хотя и она и мужъ ея одобряли его, такъ какъ, по упрямству отца, не оставалось другаго исхода. Они тоже находили, что благоразумнѣе жить во Франціи, чѣмъ поступать въ ряды возмутившихся Американцевъ: послѣднее они тоже считали довольно рискованнымъ предпріятіемъ, и намъ, наконецъ, удалось соединенными усиліями уломать Лунина. Теперь оставалось ждать удобной минуты для отъѣзда, а покуда время проходило для меня такъ пріятно, что и теперь, при воспоминаніи о немъ, я снова чувствую себя молодымъ. Прежніе друзья были забыты для Лунина: я совершенно подчинился ему и былъ счастливъ. Съ утра я приходилъ къ нему, и мы рѣшали, какъ проводить день. Чаще всего мы отправлялись за городъ, или же садились въ лодку и катались по заливу. Съ собою мы брали книги, провизію, чай и самоваръ. Лакей поилъ насъ чаемъ, онъ же былъ и гребцомъ. Иногда мы высаживались на Крестовскій островъ и тамъ отдыхали подъ соснами; иногда ѣздили въ Екатерингофъ, и тамъ, подъ березами, Лунинъ разсказывалъ по поводу загороднаго домика Петра I интересныя подробности о Преобразователѣ Россіи.

Въ одну изъ этихъ прогулокъ Лунинъ прочелъ вслухъ Le lépreux de la cité d'Aoste, который только что появился тогда въ Петербургѣ. Онъ читалъ очень хорошо. Блѣдная, сѣверная природа вполнѣ гармонировала съ печальнымъ тономъ разсказа; лодка тихо покачивалась; сѣрое небо отражалось въ волнахъ залива: нами овладѣвало тихое, грустное раздумье.

Лунинъ обладалъ большою чувствительностію. Воспитаніе развило въ немъ умъ, который и преобладалъ въ обыкновенное время надъ воображеніемъ; условія общественной жизни, какъ она сложилась въ Петербургѣ, пріучили его ко многому относиться съ насмѣшкою и не-

довѣріемъ, и бывали минуты, когда природное чувство, вступая въ свои права, всецѣло овладѣвало имъ; тогда въ немъ и слѣда не оставалось обычной сухости и насмѣшливости.

Михаилъ Лунинъ не имѣлъ претензій Вигеля, но онъ хорошо былъ знакомъ съ исторіей своей родины и особенно любилъ останавливаться на выдающихся событіяхъ новѣйшей исторіи. Съ Карамзинымъ онъ не былъ друженъ, но цѣнилъ его достоинства, какъ историка и добросовѣстнаго изслѣдователя. Иногда, по праздникамъ, мы вмѣшивались въ толпу, и Лунинъ сообщалъ мнѣ свои историческія, часто полныя глубокаго смысла замѣчанія на счетъ народа, его нравовъ, качествъ и недостатковъ. Мы были и на гуляньѣ 1-го Мая, и тутъ онъ не пощадилъ своими сарказмами высшихъ классовъ. Онъ не пропускалъ ни одного лица: о каждомъ была у него въ запасѣ исторія, и большею частію скандальная; но онъ такъ мастерски разсказывалъ, такъ мѣтко умѣлъ охарактеризировать однимъ словомъ своихъ героевъ, что по неволѣ приходилось прощать ему его цинизмъ. Еслибъ не скупость отца, онъ бы могъ быть однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ высшемъ обществѣ; а теперь ему приходилось стоять въ толпѣ глупыхъ зѣвакъ и довольствоваться обществомъ иностранца, у котораго было только то достоинство, что онъ умѣлъ его понимать и цѣнить. Чтобъ не быть предметомъ состраданія или презрѣнія для своихъ соотечественниковъ, онъ рѣшился вести скромную жизнь на чужой сторонѣ, и теперь заранѣе пріучалъ себя къ лишеніямъ. Но онъ былъ веселъ и не жаловался на судьбу. Онъ бодро шелъ, съ гордо поднятой головой, думая, какъ Фигаро, что для того, кто долженъ ходить пѣшкомъ, стыдъ—лишнее бремя.

И такъ, наше общественное положеніе уравнялось, и мы могли жить вмѣстѣ, тѣсно соединенные общею умственною жизнію.

Лѣто уже было на исходѣ; наступала пора подумать объ отъѣздѣ. Мы отправились въ Кронштадтъ освѣдомиться о судахъ, отходившихъ во Францію или въ Англію.

Трехъ-мачтовый корабль *Вѣрность* изъ Дьеппа, нагруженный саломъ, готовился къ отплытію въ Гавръ; мы условились въ цѣнѣ и два дня спустя покинули Петербургъ. Уваровъ съ женой провожали насъ до парохода, который и перевезъ насъ черезъ Финскій заливъ. До тѣхъ поръ не было пароходовъ въ Россіи: первые появились на Финскомъ заливѣ. Лунинъ-отецъ, въ приливѣ родительской нѣжности, захотѣлъ насъ проводить до корабля. $^{10}/_{22}$ Сентября 1816 г., въ два часа пополудни, мы вышли изъ гавани въ хорошую погоду и съ попутнымъ вѣтромъ.

Два года тому назадъ я въѣзжалъ въ туже самую гавань, полный надеждъ, которымъ не суждено было исполниться. Но я провелъ счастливо эти два года. Я уносилъ съ собою много дорогихъ воспоминаній и уѣзжалъ съ чувствомъ благодарности за оказанное мнѣ гостепріимство. Когда корабль вышелъ изъ гавани, мы, стоя съ Лунинымъ на палубѣ, послали послѣдній привѣтъ отцу его, который съ вала посылалъ намъ свое благословеніе, осѣняя крестомъ всѣ четыре стороны. Сынъ былъ видимо взволнованъ, но и тутъ не могъ удержаться отъ шутки.

— Вотъ добрый отецъ-то! сказалъ онъ. Ѣду я вслѣдствіе финансовыхъ соображеній, а онъ хочетъ показать дѣло въ иномъ видѣ. Ну, чтожъ, я ему благодаренъ: для меня онъ нарушилъ свои привычки. Я даже теперь, разлучаясь съ нимъ, чувствую что-то въ родѣ сожа-

лѣнія. Я полагаю, что эти грустныя предчувствія у меня отъ того, что онъ уже слишкомъ расщедрился на прощаньѣ. Помилуйте! Двадцать пять бутылокъ портеру, двадцать пять бутылокъ рому, пудъ свѣчъ и даже лимоны!... Правда, онъ долго не хотѣлъ покупать лимоновъ; но понялъ, что ромъ и портеръ дешевле въ Кронштадтѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Ему это удовольствіе! Да, скупой отецъ даже готовъ на подарки, если только есть случай при этомъ выгадать копѣйку.... Ну, а что касается до свѣчей, тутъ ужъ я не понимаю... Развѣ только онъ, какъ настоящій Русскій баринъ, хочетъ доказать Французамъ превосходство нашего освѣтительнаго матеріала? Вѣдь это чистый воскъ! Жаль: я теперь начинаю понимать, что съ нимъ можно бы столковаться. Да, я не такъ повелъ дѣло!

Въ минуту отъѣзда всегда является чувство безотчетнаго страха, какой-то торжественности, которое невольно овладѣваетъ вами. Чувство это еще сильнѣе, когда вы ѣдете по морю: земля уходитъ изъ глазъ, безграничное море все полнѣе васъ охватываетъ; вы испытываете волненіе, какое-то глупое предчувствіе. И Лунинъ и я, мы оба ощущали тоже впечатлѣніе; мы слѣдили глазами за убѣгавшимъ песчанымъ Русскимъ берегомъ, остаткомъ твердой земли; говорить мы были не въ состояніи. Такъ продолжалось вплоть до ночи. Когда стемнѣло, матросы запѣли Veni Creator, и всѣ стали на колѣни. Я вспомнилъ, какъ въ Петербургѣ говорили, что Французы не исполняютъ религіозныхъ обрядовъ, и былъ радъ за своихъ соотечественниковъ. Тишина вечера, торжественное зрѣлище колѣнопреклоненныхъ матросовъ, тронули даже Лунина.

Корабль нашъ не разсчитывалъ на пассажировъ; поэтому намъ пришлось удовольствоваться низенькой, узкой комнаткой, не представлявшей никакихъ удобствъ: Но мы безропотно покорились своей участи. Такъ какъ голодъ давалъ себя чувствовать, то мы прежде всего принялись за осмотръ провизіи, взятой на дорогу. Благодаря заботливости Уваровой, намъ долго не предвидѣлось необходимости прибѣгать къ матросскому кушанью: у насъ въ избыткѣ были холодныя жаркія, лакомства и т. д. Мы весело поужинали и, благодаря родительской щедрости, выпили за здоровье всѣхъ, покинутыхъ нами.

Въ эту ночь я спалъ, какъ убитый; меня убаюкивала надежда увидать свою родину. Утромъ я проснулся здоровый, съ свѣжей головой. Сквозь трещины каюты проникалъ воздухъ; солнечные лучи золотыми нитями ложились на полу; сверху доносились звуки утренней молитвы. Товарищъ мой проснулся съ веселымъ восклицаніемъ, и мы, умывшись съ помощію приставленнаго къ намъ для услугъ матроса и убравши каюту, поспѣшили на палубу, чтобъ освѣжиться. Передъ нами былъ живописный островъ Голандъ съ утесами, на которыхъ росли сосны; между деревьями мелькали хижины. Лунинъ срисовалъ видъ, а я съ своей стороны старался запомнить его, чтобъ потомъ при случаѣ описать его. Къ полудню подулъ сильный, противный вѣтеръ, и намъ пришлось лавировать. На палубѣ оставаться было нельзя, и мы пролежали цѣлый день въ каютѣ. Лунинъ былъ мраченъ. Вечеромъ мы услыхали пѣніе молитвъ, подъ гулъ волнъ, ударявшихся о бортъ; ночь прошла довольно спокойно.

Между старыми моими рукописями я нашелъ тетрадку, въ которой отмѣчалъ я тогда впечатлѣнія путешествія. Я буду выписывать изъ нея все, что мнѣ кажется интереснымъ, и особенно то,

что̀ касается Лунина, такъ какъ онъ игралъ видную роль въ современной исторіи своей родины. Мелочныя подробности ежедневной жизни необходимы, чтобъ дать всестороннее понятіе о человѣкѣ; поэтому я и не буду пропускать ихъ.

«Вторникъ 12 (24 Сентября) 1816 года. Ночью мы опять пошли назадъ къ Голанду, чтобъ попасть на настоящую дорогу, съ которой свернули. Мы близъ Ревеля. Вечеръ очень хорошъ. Мы пригласили капитана выпить съ нами пуншу. Онъ разговорился про свои путешествія. Между прочимъ онъ разсказалъ, какъ на возвратномъ пути изъ Португаліи, когда ихъ застигла буря, угрожавшая опасностью экипажу, цѣлая стая голубей опустилась на корабль. Матросы ловили руками дрожащихъ отъ испуга птицъ и сажали въ клѣтку, съ тѣмъ чтобы потомъ употребить на обѣдъ. Но когда буря миновала, небо прояснилось, одинъ изъ матросовъ выпустилъ ихъ на волю, въ то время, какъ товарищи его отдыхали. «Къ чему нарушать законы гостепріимства? подумалъ онъ;—они просили у насъ пріюта, мы спасли ихъ, какъ Господь спасъ насъ». Нѣсколько минутъ спустя, матросъ упалъ въ воду, и весь экипажъ единодушно далъ обѣтъ отслужить обѣдню за его спасеніе. Его благополучно вытащили, и когда корабль пришелъ въ Марсель, капитанъ и всѣ матросы отправились босикомъ въ церковь Богоматери, принести благодареніе за помощь. Во время вечерней молитвы, мы поднялись на палубу. Огромная волна прошла надъ нашими головами, не замочивъ насъ».

«Мы быстро плывемъ».

«Середа 13 (25). Отличная теплая погода и легкій попутный вѣтеръ. Мы съ утра на палубѣ; тамъ и завтракали. Въ одинадцать часовъ вышли изъ Финскаго залива. Мы долго и серьёзно разговаривали. Лунинъ разбиралъ всѣ страсти, могущія волновать сердце человѣка. По его мнѣнію, только одно честолюбіе можетъ возвысить человѣка надъ животною жизнію. Давая волю своему воображенію, своимъ желаніямъ, стремясь стать выше другихъ, онъ выходитъ изъ своего ничтожества. Тотъ, кто можетъ повелѣвать, и тотъ, кто долженъ слушаться—существа разной породы. Семейное счастіе—это прекращеніе дѣятельности, отсутствіе, такъ сказать, отрицаніе умственной жизни. Весь міръ принадлежитъ человѣку дѣла; для него домъ только временная станція, гдѣ можно отдохнуть тѣломъ и душей—чтобъ снова пуститься далѣе».

«Я жалѣю, что не записалъ тѣ смѣлыя доказательства и оригинальныя соображенія, которыми Лунинъ хотѣлъ во что бы то ни стало подкрѣпить свою мысль, лишенную твердой точки опоры. Это была блестящая импровизація, полная странныхъ, подчасъ возвышенныхъ идей; сильно возбужденное воображеніе сказывалось въ его свободно-лившейся, полной яркихъ образовъ рѣчи».

«Я не могъ съ нимъ согласиться, но также не могъ, да и не желалъ, его опровергать; я слушалъ молча и думалъ: «какая судьба ожидаетъ этого человѣка съ неукротимыми порывами и пламеннымъ воображеніемъ!» Какимъ маленькимъ, ничтожнымъ казался я въ сравненіи съ нимъ; я могъ бы служить живымъ доказательствомъ справедливости его словъ».

«Въ эту минуту, птичка, уже нѣсколько дней слѣдовавшая за кораблемъ, опустилась на рангоутъ; ее хотѣли поймать; но Лунинъ, помня разсказъ о голубяхъ, потребовалъ, чтобъ ее оставили на свободѣ. По этому поводу мы заговорили о различіи между свободою и не-

зависимостью, насколько они возможны при данномъ общественномъ строѣ. Тутъ я могъ представить ему опроверженія на его теорію. Независимость—это единственная гарантія счастія человѣка; честолюбіе же исключаетъ независимость: оно ставитъ насъ въ зависимость отъ всего на свѣтѣ. Независимость даетъ возможность быть самимъ собою, не насилуя своей природы. Въ собраніи единицъ, составляющихъ общество, только независимые люди дѣйствительно свободны. Бѣдный Лунинъ долженъ былъ признать справедливость моихъ доводовъ, какъ бы въ подтвержденіе двойственности, присущей каждому человѣку и въ особенности честолюбцу».

Когда я переписывалъ это мѣсто съ пожелтѣвшихъ листковъ стараго дневника, мною овладѣло сильное смущеніе, какъ будто я заглянулъ въ какую нибудь древнюю книгу съ предсказаніями. Дѣйствительно, въ рѣчахъ Лунина уже сказывался будущій заговорщикъ, который въ Парижѣ, при первой же возможности, перешелъ отъ словъ къ дѣлу и смѣло пошелъ на погибель. Мои же мнѣнія обличали отсутствіе сильной воли, что̀ и было источникомъ моей любви къ независимости. По этой же причинѣ я уберегся отъ многихъ опасностей и могъ дожить до старости.

«Въ четыре часа, мы пошли обѣдать въ каюту. Вѣтеръ дулъ попутный, и ничто не мѣшало намъ удовлетворить аппетиту. Вечеромъ мы читали вслухъ «*Валерію*» Крюднеръ. Это одинъ изъ тѣхъ романовъ, которые можно читать нѣсколько разъ, и они всегда будутъ производить на васъ сильное впечатлѣніе. Туманностью поэтическихъ образовъ и своею тихою мечтательностью онъ затрогиваетъ сочувственныя струны въ нашемъ сердцѣ. Какой контрастъ между небомъ Скандинавіи, гдѣ мы находились, и могучей природой Италіи, которую описывалъ авторъ—Русская женщина! Мы прочли его, за одинъ присѣстъ, останавливаясь только по временамъ, подъ вліяніемъ сильнаго волненія: этого чтенія на морѣ я никогда не забуду, тѣмъ болѣе, что многія мѣста согласовались съ нашимъ тогдашнимъ настроеніемъ».

«Четвергъ 21 Сентября (3 Октября). Наконецъ я снова могу приняться за перо. Въ продолженіи шести дней, мы не имѣли ни минуты покоя. Паруса убрали; волны такъ хлестали на палубу, что оставаться на ней становилось опасно; впрочемъ большихъ поврежденій на кораблѣ не было. Мы едва не задохнулись у себя въ каютѣ, потому что всѣ щели были замазаны саломъ изъ предосторожности; но, хотя опасность была велика, мы съ Лунинымъ не падали духомъ; напротивъ, мы прикидывались веселыми, чтобы скрыть другъ отъ друга свои настоящія ощущенія. Корабль бросало изъ стороны въ сторону, море шумѣло, потомъ вдругъ наступала полнѣйшая тишина и неподвижность, и мы съ испугомъ и недоумѣніемъ спрашивали себя: что̀ же съ нами будетъ, ужъ не идемъ ли мы ко дну?... Сердце замирало отъ ужаса..... Но раздавалась команда капитана, и мы снова оживали. По вечерамъ, сквозь ревъ бури, къ намъ доносилось урывками пѣніе матросовъ; оно дѣйствовало на насъ успокоительно *).

---

*) М. С. Лунинъ впослѣдствіи сдѣлался католикомъ: Іезуиты усердно ловятъ такихъ людей, и добыча была легкая. Когда онъ узналъ въ Сибири о кончинѣ своего благопріятеля, великаго князя Константина Павловича, то поручилъ сестрѣ своей Екатеринѣ Сергѣевнѣ Уваровой заказать въ Москвѣ, въ католической церкви на Малой Лубянкѣ, заупокойную мессу, что̀ и было исполнено. П. Б.

Такъ прошло шесть дней; наконецъ, вѣтеръ стихъ, и наше заключеніе кончилось. Буря застала насъ въ трехъ миляхъ отъ острова Борнгольма. Случись она двумя часами позже, и мы могли бы уйти въ гавань».

«Вторникъ 26 Сентября (8 Октября). Уже четыре дня, какъ я ничего не пишу въ своемъ дневникѣ; да и не о чемъ писать: событій никакихъ. Я бы, пожалуй, могъ записывать всѣ парадоксы моего милаго товарища, но это довольно трудно: желаніе быть во что бы ни стало оригинальнымъ заставляетъ его часто противорѣчить самому себѣ. Лучше пропускать ихъ безъ вниманія. Въ Субботу мы бросили якорь въ Зундѣ противъ Эльзинора. Не смотря на дурную погоду, Лунинъ непремѣнно хотѣлъ съѣхать на берегъ. Онъ говорилъ, что мы навѣрное встрѣтимъ Гамлета на валу крѣпости, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ злопамятная тѣнь отца явилась сообщить ему тайну своей смерти. Крѣпость имѣетъ средневѣковой характеръ, но городъ представляетъ жалкій видъ, и нужно сильное воображеніе, чтобъ представить себѣ, что здѣсь когда-то жилъ король съ своимъ дворомъ. Можетъ быть, гостинница, въ которой намъ подали плохой обѣдъ, была та самая, гдѣ останавливались актеры, такъ обласканные Гамлетомъ. Но едва ли грустная Офелія могла найти тутъ какіе нибудь цвѣты для украшенія своей бѣлокурой головки. Лунинъ, который, какъ всѣ Русскіе, говоритъ на всѣхъ языкахъ, и между прочимъ и поанглійски, доказывалъ мнѣ, что Дюсисъ навѣрное переводилъ Гамлета въ Эльзинорѣ и потому не считалъ нужнымъ справляться съ оригиналомъ. При этомъ онъ, вспоминая Фигаро, сказалъ: «Люди, ничего не дѣлающіе, ни на что не годятся и ничего не добиваются». Къ несчастію, онъ самъ непремѣнно чего нибудь да добьется!»

«Сегодня мы проходимъ Зундъ. Въ Каттегатѣ намъ нуженъ особенный вѣтеръ, въ Нѣмецкомъ морѣ опять другой, чтобъ попасть въ Ламаншъ еще третій. Погода хороша. Когда же увижу я Францію?»

Тутъ кончаются выписки изъ дневника моего.

*

Наше скучное, опасное плаваніе продолжалось уже двѣ недѣли, но это было только начало нашихъ несчастій. Едва только прошли мы Зундъ, какъ поднялась буря. Матросы выбились изъ силъ, въ кораблѣ оказались поврежденія, и мы принуждены были искать убѣжища въ одной изъ природныхъ бухтъ, образуемыхъ утесистыми берегами Норвегіи. Здѣсь мы были въ безопасности отъ бурь, но могли умереть со скуки, еслибъ не Лунинъ съ его неистощимымъ запасомъ остроумія и веселости. Не находя въ окружавшихъ его предметахъ пищи для сарказма, онъ обращался къ своимъ воспоминаніямъ и тамъ отыскивалъ что нибудь достойное осмѣянія. Когда же наступалъ серьезный стихъ, тогда начиналась отважная работа мысли, стремившейся къ развитію и усовершенствованію пониманія. Его образованіе, благодаря разнообразію элементовъ, вошедшихъ въ его составъ, было довольно поверхностно; но онъ дополнялъ его собственнымъ размышленіемъ. Его философскій умъ обладалъ способностью на лету схватывать полувысказанную мысль, съ перваго взгляда проникать сущность вещей, понимать настоящій смыслъ и связь явленій какъ въ природѣ, такъ и въ жизни общества и, восходя самъ собою до коренныхъ началъ всего существующаго, приводить все въ стройный порядокъ. Онъ былъ самостоятельный мыслитель, доходившій

большею частію до поразительныхъ по своей смѣлости выводовъ. Впрочемъ меня они не смущали; напротивъ, они давали опору моимъ собственнымъ воззрѣніямъ, которыя не всегда были согласны съ его мнѣніемъ. Мѣстечко, гдѣ намъ пришлось жить, называлось на картѣ городомъ, но въ дѣйствительности въ немъ было не болѣе десятка невзрачныхъ домиковъ, построенныхъ на берегу, въ уровень съ моремъ. Мы помѣстились въ лучшемъ изъ нихъ. Хозяева наши понимали немного поанглійски. Люди тутъ родились, жили и умирали, нисколько не подозрѣвая о существованіи другихъ обширныхъ странъ. На клочкахъ воздѣланной земли росли только овощи, но за то на утесахъ водилось много дичи, а въ заливѣ устрицы и гомары въ огромномъ количествѣ. Охота и ловля занимали цѣлые дни; кромѣ того мы часто катались на лодкѣ; разъ даже доѣхали до Христіанстата, старинняго города, гдѣ въ цѣлости сбереглась жизнь прошлаго столѣтія. Послѣ Парижа и Петербурга контрастъ былъ поразительный! Наконецъ корабль починили, мы снова пустились въ путь и, послѣ многихъ препятствій, наконецъ, увидали Гавръ при свѣтѣ заходящаго солнца. Я не съумѣю передать вамъ того чувства, которое охватило меня въ ту минуту, когда корабль остановился въ гавани. Сердце замирало: я ничего и никого не видалъ. Лунинъ говорилъ что-то, я не слыхалъ что̀ мнѣ говорили. Это безсознательное состояніе продолжалось, покуда я не ступилъ на родную землю, такъ легкомысленно мною покинутую два года тому назадъ. Товарищъ мой былъ просто доволенъ тѣмъ, что цѣль странствія нашего достигнута, но у меня всѣ личныя чувства слились въ одно чувство любви къ Отечеству, которое я въ первый разъ въ жизни постигъ во всей его полнотѣ. Послѣ того какъ я въ Россіи видѣлъ только два класса людей—помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и рабовъ-крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, какъ отрадно было чувствовать себя гражданиномъ страны, гдѣ всѣ пользуются равными правами, и способностямъ каждаго открыто свободное поприще! Но я недолго предавался своимъ чувствамъ: дѣйствительность предъявляла свои права; я опомнился и направился къ гостинницѣ, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

Въ ту минуту, какъ мы входили на лѣстницу, позвонили къ обѣду. Послѣ стольких дней, проведенныхъ нами безъ движенія въ темной досчатой каютѣ, убранство столовой показалось намъ верхомъ великолѣпія. Матерія заявляла громко свои права, и такимъ образомъ мы снова начинали жизнь актомъ питанія. Мы такъ долго кормились солеными тресковыми языками! Выходя изъ-за стола, мы узнали, что черезъ два часа отправляется дилижансъ въ Парижъ. Мы поспѣшили занять два мѣста и на слѣдующій вечеръ были уже въ Парижѣ.

(*До будущей книжки*).

Поминки.

Когда, въ часъ сумерекъ, перечислять мы станемъ
Друзей, ужъ выбывшихъ изъ нашего кружка,
И имя мы одно, межъ прочими, помянемъ;
У всѣхъ, какъ на заказъ, сорвется съ языка:

*
* *

«Такихъ людей, какъ онъ, уже не встрѣтишь болѣ».
Онъ дня блестящаго прекрасный былъ закатъ,
Онъ былъ послѣдній цвѣтъ въ благоухавшемъ полѣ,
И съ нимъ погасъ его и блескъ, и ароматъ

*
* *

И нынѣ есть цвѣты: земля не оскудѣла.
Есть люди, коими гордиться можетъ свѣтъ;
Но, какъ-то все не то: жизнь будто устарѣла;
Нѣтъ въ ней той свѣжести, и простодушья нѣтъ.

*
* *

Нашъ вѣкъ—спѣсивый вѣкъ: онъ смотритъ педагогомъ;
Указкой школьниковъ своихъ по пальцамъ бьетъ;
Онъ мало чувствуетъ, витійствуетъ о многомъ,
Онъ сочиняетъ жизнь, а жизнью не живетъ.

*
* *

Нашъ другъ не славился ни громкою войною,
Ни мирнымъ торжествомъ зиждительныхъ трудовъ;
И вѣщая молва, стоустной болтовнею,
Не прокричитъ о немъ въ исторіи вѣковъ.

*
* *

Скромнѣй былъ путь его! Онъ въ жизни шелъ проселкомъ;
Но сей проселокъ былъ и свѣтелъ, и красивъ;
И любовался онъ прогулкой тихомолкомъ,
И попросту былъ мудръ, и попросту счастливъ.

*
* *

Любезный человѣкъ и человѣкъ любимый:
—Вся біографія его въ стихѣ одномъ.

Онъ сталъ незамѣнимъ, онъ былъ необходимый;
Какъ дорожили имъ, такъ сѣтуемъ о немъ.

*
* *

Онъ старостою былъ, душой и запѣваломъ
Бесѣдъ аттическихъ и дружескихъ трапезъ;
Съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ,
И съ Пушкинымъ въ карманъ онъ за́-словомъ не лѣзъ.

*
* *

Разсѣянностью насъ до смѣха онъ забавилъ;
Его промолвокъ всѣхъ былъ перечень великъ;
Намъ нравилось и то, что мило онъ картавилъ,
Что на бекрень, подъ часъ, надѣтъ на немъ парикъ.

*
* *

Природа съ щедростью любимца надѣлила
И многихъ въ немъ даровъ посѣяла залогъ;
Но жизнь безпечная не всѣ ихъ въ ростъ пустила:
Иные онъ забылъ, другіе пренебрегъ.

*
* *

Онъ не любилъ борьбы, не выносилъ онъ скуки,
Онъ жизни упростилъ затѣйливый вопросъ,
Онъ диллетанте былъ искусства и науки,
И въ жизнь изящную диллетантизмъ онъ внесъ.

*
* *

До невозможности онъ былъ разнообразенъ;
Въ немъ съ зрѣлой осенью еще цвѣла весна;
Но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ,
И нота вѣрная во всемъ была слышна.

*
* *

Всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ,
Онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы:
Былъ мистикъ, теозофъ, пожалуй, чернокнижникъ,
И нѣжный трубадуръ подъ властью красоты.

*
* *

Равно, въ масонскую и въ оперную ложу
Былъ вхожъ онъ; и вездѣ былъ до́ма, былъ онъ свой.
Въ немъ старой Франціи могли признать вельможу,
Онъ Польской былъ магнатъ и Русскій коренной.

*
* *

Закуривался онъ съ профессоромъ Нѣмецкимъ,
Съ нимъ заносился въ даль заоблачныхъ границъ;

Для дѣтства, могъ-бы онъ у насъ быть новымъ Бецкимъ,
Иль быть директоромъ танцовщицъ и пѣвицъ.

*
* *

Все было для него средою благодарной;
Въ немъ отыскался-бы и тонкій дипломатъ;
Энциклопедіи ручной и популярной
Онъ сокращенный былъ и щегольской форматъ.

*
* *

Способный въ споръ вступать съ раввиномъ о Талмудѣ,
Съ Россини, какъ знатокъ, Моцарта оцѣнить,
Съ врачемъ про мозгъ спинной, про тифъ и о простудѣ,
Какъ будто врачъ онъ самъ, могъ съ толкомъ говорить.

*
* *

Былъ легкомысленъ онъ и былъ сосредоточенъ;
Съ прибрежья наблюдалъ житейскихъ волнъ игру;
Легко забывчивый, былъ акуратно точенъ
Онъ въ часъ обѣденный и на призывъ къ добру.

*
* *

Тутъ лѣни не было, раздумья и отсрочки:
Былъ онъ и бодръ, и скоръ на добрыя дѣла,
И къ ближнему любовь, безъ пышной оболочки,
Души его святымъ сокровищемъ была.

*
* *

Всемірной ярмонкой и выставкой всесвѣтной
Былъ кабинетъ его, открытый настежъ всѣмъ;
Кто приносилъ туда залогъ мечты завѣтной,
Кто мысль, кто плодъ труда, кто приходилъ ни съ чѣмъ:

*
* *

Актеръ, магнетизеръ, мыслитель величавой,
Скрипачъ и букинистъ, и теноръ, и хирургъ,
И всѣ искатели, которые за славой,
Да и за деньгами тѣснятся въ Петербургъ,

*
* *

Всѣ проявлялись здѣсь на пробѣ и поклонѣ;
Здѣсь былъ ихъ первый шагъ съ задаткомъ на успѣхъ.
Хозяинъ ласковый, въ домашнемъ Вавилонѣ,
Умѣлъ все выслушать и надоумить всѣхъ.

*
* *

Онъ, свѣтскій человѣкъ во всемъ значеньи слова,
Любилъ и тишину и нѣгу сельскихъ дней;

Заслушивался онъ, какъ шепчется дуброва,
Заглядывался онъ на свѣжій блескъ полей.

*
* *

Помѣщикъ, занятъ былъ онъ жатвой и цвѣтами;
Здѣсь рощу онъ сажалъ, тамъ мостъ спѣшилъ навесть;
Любилъ и въ дальній лѣсъ ходить онъ за грибами,
Особенно-жъ любилъ ихъ подъ сметаной съѣсть.

*
* *

Онъ царедворецъ былъ, но въ причетѣ придворныхъ
Умѣлъ быть самъ собой въ чести, и въ попыхахъ
Не расточалъ царямъ словъ приторно-притворныхъ.
Онъ былъ Гораціемъ у Августа въ гостяхъ.

*
* *

На жизненномъ пути, тернистомъ и невѣрномъ,
Онъ мудрость съ радостью любезно сочеталъ;
Онъ розы Пестума опрыскивалъ фалерномъ;
Онъ былъ поэтъ, хотя стиховъ не сочинялъ.

Приписка.

Вамъ, знавшимъ подлинникъ, и слѣдственно любившимъ,
Вамъ, слабый снимокъ мой, мнѣ хочется поднесть.
Люблю я вѣсть давать сердцамъ уже отжившимъ,
Какъ будто и отъ нихъ откликнется мнѣ вѣсть.

*
* *

Вы угадаете-ль портретъ мой безъимянной?
Иль я другой «Ефремъ, Россійскихъ странъ маляръ»,
Который, нѣкогда, своей мазилкой странной,
«Кузьму писать Лукой» имѣлъ особый даръ.

*
* *

Нѣтъ, не на кисть свою, не на свое искусство
Надѣюсь, а на Васъ, на Вашъ сердечный судъ,
На память чуткую, на смѣтливое чувство:
Къ загадочнымъ чертамъ они и ключъ найдутъ.

*
* *

На милый прахъ кладу и кипарисъ и розы,
Дань теплыхъ чувствъ моихъ, но оскудѣвшихъ силъ,
И въ своенравный стихъ, съ улыбкою сквозь слезы,
Я внесъ, что̀ чувствую, что́ помню, что̀ любилъ.

Князь Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами.
1877.

Константиновское Землемърное Училище

(нынѣ Константиновскій Межевой Институтъ).

14-го Мая будущаго 1879 года минетъ ровно сто лѣтъ со дня открытія того, въ началѣ весьма скромнаго, Землемѣрнаго Училища, которое возникло подъ именемъ Константиновскаго и, впослѣдствіи, передало это имя нынѣшнему Константиновскому Межевому Институту, высшему въ Россіи учебному заведенію по межевой части.

Въ увѣренности, что самъ институтъ займется разработкой собственной исторіи, мы желаемъ въ это дѣло внести и свою посильную лепту. Немногія предлагаемыя строки давно уже написаны [1]) по оффиціальнымъ, современнымъ открытію училища, матеріаламъ.

Екатерина II-я называла межеваніе «многотруднымъ подвигомъ» и даже «великимъ произведеніемъ» [2]).

Правительствующій Сенатъ, указомъ изъ Межевой Экспедиціи (что̀ нынѣ Межевой Департаментъ), на имя Межевой Канцеляріи, 23 Апрѣля 1779 г. (№ 439) нѣсколько умножилъ ограниченное число техниковъ, состоявшихъ при этой канцеляріи. Распоряженіе это было вызвано крайнею необходимостію «по великому числу спорныхъ дачъ, въ коихъ должно утвердить межи, по состоянію тѣхъ дачъ въ разныхъ прежде бывшихъ Московской губерніи провинціяхъ, яко то въ Московской, Владимірской, Переяславской-Залѣсскаго, Углицкой и Юрьевской-Польскаго, по которой все неоконченное докончить возложено собственно на сію Канцелярію...... что̀ оставленнымъ подъ вѣдомствомъ сей Канцеляріи четыремъ землемѣрнымъ партіямъ нынѣшнимъ (т. е. 1779 г.) лѣтомъ исправить будетъ не можно.... Сверхъ всего того утвержденія межъ и сочиненія на нихъ плановъ, въ сей Канцеляріи слѣдуетъ скопировать прежнихъ токмо лѣтъ плановъ больше 22 тысячъ, да межевыхъ книгъ списатъ 41 тысячу, а и вновь еще вступать можетъ тѣхъ плановъ и книгъ немалое число». Заботясь объ успѣшнѣйшемъ ходѣ дѣлъ по межеванію, Сенатъ, разумѣется, не могъ упустить изъ виду, что успѣхъ въ этомъ случаѣ зависитъ не столько отъ числа, сколько отъ качества рабочихъ рукъ. Въ томъ же указѣ читаемъ: «Токмо нужно постараться, дабы всѣ опредѣленные при сей Канцеляріи ученики, изъ коихъ, какъ отъ нея

---

[1]) Въ 1868 г., когда въ № 33-мъ и послѣдующихъ номерахъ «Современной Лѣтописи» печатались мои статьи подъ заглавіемъ «Архивъ Межевой Канцеляріи (Государственный Межевой Архивъ»), управлявшій въ то время межевымъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ, сенаторъ Иванъ Михаиловичъ Гедеоновъ сказалъ мнѣ: «хорошо бы отыскать свѣдѣнія и о времени основанія Константиновскаго землемѣрнаго училища». Тогда и написана эта статья.

[2]) П. С. З. 1766 г. (12711).

представлено, до 35 человѣкъ ни копировать, ни писать не умѣютъ, доведены были въ томъ до совершенства, къ чему и принять сей Канцеляріи надлежащія средства по собственному ея изобрѣтенію, что̀ все и представляется на собственное ея распоряженіе и попеченіе, такъ какъ и о жалованьѣ ученикамъ (о которыхъ сія Канцелярія представляла, чтобы производить имъ не по сороку, а по тридцати рублей въ годъ, а на остальные содержать для обученія ихъ учителей), какое изъ тѣхъ учениковъ кому производить должно по ихъ трудамъ и искусству, зависитъ отъ нея; потому особливо, что хотя и положено изъ тѣхъ учениковъ производить жалованье однимъ по шестидесяти, а другимъ, кои меньше первыхъ знанія и способности имѣютъ, по сороку рублей въ годъ; но всѣ тѣ ученики не инаково какъ состоятъ въ числѣ канцелярскихъ служителей. Въ имянномъ же ея императорскаго величества Декабря 15 дня 1763 г. указѣ точно напечатано: «Хотя по штатамъ въ каждомъ мѣстѣ число людей и на нихъ годовая сумма и положена, но какъ часто бываетъ, что изъ канцелярскихъ служителей одинъ другаго способнѣе и прилежнѣе въ дѣлахъ, то и должны президенты и прочіе, имѣющіе дирекцію производить жалованье нижнимъ канцелярскимъ служителямъ, смотря по трудамъ и достоинству».

Эти слова указа, полученнаго въ Межевой Канцеляріи 3 Мая 1779 г., послужили поводомъ къ *открытію Землемѣрнаго Училища*. Надо замѣтить, что приведенный здѣсь указъ требовалъ нѣсколькихъ безотлагательныхъ распоряженій и сношеній, чтобы незамедлить межевыхъ дѣйствій въ самое удобное для того время года, такъ что Межевая Канцелярія, въ подписанномъ 6-го Мая 1779 г. протоколѣ по тому указу, собственно объ ученикахъ заключила только: «И наконецъ, о наймѣ для незнающихъ чертежныхъ учениковъ учителя, и о вычетѣ у нихъ денегъ изъ Январской сего года трети на жалованье, также на покупку инструментовъ и матеріаловъ, о всемъ томъ доложить особо».

Дѣйствительно, столь важный предметъ заслуживалъ особаго доклада.

На другой же день, т. е. 7 Мая, сдѣланъ этотъ, отличающійся большею полнотою, особый докладъ. Въ немъ видно, сколько человѣкъ предназначалось къ поступленію въ училище, какія познанія въ то время требовались отъ землемѣра, какія были денежныя средства возникавшаго училища, учебныя пособія, число покоевъ для помѣщенія, мебель. Первый членъ Межевой Канцеляріи собранію предлагалъ (т. е. присутствію), что призналъ онъ за способныхъ для обученія, находящихся въ чертежной, учениковъ ариѳметикѣ и геометріи—подполковника Чуровскаго и сына его сержанта Андрея Чуровскаго, а копированію и украшенію (иллюминовкѣ) плановъ—землемѣрнаго помощника и живописца Егора Михайлова, изъ которыхъ первый былъ на владѣльческомъ коштѣ у межеванія земель... другой требуется отъ Военной Конторы въ межевой корпусъ, а третій здѣсь при чертежной въ штатѣ на сторублевомъ окладѣ. Подполковникъ Чуровскій себѣ и сыну своему за обученіе ариѳметики и геометріи требовалъ дать имъ на первый случай жалованья триста рублей въ годъ. При семъ Межевая Канцелярія разсматривала представленный отъ чертежнаго директора секундъ-маіора Муравьева, списокъ помощникамъ и ученикамъ, по которому видно: въ ариѳметикѣ, геометріи, практикѣ и въ планахъ совершенно знаю-

щихъ только четыре помощника: Чернышевъ, Филимоновъ, Кастюринъ, Малютинъ, да первоклассный ученикъ Ярцевъ, двое же помощниковъ, Поповъ и Быковъ, ариѳметику и планъ-геометрію знаютъ, планы чертятъ хорошо, и въ практикѣ были, слѣдовательно имъ осталось обучить одну только тригонометрію. Изъ учениковъ, знающихъ отчасти геометрію, первоклассные: Иванъ Коноваловъ, Григорій Ѳеофановъ, и второклассный Данила Аблауховъ; а прочіе помощники 12 человѣкъ, въ томъ числѣ означенный живописецъ Егоръ Михайловъ, да заштатный Иванъ Дубровицкій, учениковъ 1-го класса 17, 2-го класса 42, въ томъ числѣ сверхъ комплекта 4 человѣка, ни начала геометріи не знаютъ, и изъ нихъ многіе простому дѣленію и копированію еще обучаются; а всѣхъ помощниковъ и учениковъ слѣдуетъ обучать 76 челов. Жалованье штатные получаютъ по 100, первоклассные по 60, второклассные по 40 рублей въ годъ. А указомъ Сената изъ Межевой Экспедиціи, полученнымъ сего Мая 3-го дня, обученіе незнающихъ и уменьшеніе у нихъ жалованья отдано на распоряженіе и попеченіе Межевой Канцеляріи; и для того приказано: 1) Подполковнику Чуровскому быть учителемъ ариѳметики и геометріи; а сыну его, по выключкѣ изъ военной службы, при немъ помощникомъ, съ произведеніемъ обоимъ имъ жалованья 300 руб. въ годъ, которое и выдавать учителю по третямъ года. 2) Порядочному копированію и украшенію плановъ обучать означенному помощнику и живописцу Егору Михайлову, которому между тѣмъ и самому ариѳметикѣ и геометріи обучаться у подполковника Чуровскаго; жалованье-жъ ему, Михайлову, производить отъ учениковъ по сту руб. въ годъ. 3) Для произведенія означеннымъ учителямъ и помощникамъ жалованья, также для покупки инструментовъ и матеріаловъ вычитать: у помощниковъ по пяти, у первоклассныхъ учениковъ по три, у второклассныхъ по два рубли въ треть, доколѣ они совершенно обучатся. Въ слѣдствіе сего, изъ заслуженнаго въ прошедшую Январскую треть жалованья вычесть у 10 помощниковъ, у 19 первоклассныхъ и у 39 второклассныхъ учениковъ, а у всѣхъ 175 рублей 50 коп., которые, особенно храня, въ расходъ употреблять не иначе какъ по опредѣленіямъ и ассигнаціямъ канцелярскимъ (т. е. Межевой Канцеляріи), о чемъ дать указъ, и для записки тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ—шнуро-запечатанную книгу. 4) Какъ всѣхъ почти находящихся при чертежной помощниковъ и учениковъ надо-бы обучить: но если вдругъ всѣхъ къ тому отдать, то произойдетъ, съ одной стороны, для учителя трудность, а съ другой—остановка въ копированіи плановъ: и для того чертежному директору секундъ-маіору Муравьеву велѣть тѣхъ помощниковъ и учениковъ, которые порядочно копируютъ планы, оставить въ чертежной; а посредственныхъ и неумѣющихъ, отобравъ человѣкъ до 36-ти, отдать по списку учителямъ съ тѣмъ чтобъ они, доведя ихъ въ познаніи, первый—лонъ-геометріи, а второй—копированію и украшенію плановъ, возвратили ихъ въ чертежную для работы, а вмѣсто нихъ приняли послѣднихъ 40 человѣкъ для совершеннаго уже окончанія ариѳметики и геометріи, также копированія и украшенія плановъ, и какъ они во всемъ томъ успѣютъ, отдали бы ихъ въ чертежную, а изъ нея взяли прежнихъ учениковъ, и съ ними также поступили бы какъ съ послѣдними. 5) Учителямъ и расходчику велѣть приготовить 12 геометрическихъ Русскихъ инструментовъ, 36 досокъ аспидныхъ и грифелей, да для рисованья 12 листовъ хорошихъ печатныхъ картушъ. 6) Когда все то бу-

детъ куплено, раздать обучающимся на каждыхъ трехъ человѣкъ по одному инструменту, по одному печатному листу, а доски и грифели каждому съ обязательствомъ, что ежели кто испортитъ или потеряетъ, съ того непремѣнно взыскано или вычтено будетъ изъ жалованья. 7) Для сей школы отвесть въ главномъ корпусѣ наугольныхъ три покоя что̀ въ садъ; а поелику ни столовъ, ни скамеекъ готовыхъ нѣтъ, то экзекутору и расходчику подрядить сдѣлать два небольшихъ стола и три стула для учителей и помощника, да два большихъ стола и четыре скамейки для учениковъ. 8) Дабы въ ученьи сохраненъ былъ надлежащій порядокъ и успѣхъ, того смотрѣть и прилежно наблюдать чертежному первоклассному землемѣру коллежскому ассесору Протасову; а главное за всѣмъ тѣмъ попеченіе принялъ на себя г. первый членъ (т. е. Рожновъ) съ тѣмъ, что онъ всякій мѣсяцъ учащихся самъ экзаменовать будетъ. 9) Какъ о семъ распоряженіи, такъ и объ ассесорѣ Протасовѣ, что онъ выбранъ, Межевой Экспедиціи донесть рапортомъ, включая при немъ таковой же списокъ, каковъ отъ директора Муравьева о знаніи помощниковъ и учениковъ представленъ.

Это опредѣленіе подписано присутствіемъ Межевой Канцеляріи 10 Мая, а 14-го того же мѣсяца директоръ чертежной секундъ-маіоръ Муравьевъ донесъ: «По опредѣленію Межевой Канцеляріи, для обученія ариѳметики, геометріи и прочихъ касающихся до межеванія наукъ, къ подполковнику г. Чуровскому помощники, первоклассные и второклассные ученики въ чертежной назначены; а кто именно, тому прилагаю при семъ именный списокъ, по которому ему, г. Чуровскому, сего числа и сданы». Въ тотъ же день «Межевая Канцелярія, разсуждая о вновь заводимой здѣсь землемѣрной школѣ, приказали: «Сіе училище, по призваніи въ помощь Всевышняго, открыть нынѣшній день, и какъ во оный происходить будетъ торжество для его императорскаго высочества благовѣрнаго государя великаго князя Константина Павловича [1], то въ честь ему сіе землемѣрное училище наименовать Константиновскимъ, и о томъ Межевой Экспедиціи въ извѣстіе отрапортовать; а о публикованіи въ газетахъ сообщить въ императорскій Московскій университетъ, куда и 50 коп. отослать». Рапортомъ въ Сенатъ по Межевой Экспедиціи, 16 Мая 1779 г., № 1980, Межевая Канцелярія между прочимъ доносила: «Для сей школы отведено въ главномъ корпусѣ канцелярскомъ три покоя съ принадлежностью, также инструменты и другіе матеріалы заготовлены и, наконецъ, то училище по призваніи въ помощь Всевышняго, при членахъ Межевой Канцеляріи, при директорѣ, учителяхъ, землемѣрахъ и другихъ членахъ, открыто сего Мая 14-го дня, въ который здѣсь и торжество происходило для его имп. выс. вел. кн. Константина Павловича, и въ честь его высочеству сіе землемѣрное училище наименовано Константиновскимъ».

Въ именномъ указѣ Сенату 7 Декабря 1796 (П. С. З. 17621), сказано: «Аппробуя во всѣхъ частяхъ тайнаго совѣтника и Межевой Канцеляріи главнаго директора Дмитріева-Мамонова докладъ объ упраздненіи Псковской и Вологодской Межевыхъ Конторъ и о прочемъ, повелѣваемъ Сенату нашему сходное съ представленіемъ помянутаго тайнаго совѣтника учинить распоряженіе немедленно». Въ приложенномъ же докладѣ сенатора Дмитріева-Мамонова встрѣчается

[1]) Родившагося 27 Апрѣля этого 1779 года.

слѣдующее любопытное мѣсто: «А какъ еще и сверхъ того имѣетъ сія (Межевая) Канцелярія у себя училище, заведенное при покойномъ генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, называемое Константиновское, на которое никакого положенія никогда сдѣлано не было, а *содержится оное вычитаемыми деньгами изъ жалованья у другихъ вѣдомства Межевой Канцеляріи чиновъ*; и хотя изъ онаго училища не выходятъ люди съ отмѣннымъ знаніемъ вышнихъ наукъ, однако обучаются быть достаточными землемѣрами, знающими хорошо чертить и рисовать планы и прочее, изъ которыхъ многіе употребляются по той Канцеляріи къ исправленію разныхъ должностей, а нѣкоторые хотя по крайней мѣрѣ обучаются чистому и хорошему письму,такъ что легко употреблены быть могутъ въ службѣ другаго рода; каковое заведеніе разрушить теперь кажется безполезно, а содержать оное на такомъ основаніи никакъ невозможно»: поэтому, Дмитріевъ-Мамоновъ испрашивалъ на содержаніе Константиновскаго училища 3900 р. въ годъ, что́ и было утверждено.

Въ отвѣтномъ указѣ Межевой Канцеляріи на ея донесенія объ открытіи Константиновскаго училища, Сенатъ 20-го Августа 1779 г., № 735, между прочимъ писалъ: «Сей Канцеляріи дать знать указомъ, что Межевая Экспедиція надѣется, всѣхъ тѣхъ помощниковъ и учениковъ Межевая Канцелярія не оставитъ постараться довесть до надлежащаго въ наукахъ познанія; для того, что чѣмъ скорѣе они обучены и въ дѣйствительную работу употреблены будутъ, тѣмъ больше получится успѣху въ сочиненіи и копированіи плановъ». Ни слова о заведеніи, школѣ или училищѣ не упомянуто, какъ будто Сенатъ не считалъ себя въ правѣ оффиціально признать новооткрытое училище, хотя на дѣлѣ оно уже существовало, и Межевая Канцелярія постоянно упоминала о немъ не только въ своихъ опредѣленіяхъ, но и въ донесеніяхъ Сенату.

Гдѣ возникло училище? Межевая Канцелярія съ Октября 1770 по Августъ 1788 г. помѣщалась въ домѣ, купленномъ 1770 г., Сентября 27-го, у вдовы фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, княгини Анны Даниловны Трубецкой, по купчей, писанной того же 27-го Сентября въ Москвѣ у крѣпостныхъ дѣлъ. Въ купчей мѣсто этого дома означено такъ: «Каменный домъ, состоящій на Тверской большой улицѣ, въ приходѣ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что́ именуется на Вражкѣ, со всѣмъ строеніемъ и съ имѣющимся при томъ домѣ садомъ, кромѣ состоящаго позади палатъ маіора Петра Михайлова, сына Бѣльскаго, деревяннаго строенія, котораго при объявленіи и продажѣ и на планѣ показано не было. «А въ межахъ тотъ нашъ (кн. Трубецкой и ея сыновей) домъ по обѣ стороны проѣзжихъ съ Тверской на Никитскую улицу переулковъ, а мѣрою подъ тѣмъ домомъ и садомъ земли по большой Тверской улицѣ 47 сажень и $^2/_3$, по переулку съ правой стороны 61 сажень съ $^1/_2$; отъ того переулка вправо, подлѣ саду бригадира Андрея Лукьянова, сына Толмачева, 21 сажень $^2/_3$, да подлѣ двора и саду Московской первой гильдіи купца Ивана Михайлова сына Сажина 31 сажень; по лѣвую сторону, по переулку жъ съ Тверской на Никитскую улицу 44 сажени $^2/_3$». По этому описанію очевидно, что купленный у княгини Трубецкой домъ Межевой Канцеляріи находился на мѣстѣ нынѣшняго дома А. Н. Голяшкина, противъ дома, лѣтъ двадцать тому назадъ принадлежавшаго покойному Ѳедору Васильевичу Самарину, а потомъ Дашкевичу. Помѣстительность того дома въ объ-

явленіи самой княгини описана такъ: «Въ большомъ домѣ, въ верхнемъ этажѣ, палатъ 16, въ томъ числѣ со сводами 2 зала, большая одна; внизу: жилыхъ палатъ 7; погребовъ 3; казенная большая одна; оныя всѣ со сводами. На переднемъ дворѣ, въ маленькомъ флигелѣ, палатъ 2 съ накатными потолками; въ большомъ флигелѣ вверху 9, внизу—7 палатъ, поварня и приспѣшная съ накатнымъ потолкомъ. Оное все крыто желѣзомъ. Флигель каменный со сводами, въ немъ два покоя, въ сѣняхъ—очагъ; сарай каменный со сводами на 12 каретъ; конюшня съ накатнымъ потолкомъ на 44 стойла. Палата большая со сводами крыта гонтомъ. Садъ регулярный съ плодовитыми деревьями, два колодезя». За неимѣніемъ плана того дома, нельзя указать и трехъ комнатъ, отведенныхъ въ немъ для Константиновскаго Землемѣрнаго Училища. Домъ этотъ, по переходѣ Межевой Канцеляріи въ *нынѣшнее* ея помѣщеніе, сданъ въ вѣдомство Московскаго оберъ-полицмейстера 19 Сентября 1788 г. А какъ изъ приведеннаго доклада Дмитріева-Мамонова видно, что Константиновское Землемѣрное Училище состояло *при* Межевой Канцеляріи и въ 1796 г., а по штату того года, на училище это положено всего 3900 руб. собственно на жалованье; особаго же отъ Канцеляріи помѣщенія нанимать было не на что: то нѣтъ сомнѣнія, что училище это изъ описаннаго дома перешло въ нынѣшнее зданіе Кремлевскихъ присутственныхъ мѣстъ въ одно время съ Межевою Канцеляріею, которая открыла тамъ присутствіе свое 2-го Августа 1788 года.

Чрезъ десять дней по открытіи училища, именно 24 Мая 1779 г., Межевая Канцелярія приказала: «въ Константиновскомъ Землемѣрномъ Училищѣ каковому быть порядку, оный здѣсь приложенъ, съ котораго въ училище и въ повытье дать знать».

ПОРЯДОКЪ

лекціямъ въ Константиновскомъ землемѣрномъ училищѣ.

«I. По полуночи съ 9 часовъ до 2-хъ по полудни, господину подполковнику Чуровскому и сыну его обучать ариѳметикѣ и геометріи».

«II. Часы 2 и 3 для обѣда и отдохновенія».

«III. По полудни съ 4-хъ два часа: одинъ часъ планы чертить, и одинъ часъ писать обучать помощнику Егору Михайлову, которому поутру и самому учиться ариѳметикѣ и геометріи».

«IV. Единожды въ мѣсяцъ, въ субботу, по полуночи 9 и 10-ый часы экзаменовать въ обученныхъ наукахъ».

«V. Часы 11 и 12-ый читать воинскій артикулъ и законы межевые».

«VI. Кто изъ учениковъ, въ которомъ часу приходить не будетъ въ школу, или больнымъ отрапортуется, или же неизвѣстно за чѣмъ не придетъ, записывать въ особо сдѣланную тетрадь, и чрезъ то лѣнивыхъ познавать».

«VII. Наблюдать, чтобъ шуму и крику и рѣзвости не происходило, но каждый устремленъ былъ въ ученье».

«VIII. Невоздержныхъ смирять, а лѣнивыхъ штрафовать по разсмотрѣнію учительскому, соразмѣрно проступку и природѣ виновнаго: 1) постановленіемъ на колѣни; 2) задержаніемъ подъ карауломъ; 3) хлѣбомъ и водою, а наконецъ, 4) по необходимости наказаніемъ розгами и палкою, смотря по возрасту и состоянію».

«IX. Ежедневно подавать господину первому члену рапорты—кто когда въ школѣ не былъ, или поздо приходилъ и кто, за что и чѣмъ былъ штрафованъ».

«X. Ежемѣсячныя подавать ему же, господину первому же члену, репорты, кто въ мѣсяцъ что выучилъ и что учить началъ; приле женъ ли, понятенъ ли, порядоченъ ли въ поведеніи, или нѣтъ».

Немногочисленны и недороги были учебныя пособія, дѣйствительно пріобрѣтенныя для Константиновскаго Землемѣрнаго Училища въ первый годъ его существованія. Вотъ онѣ: 36 аспидныхъ досокъ по 32 коп. штука, 11 р. 52 коп., три дюжины грифилей по 7 коп. дюжина—21 копѣйка. 15-го Мая 1779 г. въ виду того, что нѣкоторые изъ обучающихся въ Константиновскомъ Землемѣрномъ Училищѣ писать мало умѣютъ, приказано: «въ университетской книжной лавкѣ, по напечатанной цѣнѣ, купить 12-ть Россійскихъ азбукъ на счетъ вычтенной суммы, и азбуки раздать обучающимся на три человѣка по одной, съ тѣмъ чтобъ они, примѣняясь къ нимъ, учились писать, и въ томъ надъ ними смотрѣніе имѣть помощнику и рисовальному мастеру Михайлову». Въ университетской лавкѣ, по напечатаннымъ въ реестрѣ 1779 г. цѣнамъ, азбуки были по 60 и по 80 коп., а въ «партикулярныхъ» лавкахъ «тѣ самыя азбуки» приторгованы по 50 коп., по какой цѣнѣ и велѣно ихъ купить; итого за азбуки 6 руб. Потомъ велѣно купить «для обучающихся рисованію помощниковъ и учениковъ 17 печатныхъ кунштовъ по приторгованной цѣнѣ за два руб.». Подполковникъ Чуровскій 10 Іюля 1779 доносилъ Межевой Канцеляріи: «Находящіеся въ командѣ моей сверхкомплектные ученики, которые состоятъ на своемъ коштѣ и едва имѣютъ пропитаніе, наукою дошли до геометріи, и надлежащихъ геометрическихъ инструментовъ, по неимуществу своему, купить не въ состояніи, и затѣмъ долѣе имъ науку продолжать невозможно, и дабы въ наукѣ имъ остановки не было, того ради..... симъ представляю, дабы за благо велѣно было впредь, на счетъ ихъ жалованья, шесть инструментовъ изъ казенной суммы купить». По этому представленію приказано пріобрѣсти «шесть Россійскихъ инструментовъ, каждый по 3 рубля, да шесть треугольниковъ съ линейками, каждый по 12 коп., и все за 18 руб. 72 коп. купить» и деньги выдать изъ вычтенной на ученье суммы. Вотъ и всѣ пособія. Впослѣдствіи, именно 25 Сентября того же года, подполковникъ Чуровскій представлялъ о покупкѣ инструментовъ въ собственность учениковъ на счетъ ихъ жалованья, приводя въ примѣръ Артиллерійскую Школу и Морскую Академію: «По опредѣленію оной канцеляріи», писалъ Чуровскій, «велѣно ко обученію въ ономъ училищѣ геометріи учениковъ *на перво* купить шесть готоваленъ геометрическихъ, такожъ линейки съ треугольники; а нынѣ находятся въ геометріи 19-ть человѣкъ, и всѣмъ тѣми инструментами довольствоваться не только остановочно, но и въ поврежденіи оныхъ, кѣмъ то поврежденіе въ обществѣ учинено, усмотрѣть невозможно, отчего въ починкѣ происходятъ нерѣшимые споры, промедленіе и въ наукѣ остановка. А какъ всякому изъ нихъ, по выпускѣ изъ школы, безъ инструментовъ обойтиться невозможно, чего ради и въ бытности моей въ Артиллерійской Школѣ, на жалованьѣ состоящимъ ученикамъ велѣно имѣть инструменты, каждому изъ своего жалованья; такожъ и въ Морской Академіи потребные по наукамъ инструменты даются, хотя изъ казны, но за вычетъ изъ ихъ жалованья, которые и при выпускѣ изъ школы при нихъ оставаться имѣютъ: чего ради не благоволено ли будетъ изъ находящихся въ ономъ училищѣ въ геометріи и далѣе ученикамъ, хотя самонужнѣйшія инструмента штучки, при выдачѣ нынѣ жалованья,

каждому купить отъ себя, которыя всякъ для себя усерднѣе и беречь можетъ». Намъ неизвѣстно, чѣмъ разрѣшено это представленіе.

Іюня 13-го того же 1779 г. приказано купить въ Константиновское Землемѣрное Училище: для учителя столъ (дубовый) за 2 р. 30 к., сукна (краснаго) 1½ арш. по 2 р. 25 к. за аршинъ, стулъ—75 коп.; для учащихся шесть скамеекъ по 55 коп. каждая, восемь стеклянныхъ чернильницъ по 8 к. каждая, шкафъ для клажи инструментовъ (сосновый) 6 р., итого на 16 р. 32½ коп., изъ вычтенной на ученье суммы.

Получивъ вышеприведенный указъ Сената 28 Августа, Межевая Канцелярія приказали (2 Сентября, т. е. чрезъ 3½ мѣсяца по открытіи училища) «Межевой Экспедиціи донесть рапортомъ, что съ начала учрежденія Константиновскаго Землемѣрнаго Училища, т. е. Мая съ 14-го дня, изъ числа отданныхъ въ то училище 36 помощниковъ и учениковъ, которые знали малую часть ариѳметики, 20 человѣкъ не только выучили уже весь ариѳметикъ, но двое изъ помощниковъ же, Яковлевъ и Семеновъ, дошли до тригонометріи и практики, прочіе же обучаютъ лонъ-геометрію, а остальные ариѳметикъ; какъ же скоро сіи 36 человѣкъ науку окончаютъ, то отдадутся въ чертежную и разошлются по землемѣрамъ; а оттуда въ училище малознающіе взяты будутъ. И такимъ образомъ канцелярія старается и стараться будетъ всѣхъ таковыхъ довесть къ совершенному землемѣрной науки познанію». Рапортъ объ этомъ посланъ въ Сенатъ того же 19 Сентября № 2792. Наконецъ, вотъ *годовой* рапортъ *отъ Константиновскаго Землемѣрнаго Училища*, доложенный Межевой Канцеляріи 22 Іюня 1780 г. «Съ открытія Землемѣрнаго Училища, т. е. 779 года, Мая съ 14-го дня сего 780 года Мая по 14-е [1]) сколько помощниковъ и учениковъ, и коликихъ лѣтъ, и какихъ чиновъ въ какую науку вступили, и кто что̀ выучилъ, и кто когда изъ онаго училища выбылъ, прилагается при семъ именной списокъ». По этому рапорту, Межевая Канцелярія 14-го Іюля 1780 г. приказали Прав. Сената въ Межевую Экспедицію представить доношеніе слѣдующаго содержанія. «Съ начала открытія того училища, въ теченіи годоваго времени обучены 39 человѣкъ ариѳметикѣ, геометріи и копированію плановъ, и по выпускѣ изъ училища должность свою отправляютъ уже порядочно, а 36 человѣкъ къ тому обучаются. О чемъ Межевая Канцелярія симъ представляя, имѣетъ честь свидѣтельствовать усердіе и труды учителя Чуровскаго и сына его, помощника. А какъ сей послѣдній давно уже сержантомъ, то не соизволено ль будетъ къ поощренію и дальнѣйшихъ успѣховъ ихъ, пожаловать оному сержанту оберъ-офицерскій чинъ. О службѣ же его списокъ подносится при семъ». Изъ этого списка видно, что Андрей (Даниловичъ) Чуровскій 25-ти лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ въ 1761 году капраломъ, унтеръ-офицеромъ 1767 г., сержантомъ 1769 г. Ноября 24-го. Къ межеванію опредѣленъ въ 1770 г. и отъ онаго выпущенъ въ военную службу, откуда вторично принятъ помощникомъ 1779 г. Декабря 17. Слѣдовательно, во время представленія А. Чуровскаго къ чину, онъ всего около полугода былъ преподавателемъ въ Землемѣрномъ Училищѣ.

Изъ этихъ данныхъ видимъ, что, въ первый годъ существованія училища, личный составъ его былъ слѣдующій: первый членъ Меже-

[1]) Надо думать, что лѣтнихъ вакацій не было.

вой Канцеляріи, оберъ-прокуроръ Сената тайн. сов. Сергѣй Рожновъ былъ какъ бы директоръ: ему подавались ежедневные и ежемѣсячные рапорты объ ученикахъ, онъ же принялъ на себя главное попеченіе объ училищѣ и каждомѣсячный экзаменъ. Должность первокласснаго землемѣра, коллежскаго ассесора Протасова, походитъ на инспекторскую. Впрочемъ, въ оффиціальныхъ бумагахъ, имѣвшихся у насъ подъ рукою, мы не нашли слѣдовъ дѣятельности Протасова какъ инспектора, а видѣли только, что онъ былъ назначенъ собственно въ помощь директору чертежной, и между ними (директоромъ и Протасовымъ) были раздѣлены дѣла и чины чертежной. Учители: подполковникъ Данило Чуровской и сынъ его сержантъ Андрей Чуровскій да землемѣрный помощникъ и живописецъ Егоръ Михайловъ, вмѣстѣ учитель и ученикъ, въ томъ же году выбывшій изъ училища и неизвѣстно кѣмъ замѣненный. Училище было открытое; были въ немъ и сверхкомплектные, своекоштные ученики, да можно сказать и всѣ были *отчасти* своекоштные: изъ ихъ же жалованья нанимались преподаватели и пріобрѣтались учебныя пособія и мебель.

Съ ничтожными средствами, за то съ большимъ усердіемъ да и видно въ добрый часъ было основано Константиновское Землемѣрное Училище. Труды его основателей не остались безплодны; въ рукахъ достойныхъ преемниковъ ихъ, нынѣшній Константиновскій Межевой Институтъ уже много лѣтъ выпускаетъ такихъ землемѣровъ, которые глубоко проникнуты настоящимъ понятіемъ о межеваніи, какъ оно разумѣлось самою мудрою законодательницею. «Размежеваніе»—гласитъ инструкція Екатерины II—«есть дѣло не только касающееся къ пользѣ и спокойствію каждаго владѣльца, но самое государственное и содержащее въ себѣ собственную императорскую славу и пользу тишины и спокойствія обще всего нашего любезнаго государства» [1]). Почтимъ благодарностію память тайн. сов. Рожнова, такъ горячо принявшагося за дѣло: всего черезъ десять дней по полученіи указа о наймѣ учителей, Рожновъ открылъ Землемѣрное Училище. Думаемъ также, что основаніемъ своимъ училище это много обязано и генералъ-прокурору князю Вяземскому; не даромъ въ указѣ Сената 23 Апрѣля 1779 г. упоминается о письмѣ Рожнова къ князю Вяземскому, и хотя и не видно содержаніе того письма, но едвали безъ предварительной переписки съ генералъ-прокуроромъ Рожновъ рѣшился бы открыть училище. Въ содѣйствіи князя Вяземскаго мы убѣждены тѣмъ болѣе, что намъ извѣстно, какъ серьезно и внимательно относился онъ къ межевому дѣлу; напримѣръ, еще за долго до открытія училища, именно 24 Декабря 1769 г., въ Рождественный сочельникъ, князь Вяземскій писалъ къ М. М. Измайлову (подъ вѣдѣніемъ котораго строился тогда домъ Кремлевскихъ присутственныхъ мѣстъ, нынѣ зданіе Судебной Палаты и Окружнаго Суда), чтобы онъ, Измайловъ, самолично объяснился съ главнымъ членомъ Межевой Канцеляріи, Зенбулатовымъ, «какіе именно для межевой архивы покои надобны, и чтобъ о томъ, въ разсужденіи распространенія государственнаго межеваго архива, имѣть общее разсужденіе». Поминая добрымъ словомъ и генералъ-прокурора князя Вяземскаго и перваго члена Межевой Канцеляріи Рожнова за ихъ заботы объ основаніи училища, будемъ справедливы къ самому межевому корпусу вмѣстѣ съ Межевою Канцеляріею: они дали средства

[1]) П. С. З. 25 Мая 1766 (12659).

къ существованію училища. Деньги на наемъ учителей и на прочія потребности, сперва удѣлялись изъ жалованья учениковъ, а потомъ, какъ сказано въ приведенной выдержкѣ изъ всеподданнѣйшаго доклада Дмитріева-Мамонова 1796 г., училище это содержалось вычитаемыми деньгами изъ жалованья у другихъ вѣдомства Межевой Канцеляріи чиновъ. Пріютъ училище также нашло въ помѣщеніи Межевой Канцеляріи,—помѣщеніи, по ветхости дома, весьма тѣсномъ и для канцеляріи, не говоря уже объ ея архивѣ. Наконецъ, необходимость основанія училища была ближе всѣхъ не только сознана, но и прочувствована самими межевыми; вѣдь къ землемѣрамъ же назначались *помощники* изъ весьма малосвѣдущихъ учениковъ.

Каждый съ любовью относится къ мѣсту своего воспитанія, каждому навсегда памятны годы проведенные на школьной скамьѣ, и однокашники, даже старики, для которыхъ уже многое въ жизни утратило свою прелесть, едва-ли не всего охотнѣе мѣняются разсказами изъ времени, когда-то прожитаго въ училищѣ. Эти бесѣды всегда радушны, всегда оживленны, разсказчики какъ будто молодѣютъ. Самыя слова порицанія той или другой личности все-таки дышутъ любовью къ заведенію, потому что порицаніе дѣлается только тѣмъ, кто, такъ или иначе, могъ быть помѣхою, или доброму направленію заведенія, или успѣхамъ въ наукахъ. Скажемъ не обинуясь, что Константиновскій Межевой Институтъ еще болѣе дорогъ межевымъ, потому что это училище—собственное созданіе ихъ предшественниковъ, лелѣянное на собственныя ихъ средства въ теченіе слишкомъ $17^1/_2$ лѣтъ. Хотѣлось бы дожить до столѣтней годовщины Института, хотѣлось бы порадоваться на то искреннее, теплое чувство, съ какимъ бывшіе его воспитанники отнесутся къ мѣсту своего воспитанія; а что они съумѣютъ достойно почтить годовщину *своего* заведенія, въ этомъ намъ служитъ порукою нѣсколько прежнихъ примѣровъ, и между ними до сихъ поръ самый блестящій: по собственному единодушному вчинанію межевыхъ, изъ ежегодныхъ ихъ пожертвованій, образована особая сумма въ помощь вдовамъ и сиротамъ чиновъ межеваго вѣдомства, въ память столѣтней годовщины (19 Сентября 1765 г.) манифеста о межеваніи. Въ настоящее время сумма эта простирается до 46,000 рублей, за всѣми дѣлаемыми вспомоществованіями.

Не намъ предрѣшать, чѣмъ должна ознаменоваться столѣтняя годовщина Института, но не можемъ не выразить задушевнаго желанія, чтобы въ память этого дня была основана *стипендія имени бывшихъ воспитанниковъ и воспитателей Константиновскаго Межеваго Института.* По нашимъ понятіямъ, невозможно достойнѣе выразить благодарность къ этому разсаднику лучшихъ знатоковъ межеваго дѣла. Главное—нежелательны никакія, особенно обязательныя, подписки: добровольно пожертвованная лепта всего дороже, и добровольныхъ пожертвованій навѣрно достанетъ на стипендію.

Князь Іосифъ Мещерскій.

Замѣтки.

Въ Р. Архивѣ 1876, кн. III, стр. 136, графъ Ростопчинъ пишетъ: «Наполеонъ въ Италіи былъ бы начальникомъ *бандитовъ*, въ Испаніи предводительствовалъ бы *бандолерами*; сдѣлался бы въ Германіи разбойничьимъ атаманомъ; въ Россіи Пугачевымъ; Гейвеманомъ (?) въ Англіи».

Гейвеманъ значитъ поанглійски: highway man (high way—большая дорога, man—человѣкъ) voleur de grand chemin, воръ на большой дорогѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка		Напечатано	Надо
469.	6	сверху	Онъ	Зотовъ.
477	3	снизу	княжнѣ	княгинѣ
489	18	сверху	княгиня Клара	княгиня Клари.
494	20	снизу	генералъ-губернаторъ	генералъ-прокуроръ.
497	19	—	превѣтренный геній	превыспренный геній
499	28	—	какого пола	какого посла.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

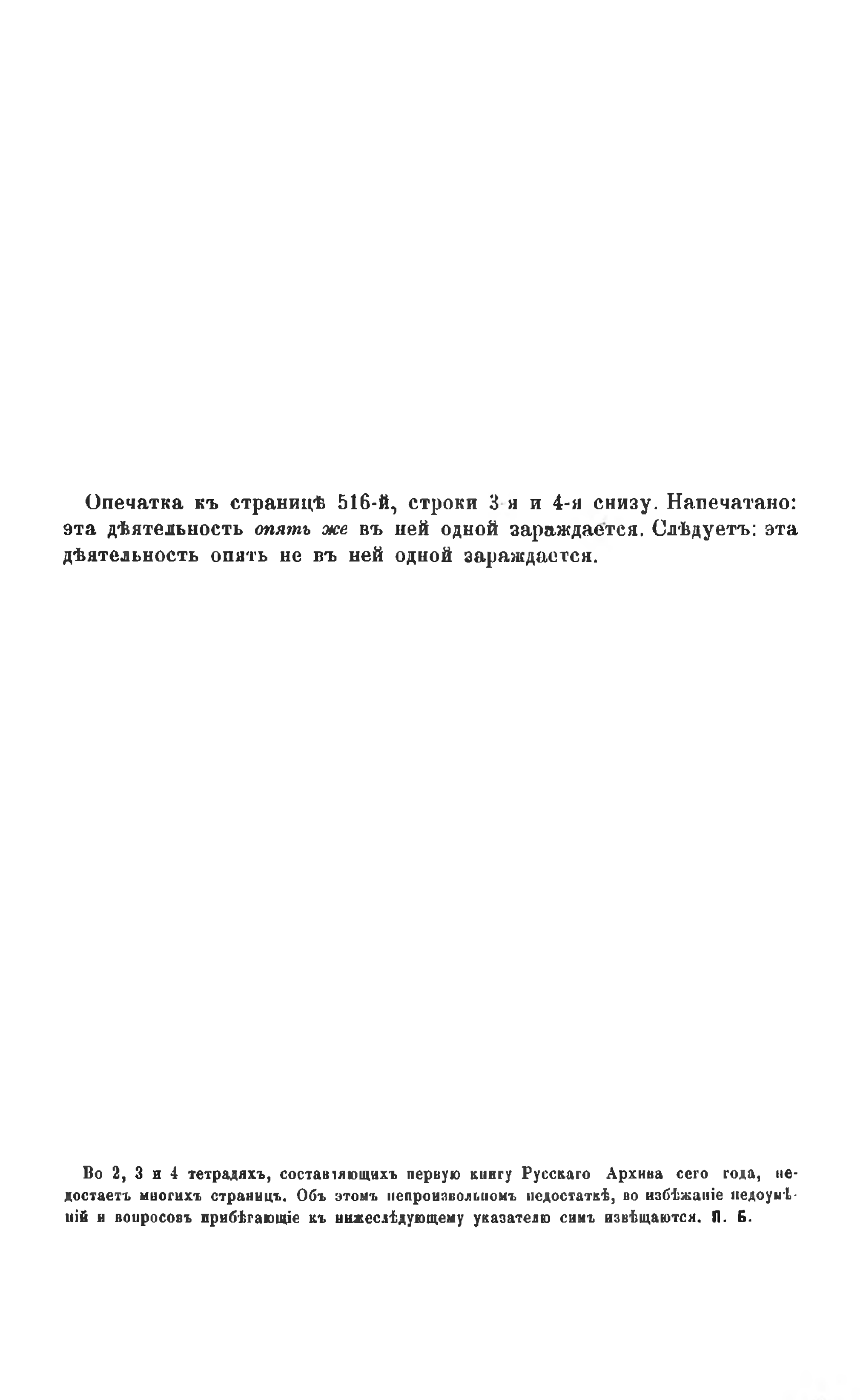
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА

1877 года.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

Опечатка къ страницѣ 516-й, строки 3-я и 4-я снизу. Напечатано: эта дѣятельность *опять же* въ ней одной зараждается. Слѣдуетъ: эта дѣятельность опять не въ ней одной зараждается.

Во 2, 3 и 4 тетрадяхъ, составляющихъ первую книгу Русскаго Архива сего года, недостаетъ многихъ страницъ. Объ этомъ непроизвольномъ недостаткѣ, во избѣжаніе недоумѣній и вопросовъ прибѣгающіе къ нижеслѣдующему указателю симъ извѣщаются. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА

1877 года.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Надо.*
308	7 снизу	кашмира	казиміра
310	19 сверху	отличалась	отличала
311	13 снизу	Митрополитовъ	Митрофановъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1877 ГОДА.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** въ царствованіе Павла. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ и значеніи событія 14 Декабря. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Пугачевщина: письма **графа П. И. Панина** къ его брату. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Записка Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и Папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его біографія и переписка съ Екатериною II-ю и другими лицами. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года; опальное время; обозрѣніе Павловскаго царствованія). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**, не вошедшихъ въ изданіе его сочиненій. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Лица, желающія выписать 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
ВЪ 1877 ГОДУ.
(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія*, двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію, Бельгію и Францію **10** рублей, въ Англію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива смотри на внутренней сторонѣ этой обертки.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногороднихъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ доставлялись ежемѣсячно.

Составитель и Издатель Русскаго Архива
Петръ Бартеневъ.